

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

"НАУКА"
МОСКВА – 2012

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Циммерлинг (Москва). Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте	3
Е.К. Скрибник, О.А. Зезинг (Мюнхен). К описанию эвиденциальности и миративности в калмыцком языке	39
А.С. Касьян (Москва). Отражение праславянской фонемы *ы в старопсковском диалекте разговорника Т. Фенне как архаизм.....	73
Н.К. Богомолова (Москва). Личное согласование в табасаранском языке: концептуализатор и его адресат в структуре ситуации	101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

В.М. Алпатов (Москва). <i>С.А. Бурлак. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы.</i> М.: Астрель, 2011	125
М.А. Живлов (Москва). <i>F. Kortlandt. Studies in Germanic, Indo-European and Indo-Uralic.</i> Amsterdam: Rodopi, 2010	131
Н.Л. Шибасова (Москва). <i>А.И. Кузнецова. Динамика русских глаголов движения с XI по XX век.</i> Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010	134
А.В. Андронов (Санкт-Петербург). <i>N. Nau. A short grammar of Latgalian.</i> München: LINCOM GmbH, 2011	139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С.А. Оскольская (Санкт-Петербург). Рабочее совещание «Взаимодействие языков малочисленных народов РФ с русским языком»	146
А.В. Гик, А.С. Кулева (Москва). Расширенный научный семинар «Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет “Словаря языка Пушкина”»	148
Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина (Москва). XLIII Виноградовские чтения в МГУ	155

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.И. Подлесская, В.А. Плуилян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *А.С. Кулева, М.М. Маковский, О.А. Шарыкина, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Редакция журнала «Вопросы языкознания»

Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:

www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© Российская академия наук, 2012 г.

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2012 г.

© 2012 г. А.В. ЦИММЕРЛИНГ

СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ С КЛИТИКАМИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

Системы порядка слов с цепочками клитик могут быть описаны в терминах синтаксических ограничений. Все известные системы порядка слов с клитиками могут быть отнесены к одному из четырех типов, называемых в статье W -системами, W^+ -системами, W^* -системами и V -системами. Кластеризуемые клитики обычно являются элементами уровня предложения: образование цепочки происходит в определенной синтаксической позиции. Выделяются правила барьера, порождающие порядки слов, где вся цепочка или часть клитик цепочки стоят вне канонической позиции кластеризации: такие порядки слов трактуются в работе как производные.

Предмет статьи находится на пересечении типологии порядка слов и типологии клитик как особого разряда просодически недостаточных и синтаксически дефектных элементов. Особенностью разряда клитик, который анализируется в статье, является способность образовывать цепочки, т.е. фиксированные последовательности элементов, исключающие перестановку в том случае, когда клитики стоят контактно друг с другом. Способность образовывать цепочку не исключает дистантного расположения клитик, когда они присоединяются к разным хозяевам. Данный механизм поддерживает самостоятельность клитик в качестве элементов предложения или группы. Кластеризация клитик происходит в определенной синтаксической позиции и не может осуществляться в других. Принципы размещения цепочек всегда влияют на расстановку других категорий предложения¹, представленных не-клитиками. Поэтому системы порядка слов с цепочками нужно анализировать в терминах синтаксических ограничений и параметров, регулирующих данные ограничения. Синтаксические ограничения понимаются в статье не только как дескриптивные обобщения, касающиеся узуса конкретных языков, но и как проявление порождающей / распознающей способности естественного языка запрещать неправильно построенные структуры. Однотипные ограничения в области порядка слов свойственны значительному числу неродственных языков с цепочками клитик. Рассматриваются языки славянской группы, где представлены четыре типа систем порядка слов с цепочками: все четыре выделенных типа имеют соответствия в других ареалах. Точное соответствие болгарской системе порядка слов, где одновременно действуют ограничения на место цепочек и на место глагола, находится в центрально-филиппинском ареале.

В отличие от предшествующих работ, системы порядка слов с клитиками классифицируются только на основе ограничительных условий, различия в синтаксисе не выводятся из собственно просодических свойств клитик. Общей чертой славянских языков, имеющих

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-04-00282а «Типология морфосинтаксических параметров». Я благодарю анонимных рецензентов журнала «Вопросы языкознания» за ценные критические замечания. Ответственность за конечные формулировки и недочеты целиком лежит на авторе статьи.

¹ Термин «категория предложения» здесь и ниже используется в техническом значении «имеющий ненулевое выражение элемент структуры предложения, представленный словоформой или блоком слов, объединенных некоторой общей маркировкой и линейной позицией».

цепочки, является корреляция между кластеризацией и рангом синтаксической области: кластеризуются только клитики уровня предложения (clause-level clitics), но не клитики уровня группы (phrase-level clitics). Данная генерализация распространяется и на местоименные клитики в винительном и дательном падеже, которые могут выступать и как предикатные клитики, и как клитики уровня ИГ/ПГ. Доказывается, что посессивная клитика в дательном падеже не образует цепочек с другими элементами болгарских определенных ИГ. Та же корреляция характерна для других языков мира, но есть и языки, где цепочки клитик представлены как на уровне предложения, так и на уровне ИГ.

0. Типология порядка слов и синтаксис клитик. Традиционно «порядок слов» понимается как сокращение для «порядка значимых элементов предложения», что подчеркнуто в заголовке классической статьи Дж. Гринберга [Greenberg 1963]. Значимые элементы Гринберга – категории, релевантные для развертывания предложения в конкретном языке: их структурный минимум – словоформа (включая дефектные выражения, неспособные служить вершиной группы, – так называемые клитики), а максимум – предикативные составляющие (clauses), вставленные в качестве узла в другое предложение. Порядок значимых категорий можно изучать на трех уровнях: 1) устанавливать направление развертывания бинарных групп вида главный + зависимый элемент; 2) изучать линейризацию предикативных составляющих от левого до правого края синтаксической структуры; 3) выявлять запреты (constraints) на перестановку категорий предложения. В данной статье решается третья задача и рассматриваются ограничения, связанные с расстановкой клитик. Как и большинство разделов лингвистики, теория синтаксических ограничений и типология клитик полностью не построены, поэтому полезно указать на принимаемые конвенции: проблемы в данной области возникают не только в силу разного понимания терминов, но и потому, что некоторые догмы, кочующие из работы в работу, не получают критической оценки.

Понятие «клитика» (clitic) обобщает понятия «энклитика», т.е. безударный элемент, примыкающий к ударной словоформе справа, и «проклитика», т.е. безударный элемент, примыкающий к ударной словоформе слева. Оно было введено в 70-е гг. прошлого века для того, чтобы изучать общие синтаксические свойства, присущие проклитикам и энклитикам, см. [Zwicky 1977]. Записи $X = a$ и $a = X$ отражают энклизу и проклизу и читаются, соответственно, «клитика =a присоединяется к категории X справа» и «клитика a= присоединяется к категории X слева». В записи примеров клитики выделены курсивом (или его отсутствием, если пример дан курсивом), а форма глагола, где это релевантно, выделяется подчеркиванием. Клитики можно описывать либо как лексические вершины, неспособные развертываться в группы, ср. [Franks 2008], либо как урезанные группы [Vošković 2001]. Применительно к некластеризуемым клитикам, не образующих цепочек с фиксированным порядком элементов, оба описания равноценны. При первом подходе подчеркивается, что расстановка клитик регулируется правилами, не действующими на полноударные элементы. При втором подходе подчеркивается единство всех механизмов линейризации. Кластеризуемые клитики лучше трактовать как группы, поскольку одна и та же позиция синтаксической структуры может замещаться как цепочкой, так и одиночной клитикой, способной стоять в цепочке: это условие можно описать критериями свертываемости /развертываемости групп. Цепочкой (cluster) является любой сложный объект, состоящий из элементов $\{a, b, c \dots n\}$, сохраняющих свою самостоятельность и могущих употребляться вне комбинации друг с другом, но при контактной реализации упорядочиваемых единственным способом. Порядок элементов в цепочке предсказывается правилом рангов², указывающим относительное расположение двух любых кластеризуемых клитик a, b : $a > b$, когда они стоят контактно. Ниже приводятся правила рангов для двух языков – пашто и варльпири.

² Термин «правило рангов» принят в отечественной лингвистике, ср. [Зализняк 1993: 282; Циммерлинг 2002: 74]. В зарубежной литературе используется термин clitic template, ср. [Hock 1996; Browne 2007; Kosta, Zimmerling 2011]. Правила рангов лингвоспецифичны, но принципы их организации могут иметь универсальную значимость.

Правило рангов пашто (по [Tegey 1977; Roberts 1997])

1	2	3	4	5	6	7	8
Частица	Буд. вр.	Местоимения					Частица
<i>хо</i>	<i>ба</i>	<i>ат</i>	<i>ат, то</i>	<i>те</i>	<i>де</i>	<i>уе</i>	<i>по</i>
‘конечно’	‘будет’	1PL, 2PL	1PL, 2PL	1SG	2SG; ‘должен’	3SG, 3PL	‘тогда’

Таблица 2

Правило рангов варльпири (по [Nash 1986: 59–60, 186; Mushin, Simpson 2008: 570])

Модальные частицы	Связки	Местоимения			Наречия
		NOM	ACC / REFL	DAT	
<i>ja</i> ассерт. <i>jala</i> ‘на самом деле’ <i>juku</i> ‘все же’ <i>kula</i> ‘но’, ‘хотя’ <i>lku</i> ‘ну’, ‘вот’ <i>пуа</i> эмфат. <i>уйала</i> ‘также’ <i>тапи</i> ‘и’, ‘тоже’ <i>жара</i> вопрос. <i>тауи</i> ‘видимо’	<i>ка</i> наст. вр. <i>лпа</i> имперф. <i>кала</i> хабит.	<i>rna</i> <i>n(pa)</i> <i>rli</i> <i>rlijarra</i> <i>n(pa)-pala</i> <i>pala</i> <i>rliпа</i> <i>rna-lu</i> <i>nku-lu</i> <i>lu</i>	<i>ju/ji</i> 1SG <i>ngku</i> 2SG <i>ngali (ngki)</i> 1INCL.DU <i>jarrangu</i> 1EXCL.DU <i>ngku-pala</i> 2INCL.DU <i>palangu</i> 2EXCL.DU <i>ngalpa</i> 1INCL.PL <i>nganpa</i> 1EXCL.PL <i>nyarra</i> 2PL <i>jana</i> 3PL <i>nyanu/nya</i> REFL	<i>rla</i> <i>rla-jinta</i>	<i>kirli</i> ‘именно’ <i>karinganta</i> индикативн. <i>kari</i> ассерт. <i>жара</i> вопрос. <i>nganta</i> ‘наверное’ <i>waja</i> ‘явно’

Цепочка клитик – группа особого рода, где между смежными элементами нет отношения главного vs. зависимого слов, поэтому цепочку при подходящем составе высказывания можно свернуть до любой кластеризуемой клитики³. В западной, а отчасти и в русскоязычной лингвистике популярен иной подход, когда понятие цепочки определяется исходя из того, какое понимание одиночной клитики – как вершины (°X) или как урезанной группы (°X/XP) взято за основу, ср. [Mišeska Tomić 2004: 217]. Однако мы не нашли в предыдущей литературе убедительного доказательства положения, которое большинство авторов, видимо, считает само собой разумеющимся, – о том, что кластеризуемые и некластеризуемые клитики вообще являются синтаксическими единицами одного и того же типа. Пока этот тезис не доказан или опровергнут, мы будем придерживаться обозначенного выше понимания. Для дальнейшего анализа цепочек вопрос о синтаксическом статусе одиночных клитик не играет решающей роли. Задачей любой

³ В данной статье мы не формализуем обозначенное понимание цепочки клитик как группы, ср. шаги в этом направлении в [Kosta, Zimmerling 2011], и умышленно воздерживаемся от обсуждения гипотезы о том, возникает ли цепочка в результате передвижения вершин (head-to-head movement), так как не видим смысла обсуждать данную проблему за рамками конкретной версии формальной грамматики.

теории, учитывающей языки с цепочками и претендующей на эмпирическую адекватность, является решение трех проблем: а) объяснение порядка кластеризуемых клитик в правиле рангов, б) выявление позиции кластеризации, где образуется цепочка, в) определение позиции (позиций) цепочки клитик в синтаксической структуре.

Понятие синтаксического ограничения стало жертвой полемики между приверженцами Универсальной грамматики (УГ) и сторонниками недоктринальной типологии, отвергающими априорные постулаты, предшествующие описанию конкретных языков. Под синтаксическими ограничениями мы, в соответствии с одной из традиций употребления этого термина, отраженной в учебнике Э. Рэдфорда [Radford 1995: 32–42], понимаем любые запреты на состав и последовательность элементов предложения, которые можно объяснить собственно грамматическими факторами. В трансформационных моделях синтаксиса, ср. [Stabler 1997; Chomsky 2005], где строятся упорядоченные деревья предложения и используется понятие перемещения (movement), понятие синтаксического ограничения равнозначно контекстным условиям применения операций перемещения⁴ или вставки⁵ (merge) поддерева предложения, но возможны и иные подходы, когда строятся неполностью упорядоченные деревья, а механизмы их линейзации признаются несобственно синтаксическими, как, например, в теориях GPSG [Gazdar et al. 1985], HPSG [Pollard, Sag 1994], структуралистских теориях позиционного синтаксиса⁶ и теории оптимальности [Vogel 2004]. Есть основания считать такие ограничения на развертывание синтаксических структур, как постановка финитного глагола после начальной группы независимого предложения в немецком языке (ограничение V2), отражением генеративной / распознающей способности, так как совокупность подобных ограничений позволяет носителям языка отделять правильно построенные структуры от неправильных, ср. правильные предложения нем. *Karl kehrte zurück gestern* 'Карл вернулся обратно вчера', *Gestern kehrte Karl zurück* 'Карл вернулся обратно вчера' при неграмматичном **Karl gestern kehrte zurück*. Ограничения наблюдаемы, но объяснение их в терминах операций перемещения или вставки зависит от алгоритма анализа. Р. Бхатт, разбирая аналогичные факты языка кашмири, где тоже действует ограничение V2 (# ...Vf), пришел к выводу, что в кашмири перемещению в предфинитную позицию подвергаются только элементы с коммуникативным значением ремы или фокуса контраста, в частности дополнения (# O_i -Vf...t_i), в то время как элементы со значением темы, в частности подлежащие (# S Vf...), не перемещаются, а порождаются в предфинитной позиции [Bhatt 1999: 109]. Какое бы эмпирическое обоснование гипотеза Бхатта ни имела, она непосредственно отражает конвенции о заполнении позиции подлежащего и типичных позициях элементов со значением темы и ремы. Пересмотр этих конвенций или смена доктрины повлечет иной анализ тех же ограничений. Еще одна трудность состоит в том, что ограничения на развертывание структур лингвоспецифичны. Имеются ограничения, повторяющиеся в большом числе языков, но условия их реализации не всегда совпадают. Так, в немецком ограничение V2 действует только в независимых повествовательных предложениях, а в кашмири оно характерно также для некоторых придаточных [Bhatt 1999: 83]. В шведском и датском в предложениях V2 перед финитным глаголом не допускается более одной группы обстоятельственного слова, но в новоисландском и фарерском это возможно [Циммерлинг 2002: 291–292]. Варьирование подобного рода удовлетворительно описывается за счет введения дополнительных параметров, например параметра, разрешающего / запрещающего перемещение нескольких обстоятельств в предфинитную позицию в классе языков с ограничением V2, но такое описание трудоемко и предполагает детальное изучение сопоставляемых

⁴ Благодарю анонимного рецензента за данную формулировку.

⁵ Например, вставки формального подлежащего при постпозиции придаточного изъяснительного в английском языке, ср. [_{CP} *That he came late*] *is ridiculous* '[Что он опоздал] – возмутительно' ~ *It is ridiculous* [_{CP} *that he came late*] 'Это возмутительно, [что он опоздал]'.

⁶ Ср. обзор подобных концепций в [Циммерлинг 2002: 125–135].

языков⁷. В последние десятилетия все больше лингвистов стремятся обойти понятие синтаксического ограничения либо свести его к более базовым сущностям. Последователи Н. Хомского склонны сводить большое число явлений к малому числу относительно простых принципов, выглядящих тривиальными. Классическим выражением подобного подхода служит формулировка, когда выделенные предшественниками категории или ограничения вроде закона Ваккернагеля (постановка клитик после начальной группы предложения) или ограничения V2 называют эпифеноменальными, то есть относящимися к стадии эмпирического наблюдения, предшествующей подлинному научному объяснению: подлинным объяснением считается ссылка на принципы УГ и состав категорий, признаваемых в той или иной версии УГ, даже если формулировка этих принципов носит предварительный характер. Д. Эверетт [Everett 1996] уверяет, что местоименные клитики, аргументные аффиксы и [неклитические] местоимения – это фиктивные сущности, возникающие путем добавления согласовательных черт (phi-features) в разные синтаксические позиции⁸. С другой стороны, многие типологи отрицают релевантность любых категориальных различий, выделенных с опорой на дедуктивно замкнутые концепции (frameworks), например понятия «подлежащего», «дерева предложения», «перемещения элемента предложения». М. Хаспельмат [Haspelmath 2010] отрицает существование категорий, выходящих за рамки описаний конкретных языков (cross-linguistic categories). Между двумя крайностями много общего: при произвольном сокращении набора категорий описания целые области исследования оказываются незатронуты, при том что уже выработаны методы их анализа.

Понятия клитики и цепочки клитик (clitic cluster) служат наглядной иллюстрацией. Первое из этих понятий определяется лишь внутри дедуктивно замкнутой теории, где уточняются критерии, по которым единицы языка противопоставлены друг другу. Ключевым является вопрос, чему противопоставлены клитики – только словоформам, т.е. элементам предложений и словосочетаний [Мельчук 1997: 88, 188], или одновременно и словоформам, и морфемам [Плунгян 2000: 28; Aikhenvald 2002: 43]. В первом случае выделение клитик считается задачей синтаксической теории, где излагается акцентная классификация словоформ, см. определения фонетического слова, энклитик и проклитик в учебнике А.Я. Шайкевича [Шайкевич 2005: 35]. Во втором случае оно относится к компетенции морфологии, где можно строить акцентную классификацию морфем. Важно также, какой критерий определения клитик – фонетический или синтаксический – считается главным. Фонетические клитики – это те элементы, которые не образуют фонетическое слово (в иных терминах – тактовую группу), будучи употреблены в изоляции [Дыбо 1975; Зализняк 1985: 112]⁹. Синтаксические клитики – элементы, которые занимают линейные позиции, недоступные полноударным словоформам и необходимые для точного анализа некоторой области – предложения или группы. Вторая часть предложенной характеристики носит оценочный характер: критерием «точности» для нас служит правильное моделирование генеративной способности. Так, в примерах (1a-b) болгарская синтаксическая клитика =я 'ee' является обязательным элементом структуры предложения: ее опущение меняет смысл и указывает на то, что после-

⁷ Грамматические системы при подобном подходе описываются в терминах набора параметров, при этом параметры могут иметь внутреннюю структуру. Так, для языков, позволяющих вынос одиночного вопросительного слова влево, имеет смысл ввести параметр, разрешающий / запрещающий одновременный вынос влево нескольких вопросительных слов (multiple wh-fronting). Немецкий язык запрещает подобный вынос, ср. нем. **Wer was hat gesagt?* 'Кто что сказал?', в том время как в болгарском такой порядок является основным. В кашмири [Bhatt 1999: 112] и русском одновременный вынос нескольких вопросительных слов возможен, но необязателен. Тем самым для адекватного описания данных четырех языков элементарного бинарного параметра «± multiple fronting» недостаточно.

⁸ «...pronominal clitics, argument affixes, and pronouns are epiphenomena, produced by the insertion of PHI-FEATURES into different syntactic positions».

⁹ В редком, но теоретически важном случае фонетическое слово может состоять из комбинации «проклитика + энклитика», см. [Зализняк 1993: 289].

довательность морфологически омонимичных элементов соответствует иному дереву подчинения:

(1) болг.

а. [_{NP-Sub} Мария] [_{VP} никой не целуна].
 Мария никой не целуна.
 Мария никто NEG целовать-PST.3SG
 'Мария никого не целовала'.

б. [_{VP} Мария.. [_{NP-Sub} никой]... _{VP} не=я целуна].
 Мария никой не=я целуна.
 Мария никто NEG=ACC.3SG.F целовать-PST.3SG.
 'Марию никто не целовал'¹⁰.

Множества фонетических и синтаксических клитик не всегда совпадают в пределах одного и того же языка, что отмечалось разными исследователями: [Sadock 1995; Зализняк 2008: 8; Aikhenvald 2002: 70; Толстая 2000: 143; Циммерлинг 2009а: 81]. Разница между фонетически ориентированными описаниями клитик как сегментов речи и описаниями клитик как единиц грамматики состоит в следующем: в работах, где изучаются свойства синтаксических клитик, принимается допущение, что клитики одного и того же грамматического типа (например, все местоименные клитики в дательном падеже) имеют общие просодические свойства, если они реализуются в одной и той же синтаксической позиции; напротив, фонетические теории клитик обязаны учитывать, что тождество синтаксической позиции не гарантирует просодической однородности заполняющих ее форм. В настоящей статье мы исследуем синтаксические, а не фонетические клитики. Там, где это возможно, мы воздерживаемся от обсуждения сегментного состава, алломорфии клитик и несинтаксических правил модификации клитик в контактных последовательностях вроде исп. *le + lo > se-lo*, бинукид *ku + ka > ku-ikaw, ta-ikaw* [Peng, Billings 2006: 21] и т.п.

Класс клитик определим на уровне УГ при условии, что все фонетически несамостоятельные (phonetically / prosodically deficient) единицы, не являющиеся аффиксами, синтаксически дефектны (syntactically deficient). Синтаксическая дефектность формализуется по-разному. Большая часть сторонников Минималистской программы Н. Хомского отождествляет клитики с вершинами групп (°X), неспособными развертываться в полную группу (XP): эта точка зрения представлена в работах С. Фрэнкса и О. Мише-ски-Томич [Mišeska Tomić 2004]. В то же время Н. Хомский и Ж. Бошкович трактуют клитики как урезанные группы (left branching elements, °X/XP), то есть как объекты с переменным статусом, в одних отношениях ведущие себя как вершины, а в других – как группы. Если позицию традиционной грамматики в отношении клитик изложить последовательно, она сведется к тезису о том, что фонетическая дефектность словоформы не связана с особыми синтаксическими свойствами и что в одну и ту же позицию можно подставить как ударную словоформу, так и клитику. Но трактовка клитик как безударных словоформ¹¹ не проясняет тот факт, что некоторые клитики не занимают те же пози-

¹⁰ Пример Т. Радевой. В болгарском языке общее отрицание имеет фиксированную линейную позицию. Аналогичные результаты были ранее получены датскими структуралистами для датского, где место общего отрицания также фиксировано: здесь последовательность NP₁ – Vf – NEG – NP₂ свидетельствует о том, что первая ИГ является подлежащим, а вторая – дополнением, ср. дат. *Den mand gav ikke min broder pengene* 'Этот человек не дал моему брату денег', а последовательность NP₁ – Vf – NP₂ – NEG указывает на то, что первая ИГ является дополнением, вторая ИГ – подлежащим, ср. дат. *Den mand gav min broder ikke pengene* 'Этому человеку мой брат не дал денег'. См. подробнее [Циммерлинг 2002: 130].

¹¹ Отождествление клитик с безударными словами является огрублением, поскольку некоторые клитики могут обладать постоянной ударностью или принимать ударение. В древнерусском языке часть словоформ-неклитик всегда сохраняла ударение (так называемые ортотонические слова), а другая часть неклитик могла терять его (атонируемые слова – так называемые энклино-

ции, что полноударные слова тех же грамматических классов: таковы, например, местоименные клитики в косвенных падежах в современных романских языках [Cardinaletti 1999: 35], болгарском, македонском, чешском [Dimitrova-Vulchanova 1999], древненовгородском диалекте [Зализняк 1993: 290], древнегреческом [Wackernagel 1892], пашто [Roberts 1997]. Структура предложения в этих языках открывает клитикам позиции, недоступные полноударным элементам: клитики данного типа обладают нетривиальным свойством образовывать цепочки, члены которых располагаются в строго заданном порядке [Зализняк 1993: 281; Dimitrova-Vulchanova 1999: 93]. Слабоударные местоимения не всегда находятся в отношении дополнительной дистрибуции с полноударными: позиция романских субъектных местоимений не меняется в зависимости от того, падает на них фразовое ударение или нет¹².

В настоящей статье ограничения на порядок элементов понимаются не только как дескриптивные обобщения, касающиеся узуса конкретных языков, но и как проявление порождающей / распознающей способности естественного языка запрещать неправильно построенные структуры. Сходное распределение параметров и однотипные ограничения свойственны большому числу неродственных языков с цепочками клитик, поэтому при правильном определении типа и характерного для него набора параметров можно делать предсказания, распространяющиеся на все языки, входящие в данный тип. Специальное внимание уделяется языкам славянской группы, где представлены четыре типа систем порядка слов с цепочками: все четыре выделенных типа, обозначенные в данной статье индексами W-система, W⁺-система, W*-система и V-система, имеют соответствия в других ареалах, в том числе, в языках, никогда не контактировавших со славянскими.

1. Разряды клитик и синтаксические ограничения. Системы порядка слов имеет смысл классифицировать на основе того, как вставка клитик ограничивает размещение других элементов. Рассмотрим попытку предсказать конфигурации, создаваемые клитиками, на основе небольшого числа универсальных критериев, противопоставляющих разные разряды клитик. В работах 1980–2000-х гг. регулярно воспроизводится точка зрения о том, что на уровне УГ имеется твердое, не зависящее от конкретного языка распределение клитик по непересекающимся классам единиц, такое что синтаксические параметры клитик, например их способность стоять в начале или конце фразы, стоять дистантно или контактно со своей синтаксической вершиной и т.п., полностью выводимы из просодических и/или морфологических свойств, постулируемых для подклассов проклитик, энклитик, «клитик, смежных с вершиной», «плавающих клитик»

мены). Согласно закону Васильева-Долобо, часть проклитик и энклитик перенимала ударение у энклиноменов. В комбинации «проклитики + энклиномен» ударение падало на левый край тактовой группы, т.е. на первую из проклитик, ср. [в'оз], но [н'а воз], [н'е на воз], [и не на воз]. В комбинации «проклитики + энклиномен + энклитики» ударение падало на правый край тактовой группы, ср. [на воз ж'е], [не на воз ж'е], [и не на воз ж'е]. В других просодических системах клитики могут перенимать ударение у любых словоформ. В новогреческом языке ударение должно падать на предпоследний слог тактовой группы. Если тактовая группа включает односложные энклитики, ударение автоматически падает на предпоследнюю энклитику: ср. *d'ose* 'дай!', но *dose*=m'u=to 'дай=мне=это'. Ни в древнерусском, ни в новогреческом принципы размещения ударения в тактовой группе не связаны с логическим выделением и носят автоматический характер.

¹² Для таких случаев А. Кардиналетти и М. Штарке [Cardinaletti, Starke 1999] модифицируют гипотезу Звики о клитиках как о выражениях, комбинирующих синтаксическую дефектность с фонетической: атонируемые словоформы, которые встречаются в той же позиции, что и ударные местоимения, квалифицируются как слабые формы (*weak forms*). Слабые местоимения отделяются от сильных (*strong forms*), имеющих тот же набор сегментов, как элементы, неспособные получать выделительный акцент и употребляться в контекстах перечисления, противопоставления и отрицания их референтов. В этом плане они ведут себя как стандартные клитики. Сильные формы принимают выделительный акцент, и в этом плане аналогичны существительным.

(ср. [Aikhenvald 2002: 47]). Такой подход можно назвать лексикалистским: синтаксические конфигурации выводятся из совокупности несинтаксических свойств, присущих клитикам как единицам словаря¹³. Вопрос о том, определимы ли клитики на уровне УГ, не является чисто догматическим. Наличие небольшого числа диагностических критериев облегчило бы описание, поскольку тип клитики и возможные для нее структуры можно было определять без проверки всех действующих в конкретном языке ограниченный порядок слов. Однако неясно, реализуем ли этот идеал.

Первые определения клитик утверждали, что клитики не разрывают последовательность «корень + аффикс(ы)», а присоединяются к ней слева либо справа. Этот критерий является слишком жестким: на материале удинского языка описаны так называемые эндоклитики, разрывающие корневую морфему [Harris 2002: 55]¹⁴. От эндоклиса стоит отделить примеры тмесиса в сложных глаголах, когда клитики вставляются между превербом и корнем, что засвидетельствовано в пашто [Tegey 1977: 89–92], осетинском, готском и варльпири [Nash 1986: 53].

- (2) осет.
æрба-цæй =*ma* =*нам* =*йу* =цъд-ис¹⁵.
 PV-PV = CNTRF =1PL.ENCL.ALL =ITER =идти-PST.3SG
 '(Он), бывало, опять к нам направлялся'.

- (3) гот.
ga =*u* =*hwa* =sehwi (Mc.8, 23).
 PV =Q =что-ACC =видеть-PST.COND.3SG
 'Видит ли что?'

- (4) варльпири
 а. [kulu]_{PV} [jarri-ja]_V =*lu* =*nganpa*.
kulu jarri-ja =*lu* =*nganpa*.
 гнев.PV INCH-PST.TR =3PL.EXCL =1PL.EXCL
 'Они рассердились на нас'.
 б. [kulu]_{PV} =*lu* =*nganpa* = [jarri-ja]_V
kulu =*lu* =*nganpa* = *jarri-ja*.
 гнев.PV =3PL.EXCL =1PL.EXCL = INCH-PST.TR
 'то же'
 в. [jarri-ja]_V =*lu* =*nganpa* = [kulu]_{PV}
jarri-ja =*lu* =*nganpa* = *kulu*
 INCH-PST.TR =3PL.EXCL =1PL.EXCL = гнев.PV
 'то же'

Такие примеры встречаются в языках, где глагольный преверб изначально был фразовым элементом, способным принимать энклитики, ср. инверсию преверба *kulu*- и

¹³ Сходное понимание терминов «лексикалистский», «лексически заданный» представлено в работе Л. Бэбби [Babby 2002: 14]. Для позднейших генеративных моделей релевантно, на какой стадии в них вводятся просодические и морфологические правила – до или после синтаксического модуля. Рецензент справедливо замечает, что у синтаксистов закрепилось узкое понимание термина «лексикализм» = «гипотеза, в соответствии с которой ни одно правило грамматики не может заменять одно слово на другое». К сожалению, многозначность терминологии проникает даже в исследования по формальным грамматикам, см. анализ употреблений терминов «локальный», «локальность» в работе [Циммерлинг 2008: 551–553].

¹⁴ Точных параллелей удинским эндоклитикам нет. Для теории грамматики желательно либо найти эндоклитики в других языках, либо доказать, что удинские показатели личного согласования, описанные Э. Хэррис как эндоклитики, подводятся под определение других разрядов клитик или аффиксов.

¹⁵ Цит. по [Ахвледиани 1969: 230]. Тот же пример приводится в более ранней работе [Абаев 1949].

глагола *jarri-ja* в примерах (4b-c). Кроме того, так называемые мезоклитики, т.е. клитики, вставляемые между корнем и аффиксом (PREFIX – CL – ROOT ~ ROOT – CL – SUFFIX), есть еще в нескольких языках, включая европейский португальский, ср. *ele ver = te = á* ‘он увидит тебя’, букв. ‘видеть = тебя = 3SG.FUT’, *comer = vos = iam as moscas* ‘вас бы заели мухи’, букв. ‘есть = вас = 3PL.SBJV’ [Rouveret 1999: 642]. Но эндоклитики и мезоклитики редки, и основная масса конфигураций «клитика + опорное слово» может быть охарактеризована либо как проклиза (CL – X), либо как энклиза (X – CL). Трудность состоит в том, что во многих языках одни и те же клитики в группах разного типа ведут себя по-разному: так, в аравакском языке варекена связанные местоимения 1–3 л. выступают в качестве а) именных проклитик, когда маркируют принадлежность существительного, б) глагольных проклитик, когда маркируют агенс переходного и единственный актант активного непереходного глагола, с) глагольных энклитик, когда маркируют пациенс переходного и единственный актант инактивного непереходного глагола [Aikhenvald 1998: 357]. В 1 лице проклитики и энклитики варекена представлены разными алломорфами, ср. 1 л. ед. ч. *ni/=na*, 1 л. мн. ч. *wa/=wi*, но во 2 л. и 3 л. ж. р. их сегментный состав идентичен, ср. 2 л. ед. ч. *pi/=pi* [Ibid.: 293]. В осетинском языке краткие местоимения в родительном падеже (осет. *mæ, dæ, ðæ/æi, næ, y, sæ*), указывающие на аргумент предиката, присоединяются к первой группе клаузы и являются энклитиками. Те же клитики (осет. *mæ, dæ, ðæ¹⁶, næ, yæ, sæ*) используются как притяжательные местоимения и в этом случае являются проклитиками при существительном [Абаев 1959: 36]¹⁷. Во французском языке местоименные клитики в неимперативных клаузах выступают как проклитики, а в императивных – как энклитики. В европейском португальском местоименные клитики в дательном и винительном падежах могут выступать и как глагольные энклитики, и как глагольные проклитики в одном и том же типе финитных клауз [Rouveret 1999: 651]. В румынском местоименные клитики выступают в трех ипостасях. В независимых неимперативных клаузах они являются глагольными проклитиками, ср. рум. *L = am îndemnat [IP la mers]* ‘Я заставил его идти’, букв. ‘ego=имею-связка_{1.ЕД.Ч.} заставивши_{ПЕРФ.} предл._{ЦЕЛ.}¹⁸ идти’, в императиве они являются строгими энклитиками, присоединяющимися справа к глаголу или начальному отрицанию, ср. рум. *Dați-mi!* ‘Дайте мне!’, *Nu-mi dați!* ‘Не давайте мне!’, букв. ‘не мне давайте’, а в зависимых клаузах с формой инфинитива или специальной финитной формой так называемого конъюнктива они располагаются между двумя синтаксическими вершинами – инфинитивной частицей *a* / конъюнктивной частицей *să* и инфинитивом / конъюнктивом [Свешникова 2003: 85], поэтому их статус как проклитик / энклитик без синтаксической процедуры неясен.

- (5) рум.
 Imposibil [CP ξ = =o =mai *recunoască*].
 невозможно CONJ.CL =3SG.ACC.F =больше.ADV узнать.3SG.CONJ
 ‘Ее невозможно больше узнать’.

¹⁶ Алломорф *æi* используется в осетинском языке, когда предшествующее клитике слово оканчивается на согласный [Абаев 1959:34]. При энклизе возможны оба варианта клитики 3 л. ед. ч. *ðæ/æi*, при проклизе возможен лишь алломорф *ðæ*.

¹⁷ Позиционный контраст личных и притяжательных местоимений необязателен: есть языки, где клитики этих разрядов развертываются в одном направлении. В отомангском языке гелавия сапотек местоименные клитики 1–3 л. выступают в качестве энклитик, когда указывают на аргументы предиката, и тогда, когда маркируют принадлежность, ср. *rzaab=ni=b* ‘мы любим ego/ee’, букв. ‘любить = 1PL = 3SG’ и *x=mil=bi* ‘ego/ee деньги’, букв. ‘POSS + деньги + 1PL’ [Jones, Church 1985]. Аналогично в болгарском местоименные клитики в дательном падеже являются фонетическими энклитиками и в том случае, когда они указывают на предикатный аргумент, ср. болг. *Андрей=му извика* ‘Андрей крикнул на него’, и в том случае, когда они указывают на принадлежность, ср. болг. *млада-та=му жена* ‘его молодая жена’.

¹⁸ Рум. *la* входит в класс грамматикализованных предлогов (*de, in, la, pentru, pînă, prin, spre*), способных управлять формой инфинитива / конъюнктива, ср. русск. «для [того] чтобы + инф».

Дистрибуцию полифункциональных элементов подобного рода трудно объяснить без анализа синтаксических областей, т.е., например, ИГ в варекена или зависимых клауз в румынском¹⁹.

Смежность клитик и аффиксов заставляет искать критерии, противопоставляющие два данных разряда морфем²⁰. Популярна точка зрения о том, что клитики отличаются от аффиксов 1) меньшей степенью обязательности и 2) большей линейной свободой. Первый признак не означает, что клитику всегда можно опустить или добавить: так, в македонском и болгарском языках есть конструкции с местоименным повтором, где клитика обязательна, ср. болг. *Отказахме*=му_i неговия_i чек на работника_i; 'Мы отказались выдать работнику_i его_i чек', букв. 'отказали-мы=ему_i его_i чек работнику_i', **Отказахме неговия_i чек на работника_i*; [Slavkov 2008: 152]²¹. Линейная свобода означает, что порядки, где одна и та же клитика присоединяется (в разных предложениях²²) к разным вершинам, грамматичны: этот признак уместно считать дефиниционным для синтаксических клитик. Так, в инфинитивных группах испанского языка местоименные клитики могут стоять в постпозиции инфинитиву, но могут также перемещаться в главную клаузу в препозицию финитному глаголу²³.

(6) исп.

a. [_{VP} *quiero* [_{IP} *decir=te*]]
'я хочу сказать тебе'

b. [_{VP} *te_i=quiero* [_{IP} *decir t_i*]]
букв. 'тебе хочу-я сказать'

Клитики с высокой селективностью (high selectivity) присоединяются к вершинам заданного типа, например только к существительным (°N) или только к глаголам (°V). В этом случае линейная свобода проявляется в способности клитики присоединяться к разным вершинам, например к разным существительным в составе сложной ИГ – N₁ (CL) ... °N₂ (CL) ... °N₃ (CL) – или к разным глаголам в составе полипредикатной структуры, ср. испанский пример выше, или в возможности располагаться на разном расстоянии²⁴ и/или направлении от вершины. Клитики с низкой селективностью (low selectivity) присоединяются к вершинам двух и более категорий: конфигурация ... °X (CL)... °Y (CL)... °Z (CL) ... характерна для монопредикатных предложений, поэтому данный разряд клитик обсуждается чаще всего. От свободных клитик, присоеди-

¹⁹ В 1990-е гг. была популярна гипотеза антисимметрии Р. Кейна, утверждавшая, что в группах «местоимение в косвенном падеже + глагол» исходным порядком всегда является проклизиса (CL – V), а конфигурации с энклизой (V – CL) возникают путем трансформаций [Кауне 1991]. Для гипотезы Кейна представляет проблему объединение местоименных и неместоименных клитик в цепочки и вставка цепочек и отдельных местоименных клитик внутрь начальной группы, ср. серб.-хорв. [_{NP} *Taj* ...] = mi = je [_{NP} ... *pesnik*] *dao autogram* 'Тот поэт дал мне автограф', букв. '[_{NP} Тот...] =мне=есть [_{NP} ... поэт] дал автограф'.

²⁰ Так называемые фразовые аффиксы, сочетающиеся не только с корнями, но и с фразами, обсуждаются в разделе 4.

²¹ Обязательность клитик в некоторых конструкциях дает повод считать, что клитики – это не полностью грамматикализовавшиеся аффиксы [Anderson 1993: 76]. Однако система порядка слов может поддерживать вычленимость клитик как элементов предложения в течение 1000 лет и более, что показывает история греческого и хеттского языков. А. Айхенвальд полагает, что клитики с низкой селективностью диахронически более стабильны, чем клитики с высокой селективностью, но признает, что эта гипотеза не доказана строго [Aikhenvald 2002:57].

²² Дублирование клитики (clitic copying), т.е. ее буквальная повтор в одном и том же предложении, тоже является проявлением линейной свободы при условии, что сохраняются альтернативные порядки слов.

²³ Соответствующий параметр называется термином clitic climbing, букв. «карабканье клитик».

²⁴ Ср. предлоги, являющиеся синтаксическими проклитиками: русск. *перед* [начальником] ~ *перед*... [новым... [начальником]].

няющихся к любым элементам с подходящей грамматической характеристикой, стоит отличать связанные клитики (bound clitics), которые комбинируются только с корнями заданного типа, ср. связанную лексикализованную клитику *-to* в русских неопределенных местоимениях, прилагательных и наречиях *что-то, какой-то, когда-то*, присоединяющуюся к основам вопросительных слов, и свободную энклитику *то* в *Иван-то пришел вовремя ~ Пришел-то Иван вовремя, но не подготовился*²⁵. В некоторых языках есть грамматикализованные связанные клитики, прикрепляющиеся исключительно или преимущественно к специальным служебным морфемам – так называемым базам. В дальнейшем клитики с высокой селективностью и лексикализованные связанные клитики учитываться не будут, а сочетания «база + клитика» будут приниматься во внимание, если те же клитики присоединяются к знаменательным словам. Так, в хеттском местоименные энклитики и частицы обычно присоединялись к начальным проклитикам, ср. хет. *ni* в *n=aš=za āršikitta* ‘он моется’, букв. ‘NU=он=ся моет’, но те же клитики присоединялись к начальным глаголам, существительным и наречиям, ср. *Manikuwann=aš=mu ŪL=pat uit* ‘Он вообще не подходил ко мне близко’, букв. ‘близко=он=мне не=вообще подошел’²⁶.

Дж. Клаванс [Klavans 1985] классифицировала клитики на основе их синтаксической области и трех бинарных признаков – ориентации на левый / правый край области (anchoring), пре- и постпозиции хозяину (orientation) и сходства с аффиксом (suffixal / prefixal polarity). Под рубрику «начальные клитики» (initial clitics) в ее системе понятий подводятся не только начальные проклитики, ср. сочинительные союзы *а, и* в русском языке, лит. *ar* ‘ли’, но и энклитики, следующие за начальным элементом группы, ср. русск. *ли*, гот. *и* в примере (2), цепочку *=ta=нæм=йу* в осетинском примере (1). Примером конечных энклитик служит посессивная групповая клитика *'s* в английском языке, которая присоединяется к последнему элементу ИГ, ср. англ. [_{NP} *the °queen* [_{PP} *of England*]] = *'s °hat* ‘шляпа королевы Англии’ [Zwicky 1977: 7]. Признак пре- и постпозиции хозяину (orientation), по Клаванс, автономен по отношению к фонетическому параметру проклизы / энклизы, поскольку безударный элемент предположительно может энклитизироваться к предыдущему слову, но синтаксически относиться к последующему. Начальные (в смысле Клаванс) энклитики с такой характеристикой постулируются для вакашского языка кваквала, где определители имени присоединяются к предыдущему слову [Anderson 1993: 75]. Сходный анализ предлагался для болгарских местоименных и связочных энклитик, которые в [Franks, King 2000: 64] трактуются одновременно как «синтаксические глагольные проклитики» и как «фонетические энклитики», так как они часто реализуются при порядке {XP – [_{VP} CL] – V}, клитизируясь к начальной группе произвольного типа, см., однако, возражения ниже. Конечные (в смысле Клаванс) энклитики, синтаксически примыкающие к конечному элементу предложения, постулировались для австралийского языка кугу-нганьчара [Klavans 1985: 104]. Третий признак – сходство с классом аффиксов – указывает на направление развертывания по отношению к корню: проклитики уподобляются приставкам, а энклитики – суффиксам. Новаторский момент подхода Клаванс состоит в попытке вывести фонетические конфигурации с энклизой и проклизой из грамматических (синтаксических и морфологических) классификационных признаков. Комбинирование признаков дает экзотические типы, такие как «препозитивные энклитики» и «постпозитивные проклитики», но они слабо документированы, а иллюстрирующие их примеры допускают альтернативную интерпретацию. Кроме того, в анализе Клаванс есть два изъяна: Клаванс не различает собственно фразовые элементы и клитики, смежные с синтаксической вершиной заданного типа (head-adjacent clitics), ср. выше приглагольные местоименные клитики в испанском языке в примере (4), и ошибочно считает все клитики безударными. В 1990-е гг. подход Клаванс подвергли критике, а выделенные ею конфигурации [X] = CL [Y] и [Y]

²⁵ Ср. также связанные энклитики – склоняемые формы определенного артикля нем. *-m, -s*, которые присоединяются только к основам предлогов: *vo-m < von dem, in-s < in das*.

²⁶ Примеры цит. по [Garrett 1996: 96].

CL = [X], где клитика синтаксически связана с категорией Y, но клитизируется к X, были объявлены эпифеноменальными и объяснимыми на основе более простых принципов [Embick, Noyer 1999: 291–299]²⁷. Тем не менее М. Сисоу [Cysouw 2005], опираясь на данные языков, где при порядке [X] = CL [Y] позиция Y-а закреплена за категорией какого-то одного типа – глагола, существительного и т.п., а позиция X-а может заполняться категориями двух и более типов, показал, что препозитивные энклитики, присоединяющиеся к элементу, предшествующему их вершине, возможны. Хотя наличие препозитивных энклитик или постпозитивных проклитик может подтвердиться, пользоваться такими таксонами до анализа ограничений на перестановку элементов и проецировать их на неизученные языки нельзя. С. Андерсон объяснял позицию клитик алгоритмическим применением трех просодических принципов – Edgemost (присоединяй элемент *e* к левому или правому краю области *D*), NonInitial (элемент *e* не является начальным в *D*), NonFinal (элемент *e* не является конечным в *D*). Однако границы областей могут устанавливаться по-разному, что размывает значение понятий *начальный vs. неначальный элемент*. Сказанное вдвойне актуально для теории типа [Agbayani, Golston 2010], где допускается существование «начальных энклитик», поскольку к выводу о том, что предшествующая энклитике часть высказывания принадлежит к другой области, невозможно прийти без синтаксического анализа.

А. Айхенвальд учитывает 15 таксономических параметров с дальнейшим подразделением [Aikhenvald 2002: 43–57]. Для синтаксических клитик этот список целесообразно сократить, опустив параметры, связанные с просодией и сегментным составом. Кроме того, при анализе линейной позиции обнаруживается избыточность. Так, параметр *C* в таксономии Айхенвальд делит клитики на имеющие фиксированную позицию (*fixed position*) и плавающие (*floating*). Первые подразделяются далее на клитики, безразличные к типу категории-хозяина, и клитики, чья позиция зависит от грамматического типа хозяина. В первую подгруппу попадают клитики второй позиции в хеттском, а также клитики, занимающие начальное и конечное место в предложениях других языков. Во вторую подгруппу попадают македонские связки и местоимения, которые квалифицируются как предвершинные клитики (*pre-head clitics*). Но македонский язык допускает не только порядки (XP) – CL – °V ~ CL – °V, где глагол стоит после клитик, но и порядки V – CL, NEG° – V – CL, где глагол стоит перед клитикой.

(7) мак.

- a. #Му_i=я_j=дадов книга-та_j на Петар_i.
 Му =я дадов книга-та на Петар.
 3SG.DAT.M =3SG.ACC.F =дать-1SG.PST книга-DEF.SG.F DAT Петр
 ‘Я дал книгу Петру’.
- b. #Дайте =му =я_j книга-та_j!
 дать.2PL.IMP =3SG.DAT.M =3SG.ACC.F книга-DEF.SG.F
 ‘Дайте ему эту книгу!’
- c. #Не давай =му ништо!
 NEG дать.2PL.IMP =3SG.DAT.M ничто
 ‘Не давай ему ничего!’

Учитывание (7b-c) побуждает пересмотреть квалификацию македонских связок и местоимений только как предвершинных элементов: они одновременно ведут себя как клитики 1-й/2-й позиции [Dimitrova-Vulchanova 1999: 103]. При описании македонского А. Айхенвальд встает на точку зрения, что клитики, смежные с вершиной (*head-adjacent clitics*), не имеют фиксированного места относительно границы клаузы. Но далее в том же разделе под рубрикой «предвосхищающие клитики» [Aikhenvald 2002: 46] дается

²⁷ В свою очередь, М. Сисоу [Cysouw 2005: 21] отверг альтернативное объяснение Д. Эмбика и Р. Нойера, которое неверно предсказывает, что в обсуждавшихся Клаванс примерах вида [X] = CL [Y] и [Y] CL = [X] возможна подстановка полноударных форм в позиции, занимаемые клитиками.

ссылка на препозитивные энклитики в австралийских языках кугу-нганьчара и дьинанг, где клитики, смежные с глаголом, присоединяются справа к предыдущему слову при порядке [X] = CL [°V]: сходство с македонским почти полное, за вычетом того, что в македонском для уточнения позиции смежных с глаголом клитик релевантна левая граница клаузы, а для кугунганьчара – правая²⁸.

(8) кугу-нганьчара

a. *nhila* *paŋa-ng* *ngathu_i* *ku'a=thu_i* *waa. #*
 этот.3SG.NOM мужчина-ERG 1SG.DAT собака=1SG давать-PST
 'Этот человек дал мне собаку'.

b. # *waa=ngu!* #
 давать=3SG.DAT
 'Дай [это] ему!'

Тем не менее для македонского позицию клитик предлагается определять на основе единственного критерия, а для названных австралийских языков – на основе двух. А. Пенг и Л. Биллингс учли случай, когда предикатные клитики стоят контактно с глаголом и одновременно занимают вторую позицию от начала клаузы: XP – CL – [°V] ~ [°V] – CL. Они полагают, что системы подобного типа, засвидетельствованные в бинукид, тагальском и таусуг, воплощают переход от систем с клитиками второй позиции к системам с приглагольными клитиками, где место клитики по отношению к границе клаузы нерелевантно [Peng, Billings 2006: 13]. Это наблюдение правдоподобно – большинство описанных языков филиппинского ареала принадлежат именно к этому типу, но оно равнозначно признанию того, что таксоны «клитики 2-й позиции» (2P clitics) и «клитики, смежные с глаголом» (verb-adjacent clitics) не описывают синтаксические ограничения однозначно. Ярлык «вторая позиция» сеет иллюзию, будто перед клитиками всегда стоит ровно один элемент и что число позиций, предшествующих клитикам, можно определить на глазок. Практика показывает, что у лингвистов часто нет общей интуиции относительно числа позиций. Болгарские местоименные и связочные клитики, а также частица *ли* не стоят в начале клаузы и прикрепляются к первому ударному слову или первой полной составляющей, ср. болг. *Книгата= съм=му_i върнал на Иван_i*, 'Я вернул книгу Ивану', **съм=му_i върнал на Иван_i книгата*. Это можно считать наблюдаемым фактом, как и то, что цепочки вроде *съм=му* всегда стоят в контактной пре- или постпозиции глагольным формам вроде *върнал*. Но число позиций, предшествующих местоименным и связочным клитикам, уже не является наблюдаемым фактом, поскольку болгарский язык разрешает предложения с несколькими ударными словами перед цепочкой, ср. болг. *На Иван_i книгата=съм=му_i върнал* 'Я вернул книгу Ивану', букв. 'Ивану; книгу-ту=есмы=ему; вернул'. Й. Гылыбов [Gălăbov 1950] и С. Фрэнкс [Franks 2008: 93] полагают, что в подобных примерах перед цепочкой может стоять произвольное число групп, и заключают, что болгарские клитики не имеют фиксированного места в клаузе. Напротив, М. Димитрова-Вулчанова [Dimitrova-Vulchanova 1999: 92] считает, что требование единственности группы, предшествующей цепочке, в приведенном примере не нарушено, но в болгарском действуют правила, разрешающие объединение групп определенного типа перед цепочкой, при том что объединение групп другого типа запрещено, ср. запрет на одновременный вынос подлежащего и дополнения перед клитиками: **[XP[NP Петко] [NP на Иван]] =съм=му върнал книгата*.

Подытожим итоги экскурсии в таксономию клитик. Не проблематичны те параметры, которые указывают на положение клитик в последовательности морфем, и выделяемые на этой основе разряды проклитик, энклитик, мезоклитик и эндоклитик. Разделение фо-

²⁸ Как македонский [Mišeska Tomić 2004: 219], так и дьинанг [Mushin, Simpson 2008: 584] характеризуются обязательным дублированием семантически определенных референтов местоименной клитикой. Пример (8a) из языка кугу-нганьчара тоже показывает дублирование полноударного местоимения в дательном падеже *ngathu* клитикой *=thu* в том же падеже.

нетического и нефонетического аспектов энклизы и проклизы, а также выделение разрядов клитик сообразно их месту в предложении возможны, но получаемые с помощью таких приемов разряды «начальных / конечных клитик», «клитик 2-й, 3-й... n-й позиции», «клитик, смежных с вершиной», «препозитивных энклитик» и т.п. оправданы, когда подкреплены анализом синтаксических ограничений в конкретных языках. Если же эти таксоны используются для объяснения порядка слов до синтаксического анализа, их применение чревато неточностями. В терминах М. Хаспельмата можно сказать, что синтаксические типы клитик больше похожи на межъязыковые категории, пригодные для описания языков с общими параметрами (comparative categories), чем на фиксированный набор категорий Универсальной грамматики, который можно проецировать на все языки мира без дополнительной проверки (cross-linguistic categories).

- Синтаксические типы клитик определены на множествах языков мира.
- Представление ограничений, связанных с линейной позицией клитик, как проекции лексических свойств клитик не имеет явных преимуществ над эксплицитным выделением синтаксических ограничений.

2. Закон Ваккернагеля и цепочки клитик. Термин «клитики 2-й позиции» (2P clitics) восходит к работе Я. Ваккернагеля, который в 1892 г. показал, что безударные местоимения, а также ударные и безударные частицы древнегреческого языка занимают позицию после первого ударного слова клаузы и группируются в цепочки. Клитики 2-й позиции характеризуются низкой селективностью: их хозяевами могут быть минимум две разные категории. Ваккернагель заметил, что энклитики в родственных древних индоевропейских языках, прежде всего индоиранских [Wackernagel 1892: 402–405], подчиняются тому же принципу, позже названному законом Ваккернагеля, независимо от того, восходят ли они к общим праформам. Тем самым он заложил основы типологии клитик. На то, что закон Ваккернагеля действует в живых языках, впервые указал в 1935 г. Р. О. Якобсон в работе о славянских энклитиках²⁹: основное отличие от древних языков, рассмотренных Ваккернагелем, состояло в том, что в большинстве славянских языков клитики и цепочки стоят после первой полной составляющей, а не первого фонетического слова. Закон Ваккернагеля действует также в двух восточноиранских языках: пашто и осетинском, что отмечено в описательных грамматиках [Абаев 1959: 156]³⁰ и в работе [Tegey 1977]. В обоих языках цепочки стоят после первой полной составляющей, хотя после некоторых превербов допускается конфигурация с тмесисом и мезоклитиками, засвидетельствованная также в ряде древних индоевропейских языков [Wackernagel 1892: 406]. В 1990-е гг. А.А. Зализняк открыл действие закона Ваккернагеля в древненовгородском диалекте: клитики и цепочки располагаются здесь после первого фонетического слова [Зализняк 1993: 281]. Параллельно в разных ареалах были описаны системы порядка слов с законом Ваккернагеля в неиндоевропейских языках – варльпири [Nash 1986], дьяру [Tsunoda 1988] и варумунгу [Mushin 2004] (все – семья пама-нюнган, Австралия), кабийском [Айхенвальд 1989], тамазигхт и тарифит [Quali 2010] (все – афроазиатская семья, Алжир и Марокко), кьявини сапотек (отомангская семья, Мексика) [F. Lee 2000], луисеньо [Kaisse 1981], майо [Freeze 1989] и юго-вост. тепехуан [Willet 1991] (все – юто-ацтекская семья, Мексика), люмми [Jelinek 1996] (салишская семья), мака, дитидахт, нуучалнултх [Werle 2002] (все – вакашская семья, тихоокеанское побережье США и Канады), кавиненья [Guillaume 2008] (таканская семья, Боливия). Ср. также сопоставительные работы по языкам Австралии [Mushin, Simpson 2008] и Европы [Циммерлинг 2009а]. В большинстве языков цепочки размещаются после начальной составляющей, состоящей более чем из одного ударного слова: этот принцип господствует или является единственным в чешском, осетинском,

²⁹ Перепечатана в [Jakobson 1971].

³⁰ Ср. заголовок параграфа 216 в книге В.А. Абаева: «Энклитические местоимения и частицы занимают настолько заметное место в осетинской речи, что о них следует сказать особо» [Абаев 1959: 156].

Начальные элементы предложения в языках с законом Ваккернагеля

	Клитики и цепочки после первой полной группы [X _P W ¹ , W ² ... W ⁿ]-CL	Клитики и цепочки после первого фонетического слова [X W ¹] – CL	Клитики и цепочки после начальных проклитик [w[Pro]-CL]	Разрыв групп [X _P a ... {...} X _P b]
серб.-хорв.	+	+	– ³¹	+
др.-новг.	–	+	+	+
болгарский	+	–	+	+
хеттский	–	+	+	+
осетинский	+	–	+ ³²	+
кабийский	–	+	+	(–)
кавиненья	+	–	– ³³	(–)
люмми	–	+	–	(–) ³⁴
варльпири	+	+	+	+

пашто, кавиненья. В сербохорватском, древнерусском, варльпири, варумунгу, луисеньо и майо допускается постановка цепочек как после первой полной составляющей, так и после первого ударного слова. Есть языки, где цепочки присоединяются только к первому ударному слову начальной группы, что ведет к ее разрыву: такова ситуация в древнегреческом, древненовгородском и санскрите. В последовательных языках VSO начальных ИГ, состоящих более чем из одного элемента, нет либо они не принимают клитики: такова ситуация в люмми, кабийском, тамазигхт. В большом числе языков с цепочками после начального элемента кластеризуемые энклитики могут стоять не только после ударных слов и полных групп, но и после начальных проклитик. Наличие такой возможности не совпадает с делением языков на помещающие цепочки после первого ударного слова и помещающие их после первой полной группы: ряд языков, помещающих цепочки после полной группы, разрешает ставить их после начальных проклитик. Наконец, ряд языков, запрещающих разрыв начальных групп кластеризуемыми клитиками, одновременно разрешает разрыв тех же групп другими элементами. Цепочки клитик 2-й позиции засвидетельствованы в языках с разным направлением ветвления: SOV (хеттский), SVO (славянские языки, древнегреческий), VSO (кьявини сапотек, майо, берберские языки, люмми, вакашские языки, тагальский, бинукид).

Отсутствие жесткой зависимости между направлением ветвления, свойствами групп (разрывные vs. неразрывные), просодией хозяина (несколько фонетических слов / одно фонетическое слово / проклитика) и наличием клитик 2-й позиции, образующих цепочки после начального элемента клаузы, побуждает считать, что закон Ваккернагеля является макропараметром (пучком параметров) синтаксиса, относительно независи-

³¹ Кроме безударного подчинительного союза *da* 'что' [Progovac 1996: 417].

³² Ср. превербы *æрба-цæй*, *фæ-цæй* [Ахвледиани 1969: 230].

³³ В кавиненья, согласно А. Гийому, имеется единственная начальная проклитика – частица *ni* 'даже не', но она не принимает энклитики [Cuillaume 2008: 104].

³⁴ Значение данного параметра для люмми трудно проверить, так как в [Jelinek 1996] люмми описан как язык без составляющих и без частей речи. Тем не менее клитики присоединяются к комплексу «номинализатор *čə* + знаменательное слово».

мым от параметров, устанавливающих направление ветвления в группах предложения, возможность их разрыва и от фразовой просодии. Реализацию закона Ваккернагеля в конкретном языке можно показать на примере пашто (см. выше на Табл. 1 правило рангов клитик для этого языка). В пашто цепочки клитик ставятся после первой полной группы – $[_{XP} W^1, W^2 \dots W^n] - CL$, разрыв начальных ИГ/ПГ запрещен – $*[_X W^1] - CL - [_X W^2]$, при том что тмесис в сложных и приставочных глаголах возможен – $[_w[PV] - CL - [V]]$. В придаточных кластеризуемые клитики не присоединяются к начальному подчинительному союзу – $*[_{CP} Comp - CL]$, но присоединяются к первой полной группе придаточного – $[_{CP} Comp - [_{YP} Y] - CL]$. Такую дистрибуцию параметров трудно объяснить чисто фонетически, в терминах ударности/безударности выражений, принимающих клитики: имеются колебания ударения: преверб *a-* может принимать ударение в конфигурации с тмесисом, ср. *á=me xistálə* ‘Я покупал их’, но *a-xistálə=me* ‘то же’ [Tegey 1977: 89]. Аналогичные колебания места ударения имеются в простых глаголах, но тмесиса при этом не возникает, ср. *pərebdá=me* ‘Я бил его’ ~ *pərebdə=me* [Ibid.: 89].

В теоретической лингвистике закон Ваккернагеля упоминается в разном ключе – от уважительного обсуждения, какая интерпретация – синтаксическая или просодическая – объясняет феномен клитик 2-й позиции лучше [Anderson 1993; Halpern 1996], до третирования как дотеоретического наблюдения, маскирующего подлинное объяснение. В [Agbayani, Golston 2010] утверждается, что понятие 2-й позиции – фикция, так как элемент, предшествующий клитикам, принадлежит предшествующей области. Авторы исходят из допущения, что в структурах вида $[X] \& [Y]$, где конъюнкты *X* и *Y* соединены коннективной клитикой типа лат. *=que* в *dies noctes=que* ‘дни и ночи’, букв. ‘дни ночи=же’, конъюнкты принадлежат разным областям, так как такие структуры порождаются путем перемещения правого конъюнкта: $[_X dies] || que || [_Y noctes] \Rightarrow [_X dies] [_Y noctes] || que [_Y t_i]$. Трудно спорить с тем, что не все формулировки статьи 1892 г. эксплицитны, хотя полемисты, критикующие ее в пересказе, порой игнорируют наиболее современные идеи Я. Ваккернагеля – о сходстве систем с клитиками и систем с ограничением V2, о твердом порядке элементов цепочки, о дублировании клитик как разновидности синтаксического перемещения³⁵. В то же время у критиков Ваккернагеля повторяются два изъяна. Во-первых, не всегда проводится грань между одиночными клитиками 2-й позиции (ср. частицу *ли* в русском языке) и цепочками клитик 2-й позиции, ср. др.-русск. *ako=же=ми=ся=еси самъ върекль* ‘как ты сам мне сказал’, др.-русск. *a Давыдъ=ти=ми не въдалъ* ‘а ведь Давид мне не отдал <долг>’. Гипотезу Б. Агбаяни – К. Голстона о том, что элементы слева от энклитики принадлежат предшествующей области, можно обсуждать применительно к одиночным коннекторам вроде лат. *-que*, греч. *τε* ‘и’, но она теряет смысл по отношению к случаям, где коннективные частицы объединяются в цепочки с местоимениями и показателями согласования (ср. *=же + =ми=ся=еси* в древнерусском примере выше), а категория-хозяин может быть подлежащим, дополнением, вершиной предиката, ср. коннектор *manu* ‘и, тоже’ в цепочке *=manu=ka=lu* в примере (9).

(9) варльпири

$[_{NP} Puluku-rlu] =manu=ka=lu walya \underline{manya-ma-ni}$ ³⁶.

Puluku-rlu =manu =ka =lu walya manya-ma-ni.

вол-ERG =ADD =AUX.PRS =3PL.EXCL почва мягкий-CAUS-NPST

‘<Повозки размягчают землю> и волю тоже размягчают’.

Кластеризация, т.е. образование цепочек, возможна в определенной синтаксической позиции и исключена в других. В осетинском, славянских и романских языках кластеризация связана с типом клитик: предикатные клитики уровня предложения (clause-

³⁵ Аспекты концепции Я. Ваккернагеля обсуждаются в [Anderson 1993: 71] и [Циммерлинг 2002: 91–93].

³⁶ Пример из [Nash 1986: 187].

level) образуют цепочки, а непредикатные клитики уровня группы (phrase-level) нет³⁷. Порядок клитик в цепочке предсказывается правилом рангов, указывающим на относительное расположение двух любых кластеризуемых клитик a, b : $a > b$ в том случае, когда они стоят контактно. Распространенным, хотя и не единственно возможным случаем является построение правила рангов по категориальному принципу, когда блоки клитик категорий A, B, C следуют один за другим, не пересекаясь: $[_A a^1, a^2 \dots a^n] [_B b^1, b^2 \dots b^n] [_C c^1, c^2 \dots c^n]$. Приближением к этому идеальному случаю является древненовгородское правило рангов, где все частицы стоят левее местоимений, а все местоимения – левее связок [Зализняк 2008: 28]. В другой группе языков блок частиц предшествует блоку местоимений и видо-временных показателей, как в кавиненья [Guillaume 2008: 574]³⁸.

Правила рангов в языках с законом Вакернагеля предполагают возможность объединения клитик минимум двух разных типов: достоверных описаний языков, где цепочки клитик 2-й позиции могут состоять только из местоимений, только из связок или только из частиц, нет³⁹. Линеаризация категорий в цепочке клитик, где перестановка исключена, не всегда совпадает с базовым порядком развертывания тех же категорий, представленных полноударными элементами (где перестановка обычно возможна). Так, в афроазиатском языке туарег ахаггар клитика косвенного дополнения ставится в цепочке перед клитикой прямого дополнения, при том что ИГ в данном языке развертываются в обратном порядке $O_{dir} > O_{ind}$ [Aikhenvald 2002: 45]. То же отмечено для филиппинского языка бинукид [Peng, Billings 2006: 9]. На все языки с цепочками действуют импликация (i–ii), проверяемые эмпирически.

(i) В языках с цепочками клитик кластеризуются не все клитики, чей просодический тип (энклиза, проклиза) совпадает с просодическим типом кластеризуемых клитик.

(ii) Если язык L имеет цепочки клитик, он также имеет некластеризуемые клитики, но не все языки, имеющие одиночные клитики, допускают группировку клитик в цепочки.

Разницу в комбинаторике некластеризуемых клитик 2-й позиции и цепочек показывает болгарский язык, где цепочки предикатных клитик не разрывают начальную группу, ср. запрет на (10a-b), хотя группы того же типа разрываются непредикатными посесивными клитиками, ср. (10c).

(10) болг.

a.	* _[DP] Ръка-га= <i>се</i>	на	девойка-га]	<u>подаваше</u>	над	завивка-га.
	рука-DEF=REFL.ACC	DAT	девочка-DEF	выдавать.PST	над	покрывало-DEF
b.	* _[DP] Ръка-га= <i>се</i>	<u>подаваше</u> ...	на	девойка-га]	над	завивка-га ⁴⁰ .
	рука-DEF=REFL.ACC	выдавала.PST	POSS	девочка-DEF	над	покрывало-DEF
c.	_[DP] Една-га= <i>й</i>	ръка]	= <i>се</i>	<u>подаваше</u>	над	завивка-га.
	один-DEF=3SG.DAT.F	рука	=REFL.ACC	выдавала.PST	над	покрывало-DEF
- 'Одна из ее рук лежала сверху покрывала'.

Другой недочет, повторяющийся в работах, отрицающих релевантность закона Вакернагеля, состоит в том, что их авторы полагают, будто в языке с базовым порядком $XP / °X-[_{CLIP} CL]$, т.е. «начальная группа / первое фонетическое слово + кластеризуемые клитики», нет производных порядков слов. Отсюда формулировки «в языке S клитики на самом деле могут стоять где угодно» [Vošković 2004: 39] или «порядок $X + X +$ цепочка клитик + глагол <где X – категория, потенциально способная принимать це-

³⁷ Есть языки, где корреляции между цепочками и статусом области нет. В вакашских языках [Werle 2002] и отомангском языке хуаутла масатек [Agee 1993: 2] цепочки возможны как на уровне предложения, так и на уровне ИГ. Возможно, это связано с отсутствием жесткого противопоставления ИГ и ГГ в данных языках. Проверка этого положения выходит за рамки нашей статьи.

³⁸ Подробнее о принципах построения правил рангов и позиции кластеризуемых частиц в языках мира см. [Billings, Konopasky 2002; Zimmerling 2010].

³⁹ Возможным исключением является маори [Herd 2003: 65], но статус элементов, называемых в этом языке «частицами», требует дополнительной проверки.

⁴⁰ В (10a) нарушен не только запрет на вставку кластеризуемых клитик внутрь определенной ИГ, но и требование контактной позиции клитик и глагола. В (10b) нарушен только первый запрет, а требование контактной позиции клитики =*се* и глагола подаваше соблюдено.

почки> однозначно является не-ваккернагелевским» [Peng, Billings 2006: 12]⁴¹. Между тем в большинстве языков с цепочками выявлены механизмы, порождающие порядки, где все или часть клитик оказываются вне позиции кластеризации. Если такие порядки возникают в особых контекстных условиях, есть основания считать их производными. Правила, модифицирующие исходный порядок XP / X-CL, когда категория, предшествующая клитикам, имеет специфические свойства, выделены в [Зализняк 1993: 282] на материале древненовгородского диалекта под названием правил барьера. Барьером может быть категория предложения (группа или словоформа), влияющая на позицию всех или некоторых кластеризуемых клитик благодаря получаемому в конкретном высказывании коммуникативному статусу (тема, рема, контрастная тема и т.д.) или своим лексико-грамматическим характеристикам (отрицание, оператор будущего времени, показатель подчинения и т.п.), при том что просодия данной категории не исключает помещение клитик непосредственно после нее, ср. др.-новг. *не* (1) =ли=кси (2) *даль* ~ [BARRIER *не*] (1) *даль* (2) =ли=кси (3) 'не дал ли ты?'⁴². Аналогичные правила под другими названиями выделены на материале сербохорватского [Ćavar, Wilder 1999; Browne 2007], австралийских языков группы нгумпин [McConvell 1996: 321–24], европейского португальского [Rouveret 1999: 651], центральнофилиппинских языков [C. Lee 2006: 8], словацкого, болгарского [Циммерлинг 2002: 74–82], древнерусского [Зализняк 2008], см. также обзор возможных подходов [Halpern 1996: x–xi]. Для языков, где цепочки клитик занимают вторую позицию в клаузе, правила барьера действуют по одному из двух сценариев: (iii) вся цепочка оказывается правее позиции кластеризации, (iv) часть кластеризуемых клитик оказывается правее позиции кластеризации, что приводит к разрыву цепочки. Обозначим начальную группу произвольного типа символом [XP], цепочку клитик a, b – символом [CLP ab]. Запись [BARRIER^{ab} [XP]] читается «группа XP является барьером для всех клитик в цепочке ab».

(iii) XP – [CLP ab] ⇒ [BARRIER^{ab} [XP]] – YP – [CLP ab]

Запись [BARRIER^a [XP]] читается «группа XP является барьером для клитики a, входящую в цепочку ab. Если в предложении имеются клитики a и b, барьер данного типа приводит к расщеплению цепочки.

(iv) XP – [CLP ab] ⇒ [BARRIER^a [XP] – [CLP b]] – YP – [CLP a]

В [Kosta, Zimmerling 2011] барьеры типа (iii), сохраняющие цепочку, названы слепыми, а барьеры типа (iv), вызывающие разрыв цепочки, – селективными. И слепые, и селективные барьеры могут быть как факультативными, так и обязательными. Имеет смысл различать коммуникативные и грамматикализованные барьеры. Эти признаки независимы: так, начальное обращение в древненовгородском было обязательным коммуникативным барьером [Зализняк 1993: 286], а сентенциальное отрицание *hari* в языке бинукид, судя по [Ping, Billings 2006: 13], является факультативным грамматикализованным барьером.

⁴¹ А. Пенг и Л. Биллингс фактически учитывают производные порядки с цепочками в языке бинукид. Формулировки, подобные данной, могут интерпретироваться тройко: а) как констатация того, что при порядке [X] [Y] CL перед цепочкой стоят две разные категории, каждая из которых может принимать клитики, б) как гипотеза о том, что порядок [X] [Y] CL противоречит закону Ваккернагеля, в) как утверждение о том, что если язык L одновременно допускает порядки [X] CL ~ [X] [Y] CL, то цепочки в данном языке подвергаются синтаксическому перемещению (тезис, проверяемый в дедуктивно замкнутых теориях).

⁴² Сторонники несинтаксического объяснения феномена клитик второй позиции стремятся доказать, что постановка клитик невозможна после паузы, ср. [Radanović-Kocić 1996: 441]. Для подобного подхода представляет проблему возможность факультативной постановки цепочки после паузы, а также возможность разрыва цепочек [X] – CL₁ – Y – CL₂, когда гипотетически аномальная просодия категории [X] служит препятствием для одних клитик и не служит препятствием для других. В таких случаях исходные посылки «просодического» подхода можно сохранить ценой допущения, что клитики CL₁ CL₂ не образуют подлинной цепочки, но подобное допущение не всегда подтверждается независимо.

Виды одиночных⁴³ барьеров в языках с цепочками клитик

	Коммуникативные барьеры	Грамматикализованные барьеры
Слепые барьеры	± обязательные	± обязательные
Селективные барьеры	± обязательные	± обязательные

Примеры слепых коммуникативных барьеров приводятся в (11)–(14).

- (11) др.-новг.
 [BARRIER [ppНа молодогъ]] даль = *ксемь* рубель (грамота 689).
 ‘Относительно солода: я дал на него рубль’.
- (12) болг.
 [BARRIER [ppВ [npдробове-те на умрелия]] имало = *ли* = *е* вода?
 В дробовет-те на умрелия имало *ли* *е* вода?
 в легкие-DEF.PL POSS покойный иметь.PRF.PTCP Q быть.3SG.PRS вода
 ‘Была ли вода в легких покойного?’
- (13) юго-вост. тепехуан
 [BARRIER [méjjic]] oi'ñ-ca-t = 'am gu vaj]-cam gu o'dam⁴⁴.
 Méjjic oi'ñ-ca-t = 'am gu vaj]-cam gu o'dam.
 Мехико жить-NPS.PST.IMPF-3PL = 3PL ART старый-один ART индеец
 ‘В Мехико-то какие-то индейцы когда-то жили <но говорили не так, как мы>’.
- (14) билинара
 [BARRIER [npkanamuggu-rlu]] payi-rni = *yi*⁴⁵.
 kanamuggu-rlu payi-rni = *yi*.
 москит-ERG кусать-PST = 1SG.ACC
 ‘<У меня зуд.> Москит укусил меня’.

В примерах (11–14) категорией, следующей непосредственно за слепым коммуникативным барьером, является глагол. То же самое имеет место в примерах (15)–(16) с селективным коммуникативным барьером: клитика *ли*, плохо сочетающаяся с начальной топикальной группой, оказывается правее глагола при порядке [BARRIER^a [XP] – [CLP b] – V – [CLP a], а прочие кластеризуемые клитики остаются на месте.

- (15) др.-русс. (Ипат., под 1152, л. 166 об.)
 а [BARRIER^a {Topic [pp оу королева=*еси*^b мужа]}}] слышалъ=*ли*^a w томъ ч^cтном кр^cте?
 ‘разве ты не слышал о том честном кресте от человека короля?’

Болгарский пример (16) аналогичен древнерусскому примеру (15) с поправкой на то, что в болгарском кластеризуемые клитики не разрывают начальную группу.

⁴³ В ряде языков с цепочками есть комбинации начальных барьеров. В этом случае имеет-ся два сценария: а) добавление второго барьера не меняет порядок, созданный первым барьером – так устроен древненовгородский диалект [Зализняк 1993: 286], б) второй барьер отменяет эффект первого, восстанавливая исконный порядок – так устроен сербохорватский язык [Čavar, Wilder 1999: 453], словацкий язык [Циммерлинг 2002: 87–88], европейский португальский язык [Rouveret 1999: 663].

⁴⁴ Пример из [Willett 1991: 192]. В юго-вост. тепехуан кластеризуемые клитики могут присоединяться к начальному неглагольному элементу.

⁴⁵ Пример из [McConvell 1996: 324].

(16) болг.

[^{BARRIER}_a {_{TopicP} [_{DP} Книгата на Иван]}] [^{BARRIER}_a [ше]] =*cu*^b=*я*^c прочел =*ли*^a до утре?
Книга-та на Иван ше си я прочел ли до утре?
книга-DEF POSS Иван FUT быть.2SG.PRS 3SG.F прочеть.PRF.PTCP Q до завтра
'Ты прочтешь эту книгу Ивана к завтрашнему дню?'

В примере (17) из языка бинукид отрицание *hari* является факультативным грамматикализованным барьером для двусложной местоименной клитики *kandan*, но не для односложной местоименной клитики *ki*. В этом случае тоже возникает порядок [^{BARRIER}_b [X] – [_{CLP} a] – V – [_{CLP} b]], где глагол разделяет цепочку =*ki*=*kandan*.

(17) бинукид

Ku [^{BARRIER}_b [_{NegP} hari]]] =*ki*^a *buligan* =*kandan*^b 46.
если NEG = 1DU.INCL.NOM помогать = 3PL.GEN
'<Неважно>, даже если они нам не помогут'.

В берберском языке тамазигхт местоименные энклитики присоединяются к начальным видо-временным проклитикам типа *la*= наст. вр., *da*= буд. вр., отрицанию *ur*=, частице *au* и начальным глагольным основам [Quali 2010: 3]. Но в диалекте айт сегрушн начальные проклитики выступают как факультативные барьеры, что приводит к колебаниям порядка слов X – CL – V ~ [X] – V – CL, см. (18a-b):

(18) тамазигхт диал.

a. Lla =*t* *issa*. 47
PRS = это.ACC пить.3SG.IPFV
'Он это пьет'.
b. [Lla] *issa* =*t*.
PRS пить.3SG.IPFV это.ACC
'он пьет это'.

В каких-то случаях факультативные барьеры и вызванные ими альтернации могут свидетельствовать об эволюции системы. Однако барьеры характерны для большинства языков с цепочками, поэтому механизмы, поддерживающие подвижность кластеризуемых клитик за счет разрыва цепочек, следует считать не исключением, а нормой. Еще одним механизмом, поддерживающим вычленимость клитик вида *a, b, c, d ... n*, упорядочиваемых правилом рангов [_{CLP} a, b ... n] с клетками от *a* до *n*, является реализация их в разных комбинациях вида *ac, bd... cn*, а также возможность употребления одиночных клитик в синтаксических позициях, где может употребляться цепочка⁴⁸. Этот параметр важен для языков, где частотные комбинации клитик могут реализоваться в модифицированной форме в пределах одного слога. Так, в языке кампанпанган есть кластеризуемые клитики второй позиции 1 л. ед. ч. эрг./абс. =*ku* и 3 л. ед. ч. абс. =*ya*, причем частотная комбинация местоимений 1 л. ед. ч. эргатива и 3 л. ед. ч. абсолютива =*ku*=*ya* может реализоваться не только как /*ku*ya/, но и как /*ke*/ [Kitano 2006: 2]. Поэтому важно, что клитика =*ku* может появиться в той же позиции, что и цепочка =*ku*=*ya*.

⁴⁶ Пример из [Peng, Billings 2006: 8], интерпретация наша. Союз *ku*, как и другие подчинительные союзы в языке бинукид, не присоединяет энклитики.

⁴⁷ Примеры (18a-b) из [Quali 2010: 22]. Х. Куали полагает, что диалект айт сегрушн имеет клитики иного типа, чем стандартный тамазигхт. Поскольку вариант (18a) по-прежнему возможен, более вероятно, что отличаются не сами клитики, а параметры, разрешающие начальные барьеры.

⁴⁸ Появление модифицированных составных форм клитик (*portmanteaux*) в ряде случаев мотивировано Иерархией лица, упорядочивающей последовательность личных местоимений в соответствии с их активностью. Так, в австралийском языке гаррва составные формы употребляются наряду с комбинациями «пациентивное мест. 1 л. + агентивное мест. 2 л.» и «пациентивное мест. и 1–3 л. + агентивное мест. 3 л. дв. / мн. ч.» [Mushin, Simpson 2008: 580].

3. Цепочки клитик и глагольные формы: W-системы и W⁺-системы. Накопленные данные позволяют считать, что правила рангов, упорядочивающие цепочки, правила барьера, порождающие производные порядки с кластеризуемыми клитиками, а также ограничения, накладываемые на структуру и просодию категории-хозяина клитик (полная группа vs. фонетическое слово, проклитика, подчинительный союз и т. д.) при базовом порядке слов, названные в [Циммерлинг 2009а: 49] правилами сложной составляющей и правилами разрыва составляющей, характерны для всех языков мира, где есть цепочки клитик фиксированной позиции. Этот тезис не доказывается нами строго. Мы полагаем, что его верификация носит вероятностный характер, а процедура фальсификации требует серьезной эмпирической и теоретической базы: в частности, потребуются доказать, что цепочек клитик не существует, соответствующий класс выделен неверно, а все явления, описываемые в терминах цепочек, правил рангов и правил барьеров, имеют альтернативное, более простое и точное объяснение.

Если класс языков с цепочками клитик фиксированной позиции выделен верно, требуется обосновать его внутреннее подразделение. В работах [Billings, Konopasky 2002] и [Franks 2008], посвященных языкам центральнофилиппинского и южнославянского ареалов соответственно, противопоставлены языки с «клитиками второй позиции» и языки «с приглагольными клитиками» (verb-adjacent clitics). Как показано выше, эти таксоны не исключают друг друга, в связи с чем мы не будем ими пользоваться и вместо этого выделим в отдельный класс языки, где нет требования контактной позиции цепочек и глагола и отделим их от языков, где такое требование есть. Вслед за [Циммерлинг 2002: 79] языки первого класса назовем W-системами, или стандартными системами с законом Ваккернагеля (символ W читается: 'Word' или 'Wackernagel').

- Язык L является W-системой, если в нем нет более грамматикализованного ограничения, чем механизм размещения цепочек сентенциальных клитик во второй позиции от начала предикативной группы / предложения.

Языки второго класса вслед за [Zimmerling 2006; Kosta, Zimmerling 2011] обозначим как W⁺-системы (символ W⁺ читается: 'расширенная W-система').

- Язык L является W⁺-системой, если наиболее грамматикализованными ограничениями в нем являются механизм размещения цепочек сентенциальных клитик во второй / n-ой позиции от начала предикативной группы / предложения и механизм помещения глагольных форм в позиции, смежные с позицией клитик.

Разграничение W-систем и W⁺-систем непроблематично, так как эти классы не пересекаются. К W⁺-системам имеет смысл относить языки, где глагол может занимать разные места в клаузе. Строгие языки VS, VSO, где контактный порядок V-CL возникает из-за того, что категорией-хозяином в большинстве случаев является глагол, имеет смысл относить к W-системам. Поэтому люмми и тамазигхт отнесены нами к W-системам, а тагальский, себуано и болгарский – к W⁺-системам. Наиболее важное деление внутри W-систем касается возможности присоединения цепочек к начальным ИГ. Как указано выше, часть W-систем вообще не допускает клитик после начальных ИГ или их элементов: так устроены люмми, кабийский, тамазигхт. Обозначим этот подкласс как W₁-системы. Большая часть W-систем, включая нестрогие языки VS, VSO, допускают постановку цепочек после начальных ИГ или первого ударного слова начальной ИГ: так устроены пашто, юго-вост. тепехуан, маори, чешский. Обозначим этот подкласс как W₂-системы. Противопоставление языков с клитиками после полных групп и после первого ударного слова релевантно только для W₂-систем, и эти возможности в некоторых W₂-системах (сербохорватский, варльпири, луисеньо) не исключают друг друга, поэтому таксономическое значение этого признака преувеличено.

Релевантное различие внутри W⁺-систем касается конечной позиции глагола и клитик. Для центральнофилиппинских языков – тагальского, себуано и бикола, а также для болгарского языка характерна ситуация, когда кластеризуемые клитики стоят после начального элемента клаузы, а глагольные формы оказываются либо справа, либо слева от них. При этом глагол обладает большей линейной свободой, чем клитики, поэтому

правильнее говорить не о том, что клитики занимают позиции, смежные с позицией глагола, а о том, что глагол занимает позиции, смежные с константой предложения – фиксированной позицией клитик / цепочек.

(v) болг. # XP – [CL – V] ~ # [V – CL]; # ... V... #

- цепочки сентенциальных клитик всегда стоят во второй позиции;
- при наличии клитик глагол занимает либо первую, либо третью позицию;
- при отсутствии клитик место глагола не фиксировано.

Примеры, иллюстрирующие контактное положение болгарских глаголов и клитик, уже приводились выше, см. (1b), (10c), (12), (15). См. пример из рассказа Й. Йовкова, где в предложении без клитик перед глаголом оказываются четыре группы: подлежащее, дополнение, обращение и обстоятельство:

(19) болг.

[А нашите българи] (1), [бай Еньо] (2), [кога имат пари] (3), [къщи] (4) правят.

‘[А наши болгары] (1), [почтенный Еньо] (2), [когда у них есть деньги] (3), [дома] (4) строят.’

Похожие системы действуют в австралийском языке ритхарнгу семьи пама-ньюнга [Mushin, Simpson 2008: 583], хотя в нем глагол обычно размещается ближе к концу клаузы. Македонский язык, а также австралийский язык дьинанг и дьинба (группа йолнгу семьи пама-ньюнга) тоже являются W⁺-системами, но в них кластеризуемые клитики имеют на одну позицию больше и могут стоять в начале клаузы.

(vi) макед. # XP – [CL – V] ~ # [V – CL] ~ # [CL—V]; # ... V ... #

(20) дьинанг

a. nguli wal=d-irr= dirradji-la.
 тот.LOC еда.ACC-?-1SG.ERG есть-PST.
 ‘Там я продолжал есть пищу’.

b. # bil =gir-ali.
 3DL.NOM идти-PST
 ‘Они [двое детей] ушли’.

Второй подтип W⁺-систем комбинирует ограничение на размещение кластеризуемых клитик с ограничением V2 или V2/V1 (финитный глагол не далее второго места от начала предложения). Образцом W⁺-систем такого рода являются древнеисландский [Циммерлинг 2002: 367–375] и средненорвежский языки [Там же: 465–471]. Основное ограничение в них описывается формулой (vii).

(vii) др.-исл. # XP – [V – CL] ~ # [V – CL]

(21) др.-исл.

Hann biðr=þá=nú [IP gera annat hvort at halda sættina еда rjúfa]. (Far 135)

Hann biðr =þá =nú gera
 3SG.M просить.3SG.PRS =3PL.ACC.M =теперь сделать.INF

annat hvort at halda
 одно.из.двух.SG.ACC.N PURP соблюдать.INF

sætt-ina еда rjúfa.

мировая-ACC.SG-DEF.ACC.F или рвать.INF

‘Он просит их теперь либо соблюдать мировую, либо выйти из нее’.

(22) др.-исл.

Vil=ek=nú [CP at vit farim báðir til Noregs] (Far 93)

Vil =ek =nú at vit farim
 хотеть.1SG.PRS =1SG =теперь PURP 1DU ехать.1PL.PRS.COND

báð-ir til Noreg-s.

оба-NOM.PL.M в Норвегия-GEN

‘Я хочу теперь, чтобы мы оба отправились в Норвегию’.

Назовем две разновидности W^+ -систем системами филиппинского и германского типа. Первая разновидность встречается чаще: ограничения V2 и V2/V1 слабо представлены за пределами германской группы языков и дардского языка кашмири [Bhatt 1999]. Тем не менее комбинация V2/V1 германского типа, описываемая формулой (vii), постулировалась для старофранцузского [Mathieu 2006] и старопортугальского языков [Galves 2001: 2]. Староиспанский описан как система филиппинского типа в [Nishida 1996]. Теперь мы можем обобщить данные:

Таблица 5

Таксономия W -систем и W^+ -систем

W-системы				W ⁺ -системы	
W ₁ -системы	W ₂ -системы			Филиппинский тип	Германский тип
Начальных ИГ нет или они не принимают клитики	Клитики после начальных ИГ возможны			XP – [CL – V] ~ [V – CL] тагальский себуано бикол болгарский ритхаррнгу староисп. [Nishida 1996: 348]	XP — [V – CL] ~ [V – CL] др.-исл. средненорв. старофр. [Mathieu 2006] старопорт. [Galves 2001: 2]
люмми кабийск. тамазигхт	Клитики после первого фонет. слова	Клитики после первой полной группы	Клитики после первого фонет. слова или первой группы	XP – [CL – V] ~ [V – CL] ~ [CL – V] македонский дьянанг дьянба	
	X-CL, *XP-CL	XP-CL, *X-CL	XP-CL, X-CL		
	хет. др.-новг.	пашто болг. чешск. кави-ненья маори	серб.-хорв. варльпири варумунгу луисеньо		

В кабийском ИГ, стоящие левее глагола, возможны, но цепочки присоединяются не к ним, а к специальной топиализованной частице ау/и, что дает порядок [_{DP} XP]-ау/и = CL – V, ср. (23).

- (23) кабийский
 $\{^{TOP} [_{DP} D halti]\}$ (1) = i (2) = tt=id (3) irubban⁴⁹.
 D halti = i = tt =id irubban.
 DET тетка =PCL.TOP =3SG.ACC =сюда воспитать.PST
 ‘ $\{[_{DP} \text{моя тетка}]\}$ (1) вот кто (2) ее (3) воспитал’.

⁴⁹ Пример из [Айхенвальд 1989: 129].

В маори тоже есть маркер топикализации – проклитика *ko*, но энклитики присоединяются не к ней, а к правому краю топикализованной ИГ, что дает порядок [_{DP} *ko...*] = CL – V, ср. (23). Поэтому кабийский имеет смысл описывать как W_1 -систему, а маори – как W_2 -систему.

- (24) маори
 {^{TOP}[_{DP} *Ko ana hoa*]} = *ia i=wairangi noa iho ki te kotekeki...*⁵⁰
Ko ana hoa = ia i= wairangi noa iho ki te kotekeki.
 PCL.TOP его друг = однако T/A= возбужденный свободно вниз к DET болтовня
 ‘{^{TOP}[_{DP} его друзья]} = *однако возбужденно болтали...*’.

W -системы и W^+ -системы – стабильные типы: правила рангов и правила барьера действуют в них одинаково регулярно, а кластеризуемые клитики имеют сходную дистрибуцию в главных и зависимых клаузах. Общей характеристикой W - и W^+ -систем является то, что все кластеризуемые клитики в них, независимо от представляемой категории, подвержены одним и тем же синтаксическим операциям. Возможны два сценария постановки цепочек в зависимых клаузах с подчинительным союзом (Comp). В одной группе языков подчинительный союз не принимает кластеризуемые клитики: в этом случае асимметрии главных и зависимых клауз в плане постановки цепочек нет и цепочки ставятся после первой группы / первого ударного слова первой группы клаузы, ср. (viii).

(viii) $XP / \textcircled{X} - CL \sim \langle \text{Comp} \rangle - YP - CL$.

- (25) пашто
 a. *aʔa ndʒəlay [CP tʃe [IP tor = ba = ye arawra cinema ta bowə]] amrika ta laʒa.*
 та девушка что TOP =будет =3Sg ежедневно кино в брала Америка в уехала
 ‘Девушка, которая каждый день водила Тора в кино, уехала в Америку’.
 b. **aʔa ndʒəlay [CP tʃe = ba = ye [IP tor arawra cinema ta bowə]] amrika ta laʒa.*

Формуле (viii) соответствуют пашто [Tegey 1977: 127–128], тагальский, себуано, бинукид и большинство других центральнофилиппинских языков. В другой группе языков кластеризуемые клитики присоединяются непосредственно к подчинительному союзу, что дает повод объединять элементы XP/\textcircled{X} и Comp, принимающие клитики в разных типах клауз, в общую категорию. Отсюда обозначение клитик второй позиции как элементов, ориентированных на узел Comp (C-oriented clitics)⁵¹ в [Progovac 1996: 412].

(ix) $XP / \textcircled{X} - CL \sim \text{Comp} - CL$

Формуле (ix) соответствуют сербохорватский, болгарский, чешский, юго-вост. тешуан [Willet 1991: 192], варумунгу.

- (26) варумунгу
 [_{CP} *alapaŋ(a) =arni kiwari maanyjun=ngini nyiyŋa*]
 когда =1SG.NOM дитя маленький=PCL сидеть.PST
 ‘когда я был маленьким ребенком’⁵²

Языки, имеющие (ix) в качестве основной стратегии, часто используют (viii) в качестве дополнительной, что отмечено для чешского [Hana 2008], масбатеньо и таусуг [C. Lee 2006: 8]; но языки, где широко используется стратегия (viii), обычно не используют стратегию (ix) в качестве дополнительной. Таким образом, характеристика кластеризуемых клитик второй позиции как элементов, ориентированных на узел Comp,

⁵⁰ Пример из [Herd 2003: 76].

⁵¹ Данная формулировка имеет смысл только по отношению к языкам, где подчинительный союз занимает начальное положение в придаточном. Примером языка с неначальным подчинительным союзом является варльпири [Nash 1986: 32–33].

⁵² Пример из [Mushin, Simpson 2008: 586].

непосредственно распространяется только на часть W- и W⁺-систем⁵³. Плюсом этого ярлыка является то, что он подчеркивает единство механизмов синтаксиса во всех клаузах с цепочками. Для языков, допускающих альтернацию Comp – CL ~ [Comp] – YP – CL в зависимых клаузах, имеет смысл объяснять ее в терминах коммуникативных барьеров, если порядок [Comp] – YP – CL является коммуникативно маркированным. Эта трактовка непосредственно приложима к разговорному чешскому языку, где, согласно Й. Хане [Hana 2008], возможны высказывания типа (27):

(27) чеш.

Helena řikala, že (1) {_{Contr. Topic} [BARRIER] [Petra] [do Francie]} (2)=*bych* (3) ještě poslal, ale Martina do Maďarska ani náhodou⁵⁴.

‘Хелена сказала, что Петра во Францию я, мол, бы еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что’.

Букв. ‘Хелена сказала, что (1) {[BARRIER] [Петра] [во Францию]} (2)=*бы.я* (3) еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что’.

В некоторых языках, использующих сценарий (viii), отсутствие цепочек после подчинительных союзов можно объяснить тем, что эти союзы являются проклитиками. Но полностью распределение (viii) и (ix) в просодических терминах обосновать нельзя, поскольку, во-первых, в ряде языков порядок Comp – CL блокируется и после ударных союзов и союзных слов, а во-вторых, порядок Comp – CL может допускаться и после безударных подчинительных союзов, ср. чеш. *že* ‘что’ в примере (27).

3.1. W*-системы и V-системы. Имеются два класса языков с цепочками клитик уровня предложения, которые стоит рассматривать отдельно. В первом из классов, к которому принадлежат современные романские языки, клитики локализируются в глагольной группе (VP либо vP), занимают контактное положение с глагольной вершиной и не имеют фиксированной позиции в клаузе. Клитики могут перемещаться в пределах глагольной группы и переходить из позиции энклизы в позицию проклизы в разных типах клауз, ср. итал. *Leggi=lo!* «прочти это!», *Gianni* [_{VP} *vuole* [_{IP} *legger=lo*]] букв. ‘Джанни [_{VP} хотел [_{IP} прочесть =*это*]’ ⇒ *Gianni* [*lo_i=vuole* [_{IP} *leggere t_i*]] ‘Джанни *это*=хотел прочесть’ или даже в одном и том же типе клауз, как в европейском португальском языке [Rouveret 1999]. Место глагола/ГГ с клитиками в языках этого типа не фиксировано. Системы подобного рода будем называть V-системами (V = ‘Verb’): отсутствие запретов на перемещение глагола/ГГ в предложении, запрет на дистантное расположение клитик и глагольной вершины и запреты на вынос клитик из группы, возглавляемой финитным глаголом [Cardinaletti 1999: 38–41], являются важнейшими диагностическими признаками V-систем. Образцами V-систем служат французский, итальянский, испанский, европейский португальский, бразильский португальский [Galves 2001: 6], а также новогреческий и албанский языки. V-системы описаны в генеративном синтаксисе лучше других языков с цепочками, и на них ориентированы универсалистские доктрины, ср. [Kaune 1994]. Поэтому специфические свойства V-систем – контактный порядок цепочек и глагола, подвижность (movement) глагола в предложении и наличие среди кластеризуемых клитик объектных местоимений – кажутся сторонникам УГ само собой разумеющимися и проецируются ими на прочие языки.

В другом классе языков цепочки клитик уровня предложения могут стоять после начальной составляющей, но могут также занимать контактное положение с глаголом, причем ни одна из этих стратегий не является безусловно преобладающей. Будем называть языки, где закон Ваккернагеля действует в неполном объеме, но более грамма-

⁵³ Утверждение Ж. Бошковича [Bošković 2004: 74] о том, что македонский и болгарский не имеют клитик второй позиции, «так как они допускают порядки вида Comp [YP] CL V», ср. макед. [_{CP} *дека* [_{IP} *Петко=ми=го=даде* *вчера*]] ‘что Петко *мне его дал* вчера’, основано на недоразумении. Допустимость порядка Comp – YP – CL в придаточном никак не диагностирует различие W- и W⁺-систем, ср. выше примеры (25a-b) из пашто.

⁵⁴ В чешском языке союз *že* ‘что’ может принимать клитики.

тикализованных ограничений порядка слов на уровне предложения нет, W*-системами (символ W* читается ‘разрушенная W-система’).

• Язык L является W*-системой, если механизм размещения цепочек сентенциальных клитик во второй позиции от начала клаузы сочетается с альтернативными механизмами расстановки линеаризации, что приводит к тому, что разные кластеризуемые клитики упорядочиваются на разных основаниях.

Классические представители W*-систем – старославянский язык и древнерусский южных памятников. Здесь клитики-частицы занимают вторую позицию от начала клаузы, формы связок стоят контактно с глаголом, а формы местоименных клитик упорядочиваются либо так же, как частицы, либо так же, как связки [Зализняк 2008: 87–168]. Еще один представитель этого типа – польский язык. Здесь формы связки ‘быть’ чаще выступают как глагольные энклитики, но могут составлять цепочки с местоимениями во второй позиции от начала главной клаузы, если в начало клаузы вынесен глагол. В этом случае связки предшествуют местоимениям. См. связку 2 л. ед. ч. =eś и местоименные клитики =go=jej в (28).

- (28) польск.
Pozbawił =eś =go =jej.
 избавил.PRF.SG.M =AUX.2SG =ACC.SG.M =DAT.SG.F
 ‘Ты избавил его от этого’.

Если в начале главной клаузы стоит неглагольный элемент, связки и местоименные клитики могут стоять контактно, см. (29а), либо дистантно (29b–с), причем в последнем случае порядок связки и местоименной клитики не важен:

- (29) польск.
 а. Ты =ś =go widział często w parku.
 2SG =AUX.2SG =ACC.SG.M видеть.PRF.SG.M часто в парк-LOC
 ‘Ты часто видел его в парке’.
 б. Ты =go widział =eś często w parku.
 2SG =ACC.SG.M видеть.PRF.SG.M =AUX.2SG часто в парк-LOC
 ‘Ты часто видел его в парке’.
 с. Ты =ś widział =go często w parku.
 2SG =AUX.2SG видеть.PRF.SG.M =ACC.SG.M часто в парк-LOC
 ‘Ты часто видел его в парке’.

В придаточных клитики чаще присоединяются к подчинительному союзу и образуют цепочки, но возможен и разрыв цепочки.

- (30) польск.
 Kiedy=śmy=go [wreszcze]=mu odebrali...
 Kiedy =śmy =go wreszcze =mu odebrali...
 когда =AUX.1PL =ACC.SG.M наконец =DAT.SG.M отобрать.PRF.PL
 ‘Когда мы наконец забрали это у него...’

В W*-системах отдельные разряды клитик могут употребляться только в пределах какого-то одного типа предложений и/или сочетаться с каким-то одним типом категорий-хозяев. Польский язык демонстрирует оба отклонения. Энклитика *by* встречается только в придаточном и почти всегда клитизируется к подчинительному союзу, ср. (31a-b).

- (31) польск.
 а. Gdy =by =m miał czas...
 Gdy =by =m miał czas...
 если =COND =AUX.1SG иметь-PRF.SG время-ACC.SG
 ‘Если бы я имел время...’
 б. *Gdy miał=by=m czas...

В (32)–(33) цепочка *=by=śmy* обнаруживает большую свободу и ставится либо после начального союза *że* ‘что’, либо после глагольной группы [_{VP} *to zrobili*] ‘сделали это’. С диахронической точки зрения соотношение (32) и (33) объясняется действием правила барьера, перемещающего цепочку вправо. Но к синхронному состоянию польского языка этот анализ неприменим, так как значения (32) и (33) нетождественны.

(32) польск.
 Powiedział, [_{CP} *że = by=śmy* [_{VP} *to zrobili*]]⁵⁵.
 Powiedział, *że = by =śmy to zrobili*.
 сказать.PST.3SG.M COMP =COND =AUX.1PL это.ACC.SG делать.PL.PFV
 ‘Он сказал / велел нам сделать это’, ‘он сказал, чтобы мы это сделали’.

(33) польск.
 Powiedział, [_{CP} *że* [_{VP} *to zrobili*]=*by=śmy*].
 Powiedział, *że to zrobili =by =śmy*.
 сказать.PST.3SG.M COMP это-ACC.SG делать-PL.PFV =COND =AUX.1PL
 ‘Он сказал, что нам следовало бы это сделать’.

В швейцарских немецких диалектах Берна и Цюриха [Cooper 1999: 717–719] цепочки энклитик присоединяются к подчинительному союзу, создавая порядок *Comp – CL*, как в польских примерах (31a), (32), а в главных клаузах присоединяются либо к глаголу, что дает порядок *XP – [V – CL]*, как в *W*⁺-системах германского типа, либо к разным именным и глагольным вершинам, как в польских примерах (29b-c). Тем самым кластеризация ограничена здесь зависимыми клаузами. В румынском цепочки встречаются как в главных, так и в зависимых клаузах, но набор кластеризуемых клитик в зависимых инфинитивных и конъюнктивных клаузах гораздо богаче, см. [Свешникова 2003: 84].

W^{*}-системы встречаются в тех же ареалах и группах языков, что и стандартные *W*-системы, что наводит на мысль о том, что они являются плодом эволюции *W*-систем. Строго доказана эта гипотеза только для книжного древнерусского языка, система которого, как показал А.А. Зализняк [Зализняк 2008: 165–168, 264–267] получается из *W*-системы типа древненовгородской путем наложения на нее дополнительных правил барьера и реанализа порядков типа [^{BARRIER} *ab* [XP]] — YP — [_{CLP} *ab*] и [^{BARRIER} *a* [XP] — [_{CLP} *b*] — YP — [_{CLP} *a*], которые в *W*-системе имели статус производных в качестве основных, ср. обсуждение в [Циммерлинг 2009б]. Правдоподобные результаты получены для позднего греческого койне [Кисилиер 2009] и языка средневековых кипрских памятников [Борисова 2007], демонстрирующих хронологически промежуточное состояние между древнегреческой *W*-системой и новогреческой *V*-системой. П. Мак-Конвелл описал *W*^{*}-системы языков мудбурра и гуринди группы нгумпин семьи пама-ньюнга; соседние языки той же группы – дьяру [Tsunoda 1988], варнман, билинара и вальмадьери являются *W*-системами. По П. МакКонвеллу, порядок *XP – CL*, который для *W*-систем следует считать основным, реализуется в мудбурра и гуринди в маркированном случае, когда начальный элемент клаузы коммуникативно выделен и является перемещенной влево ремой или фокусом контраста [McConvell 1996: 318–320]. Аналогично характеризует аравакские языки варекена [Aikhenvald 1998: 405] и тарьяна⁵⁶ А. Айхенвальд. Пример (34) показывает предположительно основной порядок *XP – [V – CL]* для языка гуринди. Пример (35) показывает предположительно производный порядок {_{CONTRASTIVE TOPIC} [XP]} – *CL – V* с начальной контрастной темой.

⁵⁵ Пример из [Migdalski 2007].

⁵⁶ Ср. «Tense-evidentiality enclitics (in Tariana. – А. Ц.) are floating... They can go onto any constituent in the clause, if it is in contrastive focus and preposed to the predicate» [Aikhenvald 2002: 64].

- (34) гуинди
 а. Karnti *yayi-ngka* =*yi*.
 дерево давать-IMP 1SG.ACC
 'Дай мне палку!'
 б. *karnti=*yi jayi-ngka*, *karnti ngu=*yi jayi-ngka*.

- (35) гуинди
 {CONTRASTIVE TOPIC *ngayi-ma*} =*rna ka-ngana-rni*.
Ngayi-ma =*rna ka-ngana-rni*.
 1SG-CONTR =1SG.CL брать-PRF-PROX
 <А. 'Я забыл свою котомку в кустарнике.'> Б. 'А я свою взял.'

Если эти описания правильны, мудбурра, гуинди, варекена и тарьяна являются переходным звеном между W*-системами и стандартными V-системами.

В стандартных V-системах подвижность клитик, смежных с глаголом, поддерживается за счет выноса клитик в вышестоящую предикацию (clitic climbing), а также чередования энклизы и проклизы в разных типах клауз. Если в языке вынос клитик в другую клаузу отсутствует и цепочки во всех типах клауз устроены одинаково, установить, имеем ли мы дело с W*-системой или V-системой, трудно. Если глагол занимает разные позиции в предложении, а кластеризуемые клитики стоят контактно с глаголом, язык является V-системой. Этой формуле удовлетворяют отомангский язык гелавиа сапотек [Jones, Church 1985] и австралийский язык кугу-нганьчара (группа вик, семья пама-ньюнга), где возможны порядки # [V – CL] и # XP – Y – Z – [CL – V] с нефиксированным числом групп перед клитикой [Cysouw 2005: 22], а также, возможно, восточно-берберский язык сива, для которого постулируются порядки # [V – CL], # NEG – [V – CL], # FUT – [V – CL], # NEG – FUT – [V – CL]: независимо от числа позиций перед глаголом сива, последовательность [V – CL] сохраняется [Quali 2010: 23].

Таблица 6

W*-системы и V-системы

W*-системы	V-системы	
XP – CL ~ XP ... V – CL ~ XP ... CL – V	... [V + CL] ...	
старославянский южный древнерусский позднее койне кипрский диалект	французский испанский итальянский бразильский португальский каталонский гелавиа сапотек новогреческий албанский	
Comp – CL ~ XP – Y... CL... V бернский и цюрихский диалекты нем.	XP – CL ~ XP... [V – CL] гуинди, мудбурра, тарьяна, варекена	[V – CL] ~ X [CL – V] европ. португальский
	X – CL – Y ~ [CL – V] румынский	
Comp – CL ~ XP ... [V – CL] CL] польский	# ... V – CL... сива	...CL – V... # кугу-нганьчара

3.2. Общая характеристика языков с цепочками клитик. Из четырех выделенных типов три – W-, W⁺-и V-системы – стабильны: правило рангов, устанавливающее контактный порядок кластеризуемых клитик, соблюдается во всех типах клауз. В стандартных W-системах место кластеризуемых клитик в клаузе фиксировано, а место глагола при базовом порядке X / XP – CL нефиксировано. В W⁺-системах фиксировано и место клитик, и место глагола, а в V-системах ни глагол, ни кластеризуемые клитики не имеют фиксированного места в клаузе. В W- и W⁺-системах действуют правила начальной составляющей, устанавливающие набор категорий, принимающих цепочки при порядке X / XP – CL, и правила барьера, устанавливающие соотношение базового и производного порядков. В W*-системах соотношение порядка X / XP – CL и порядков, порожаемых правилами барьера, как базового и производных нарушено, а кластеризуемые клитики могут упорядочиваться на разных основаниях в разных типах клауз. Для W-систем ожидаемым просодическим типом кластеризуемых клитик являются энклитики, для W⁺-систем – энклитики либо универсальные клитики, т. е. элементы, способные выноситься в начало клаузы (что имеет место в македонском и ритхарнгу), для V-систем возможны как проклитики, так и энклитики, для W*-систем – все типы клитик, кроме строгих проклитик.

Таблица 7

Параметры языков с цепочками клитик

	W-системы	W ⁺ -системы	W*-системы	V-системы
Позиция клитик в предложении при базовом порядке слов	фиксирована		фиксирована для части кластеризуемых клитик	нефиксирована
Позиция глагола в предложении при базовом порядке слов	нефиксирована	фиксирована	± фиксирована	нефиксирована
Правила начальной составляющей	релевантны для всех клауз		релевантны для отдельных типов клауз	релевантны для всех типов клауз
Ожидаемый тип кластеризуемых клитик	энклитики		проклитики	
		универсальные клитики	энклитики	

4. Клитики и фразовые аффиксы. В данной статье были рассмотрены некоторые особенности клитик, релевантные для систем порядка слов. Начиная с 1990-х гг. получили распространение теории, где проблему расстановки клитик предлагалось решать на уровне морфологии, ср. [Miller, Sag 1997]. Было выдвинуто понятие фразовых аффиксов, т. е. морфологических элементов, присоединяющихся не к корням, а к группам. Это понятие связано с представлением о поэтапном порождении языка: вставка аффиксов – досинтаксическая операция, а расстановка клитик в большинстве генеративных моделей задается синтаксическими либо постсинтаксическими (просодическими) правилами [Anderson 2005]. Имеет смысл обсуждать три подхода.

4.1. Попытка выяснить соотношение фразовых аффиксов и клитик вне связи с выбором формальной доктрины. Х. Китано предлагает рассматривать ряд приставок в индонезийском и тагальском языках как проклитики, поскольку они могут присоеди-

няться к фразам, ср. индонез. $[[_{N}bahasa] [_{N}Indonesia]]$ 'индонезийский язык' + *ber-* \Rightarrow $[_{V}ber-[[_{N}bahasa] [_{N}Indonesia]]]$ 'говорить по-индонезийски', тагальск. $[[_{N}boda] de [_{N}plata]]$ (< исп. *boda de plata* 'серебряная свадьба') + *mag-* {ACTOR} \Rightarrow $[mag-[[_{N}boda] de [_{N}plata]]]$ 'праздновать серебряную свадьбу' [Kitano 2006: 8]. Морфемы со сходной комбинаторикой есть и в других языках, в том числе в английском, ср. англ. $[_{DP} the [_{NP} basketball [_{N} Hall] of [_{N} Fame]]]$ 'баскетбольный Зал славы' + *-er* \Rightarrow разг. англ. $[_{DP} the [_{DP} basketball [_{N} Hall] of [_{N} Fame]]-r]$ 'член баскетбольного Зала славы'⁵⁷, и субнормативном русском, ср. [ничегонеделань]-е, [дольчефарниент]-ушки (< итал. *dolce far niente*), [никуданегодн]-ица и т. п. При применении программы исследования, где нет задачи свести классы клитик и фразовых аффиксов друг к другу, одни морфемы уместно описывать л и б о как клитики, л и б о как аффиксы, в то время как другие будут допускать двойное описание. Нет явных оснований сводить англ. *er* и показатель принадлежности англ. *s* в одну рубрику, несмотря на их конечное положение во фразе: суффикс имени деятеля *er* селективен и присоединяется к строго определенным основам, в то время как показатель принадлежности $=s$ может, по крайней мере в разговорном языке, присоединяться к любому конечному элементу фразы, ср. англ. $[_{NP} the owoman [_{CP} I talked to]]='s arguments$ 'доводы женщины, с которой я говорил' [Zwicky 1977: 7]. В других случаях описания примерно равноценны. Показатель изафета $=e$ в урду, ср. урду $[ye\ maal\ or\ daulat]=e_{ИЗАФ.}$ *dunya* 'это достояние и богатство мира' может рассматриваться и как аффикс, и как клитика [Butt, Bögel 2009], если верно, что ту же дистрибуцию имеет показатель вин. п., ср. урду $[maal\ or\ daulat]=ko_{ВИН.}$ *kumaa-o_{ИМП.}* 'зарабатывай достояние и богатство'. В рамках данного подхода нет оснований сводить кластеризуемые клитики к аффиксам, если в языке нет цепочек аффиксов со сходной комбинаторикой.

4.2. Попытка заменить понятие клитик понятием фразового аффикса в рамках конкретного формализма. Авторы ряда работ, в основном написанных с позиций HPSG, объясняют все клитики, в том числе кластеризуемые, с помощью морфологических правил. Иногда при этом слово «клитика» употребляется как традиционный дескриптивный термин, а выражение «аффикс» как стоящее за ним теоретическое понятие, ср. [Tseng 2003: 179]. Если в анализе конкретного языкового материала почти ничего не меняется, кроме терминов, замена не играет роли. Тем не менее сторонники HPSG считают отказ от теории клитик экономным решением в рамках уровневой модели языка, а их оппоненты ставят себе в заслугу отказ от уровневой модели и теории фразовых аффиксов, см. [Butt, Bögel 2009]. Для анализа цепочек такая позиция неудобна. Р.О. Коннор, анализирующий в рамках LFG цепочки сербохорватских клитик, утверждает, что «идиосинкратический порядок элементов» более характерен для аффиксальной морфологии, чем для единиц синтаксиса [O'Konnor 2002: 320]. Но твердый порядок клитик с равным успехом можно формализовать, признав цепочку группой (CliticP) и выведя для нее правило рангов, что предложено в нашей статье. Кроме того, упорядочение внутри цепочки не исключает дистантного расположения кластеризуемых клитик в силу действия правил барьера, которые могут породить порядки, где клитика, занимающая место в начале правила рангов, оказывается правее остальных, ср. примеры (15), (16).

4.3. Попытка совместить понятие клитик с понятием фразового аффикса в рамках единого формализма. В некоторых работах признается существование как клитик, так и фразовых аффиксов, ср. [Werle 2007], либо категориальная неоднородность клитик/фразовых аффиксов, среди которых видят аналоги словоизменительных и деривационных морфем [Anderson 1993: 85]. Такая позиция оставляет больше возможностей для сопоставления языков: например, можно доказывать, что хотя безударные местоимения во французском и македонском являются словоизменительными аффиксами, сходные элементы в дру-

⁵⁷ См. пример: англ. *But the [Basketball Hall of Fame]-r will be trying out and coaching a team fielding exotic dancers from Headquarters Gentleman Club.* (http://sports.yahoo.com/nba/blog/ball_dont_lie/post/Of-course-Dennis-Rodman-is-going-to-coach-a-top1?urn=nba-wp12692)

гих языках имеют иной статус. Тем не менее остаются трудности. Поэтапное порождение цепочки на основании того, что она состоит из элементов с разным морфосинтаксическим статусом, ср. [Franks 2008: 104, 128], часто толкает к контринтуитивному выводу о том, что цепочка вообще не является объектом грамматики. Особенно неудобны для поэтапного порождения случаи, где упорядочение цепочки не связано однозначно с морфологическим типом клитик. Так устроен тагальский язык, где все односложные местоименные клитики стоят в цепочке перед двусложными, а все наречия, независимо от числа слогов, стоят после односложных местоимений [Billings, Konopasky 2002]⁵⁸.

5. Перспектива исследований. Проведенный анализ показал, что объяснение структур с цепочками клитик в терминах синтаксических ограничений может быть не менее точным, чем лексикалистские объяснения, ссылающиеся на свойства, постулируемые для разных разрядов клитик в УГ. Признание правил барьера, связывающих базовый и производные порядки слов в языке с цепочками, позволяет предсказать выглядящее хаотичным распределение линейных порядков с клитиками на основе небольшого числа ограничительных условий, действующих в большом числе языков, определенных выше как W, W⁺, W* и V-системы. Эта часть анализа в настоящее время не имеет несинтаксической альтернативы. Плюсом и минусом нашего подхода является то, что требуется проверять, к какому именно типу относится конкретный язык с цепочками. Мы предвидим возражения сторонников иных концепций. Прежде всего, потребуется доказать, что, если использованное в статье определение цепочки как синтаксического объекта верно, кластеризуемые элементы являются именно клитиками, а не выражениями иного рода (например, аффиксами, слабыми формами Кардиналетти-Штарке). Пока не доказано обратное, будем считать, что кластеризуются только синтаксические клитики, при этом материально тождественные элементы с тем же сегментным составом могут быть некластеризуемыми в том же языке. Второе возможное возражение касается того, что правила рангов, упорядочивающие цепочки, могут быть диахронически нестабильны и отражать переходное состояние языка. Проверка этого положения носит статистический характер. Большинство известных языков с цепочками попадает в те три класса, где правила рангов действуют регулярно – W, W⁺, и V-системы, а системы четвертого класса (W*-системы) составляют меньшинство, что можно признать неплохим результатом с учетом того, что на материале славянских, балканских, романских и австралийских языков описаны случаи смены типа и перехода языков с цепочками из одного класса в другой. В-третьих, нужно выяснить, существуют ли помимо W, W⁺, W* и V-систем иные классы языков с цепочками, например языки, где цепочки проклитик занимают начальную позицию в клаузе, или языки, где цепочки энклитик занимают конечную позицию в клаузе: это важно для ответа на вопрос, в какой мере кластеризация связана с позициями, предсказываемыми законом Ваккернагеля. Поскольку проклитики и энклитики, занимающие начальную и конечную позицию соответственно, в группах разных типов заведомо существуют [Agee 1993; Aikhenvald 2002: 54], мы допускаем, что языки с цепочками начальных и конечных клитик тоже существуют, но пока не располагаем их описанием.

Формализация изложенного в статье подхода возможна в рамках разных концепций и не требует принятия соглашений о существовании Универсальной грамматики до начала анализа. Попытка совместить основные выводы со стандартными допущениями, делаемыми в генеративном синтаксисе, предпринята в [Kosta, Zimmerling 2011]. Критериями для нас служат точность модели и ее предсказательная сила. Представляется, что механизмы сборки цепочек и особенно правила барьера трудно формализовать без представления о перемещении клитик, а условия заполнения начальной позиции клаузы в W- и W⁺-системах группой или ансамблем логично анализировать в терминах простого и множествен-

⁵⁸ С. Андерсон предложил трехступенчатое порождение тагальского правила рангов: односложные местоимения на ритмических основаниях присоединяются не ко всему ударному слову, а к его части – стопе (foot), затем на них навешивается наречие, а двусложные местоимения присоединяются к уже имеющемуся просодическому комплексу [Anderson 2005: 170]. Л. Биллингс, однако, показал, что эти допущения противоречат ритмической структуре тагальского слова.

ного перемещения в XP (SpecCP) или позицию, аналогичную XP. В заключение коснемся тенденции, наметившейся в литературе. Если Я. Ваккернагель стремился выделить черты общего типа в известных ему языках, то некоторые лингвисты, писавшие о законе Ваккернагеля, стали объяснять условия употребления клитик ссылками на специфические или даже уникальные черты языков. Так, Р. Якобсон в 1935 г. связал утрату кластеризуемых местоимений в истории русского языка с «развитием свободного силового ударения»: что бы ни стояло за этим ярлыком, он в равной мере приложим к болгарскому языку, который сохранил цепочки клитик. Д. Нэш, автор превосходной грамматики варльпири, утверждает, что в данном языке нет структуры составляющих [Nash 1986: 163], при том что в книге приведены примеры постановки цепочек после начальной ИГ из нескольких фонетических слов и даже примеры с эффектом барьера [Nash 1986: 196], которые без отсчета составляющих описать трудно. Наконец, Э. Желинек, разбирая цепочки клитик в люмми, заявляет, что в языках с местоименными аргументами «информационная структура прямо отражает аргументную», поэтому порядок слов люмми лишен грамматической функции и маркирует информационную структуру [Jelinek 2000: 215]. Судя по описанию, цепочки местоимений и показателей времени в люмми выражают информацию, уже активированную в дискурсе. Но нет оснований думать, что цепочки сербохорватских или новгородских клитик тех же категорий имеют иной информационный статус, хотя эти языки не относятся к классу с местоименными аргументами. Кроме того, маловероятно, что такой сложный механизм, как образование цепочки и ее помещение после начальной категории клаузы, может реализоваться вне правил синтаксиса. Мы полагаем, что подобные антиуниверсалистские лозунги непродуктивны, а будущее – за исследованиями, комбинирующими процедуру типологического описания с моделями, разработанными в современных синтаксических теориях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACC – аккузатив	LOC – локатив
ADD – аддитив	M – мужской род
ADV – наречие	N – средний род
ALL – аллатив	NEG – отрицание
ART – артикль	NOM – номинатив
AUX – глагольная связка	NPS – ненастоящее время, статив
CL – клитика	NPST – непрошедшее время
CNTRF – контрфактив	PCL – частица
COMP – комплементаризер	PL – множественное число
COND – условное наклонение	PROX – проксиматив
CONJ – конъюнктив	PRF – перфектив
CONTR – контраст	PRS – настоящее время
DAT – датив	PST – прошедшее время
DEF – определенный	PTCP – причастие
DET – детерминатив	PURP – цель
DU – дуалис	PV – преверб
ENCL – энклитика	Q – вопрос
ERG – эргатив	REFL – рефлексив
EXCL – эксклюзивное местоимение	SG – единственное число
F – женский род	TR – транзитив
GEN – генитив	TOP – топик
IMP – императив	T/A – время / вид
IPFV – имперфектив	[...] – формальная составляющая
INCH – инхоатив	{...} – коммуникативная составляющая
INCL – инклюзивное местоимение	
INF – инфинитив	
INTR – интранзитив	
ITER – итератив	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1949 – В.И. Абаев. Ритмика осетинской речи // Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949.
- Абаев 1959 – В.И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
- Ахвледиани 1969 – Г.В. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. II. Синтаксис. Орджоникидзе, 1969.
- Айхенвальд 1989 – А.Ю. Айхенвальд. Порядок слов в кабийском языке // И.Ф. Вардуль (ред.). Очерки типологии порядка слов. М., 1989.
- Борисова 2007 – А.Б. Борисова. Некоторые синтаксические особенности Кипрской хроники Леонтиоса Махераса // Материалы XXXVI Междунар. филол. конф. СПбГУ. СПб., 2007.
- Дыбо 1975 – В.А. Дыбо. Закон Васильева-Долобо в древнерусском языке на материале Чудовского завета // International journal of Slavic linguistics and poetics. 1975. V. 18/1.
- Зализняк 1985 – А.А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1993 – А.А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989. М., 1993.
- Зализняк 2008 – А.А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Кисилиер 2009 – М.Л. Кисилиер. Синтаксические особенности личных местоимений в позднем койне: Двусложные местоимения в «Луге духовном» Иоанна Мосха // Acta linguistica petropolitana. Т. II. Ч. 1. СПб., 2009.
- Мельчук 1997 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена, 1997.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2000.
- Свешникова 2003 – Т.Н. Свешникова. Синтаксис румынского глагола. Конъюнктив и его трансформы. М., 2003.
- Толстая 2000 – М.Н. Толстая. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: Место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1988–1999. Вып. XIV. М., 2000.
- Циммерлинг 2002 – А.В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Циммерлинг 2008 – А.В. Циммерлинг. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам междунар. конф. «Диалог 2008». Вып. 7 (14). М., 2008.
- Циммерлинг 2009а – А.В. Циммерлинг. Элементы предложения и синтаксические позиции в языках современной Европы // Язык и речевая деятельность. 2009. Т. 8.
- Циммерлинг 2009б – А.В. Циммерлинг. Клитики в древнерусском пространстве: По поводу книги А.А. Зализняка «Древнерусские энклитики» // Русск. яз. в науч. освещении. 2009. № 1.
- Шайкевич 2005 – А.Я. Шайкевич. Введение в лингвистику. М., 2005.
- Agbayani, Golston 2010 – В. Agbayani, С. Golston. Second-position is first-position. Wackernagel's law and the role of clausal conjunction // Indogermanische Forschungen. 2010. Bd. 115.
- Agee 1993 – D.A. Agee. Modal clitics in San Jeronimo Mazatec // SIL-Mexico workpapers. 1993. V. 10.
- Aikhenvald 1998 – А.У. Aikhenvald. Warekena // D.C. Derbyshire, G.K. Pullum (eds.). Handbook of Amazonian languages. V. 4. Berlin; New York, 1998.
- Aikhenvald 2002 – А.У. Aikhenvald. Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana // R.M.W. Dixon, А.У. Aikhenvald (eds.). Word: A cross-linguistic typology. Cambridge, 2002.
- Anderson 1993 – S.R. Anderson. Wackernagel's revenge: Clitics, morphology, and the syntax of second position // Language. 1993. V. 69. № 1.
- Anderson 2005 – S.R. Anderson. Aspects of the theory of clitics. Oxford, 2005.
- Babby 2002 – L. Babby. Subjectlessness, external subcategorization, and the projection principle // Journal of Slavic linguistics. 2002. V. 10.
- Bhatt 1999 – R.M. Bhatt. Verb movement and the syntax of Cashmiri // Studies in natural language and linguistic theory. 1999. V. 46.
- Billings, Konopasky 2002 – L. Billings, А. Konopasky. The role of morphology in ordering verb-adjacent clitics: From syntax to prosody in Bulgarian and Tagalog // А. Alexiadou et al. (eds.). Linguistics in Potsdam. 19. Potsdam, 2002.
- Bošković 2001 – Ž. Bošković. On the nature of the syntax-phonology interface. Amsterdam, 2001.
- Bošković 2004 – Ž. Bošković. Clitic placement in South Slavic // Journal of Slavic linguistics. 2004. V. 12/1–2.

- Browne 2007 – *W. Browne*. Word order in Burgenland Croatian: Clitics. Talk at the Third Southeast European studies association conference. April 26–28, 2007.
- Butt, Bögel 2009 – *M. Butt, T. Bögel*. Urdu Ezafe – Phrasal affix or clitic? Workshop on morphosyntactic categories and the expression of possession. Univ. of Manchester. 3–4 April, 2009.
- Cardinaletti 1999 – *A. Cardinaletti*. Pronouns in Germanic and Romance languages: An overview // H. van Riemsdijk (ed.). *Clitics in the languages of Europe*. Berlin; New York, 1999.
- Cardinaletti, Starke 1999 – *A. Cardinaletti, M. Starke*. The typology of structural deficiency // H. van Riemsdijk (ed.). *Clitics in the languages of Europe*. Berlin; New York, 1999.
- Ćavar, Wilder 1999 – *D. Ćavar, C. Wilder*. Clitic third in Croatian // H. van Riemsdijk (ed.). *Clitics in the languages of Europe*. Berlin; New York, 1999.
- Chomsky 2005 – *N. Chomsky*. Three factors in language design // *Linguistic inquiry*. 2005. V. 36.
- Cooper 1999 – *K. Cooper*. On the nature and distribution of Zurich German pronominal clitics // H. van Riemsdijk (ed.). *Clitics in the languages of Europe*. Berlin; New York, 1999.
- Cysouw 2005 – *M. Cysouw*. Morphology in the wrong place. A survey of preposed enclitics // W. Dressler (ed.). *Morphology and its demarcations: Selected papers from the 11th Morphology meeting, Vienna, February 2004*. Vienna, 2005.
- Dimitrova-Vulchanova 1999 – *M. Dimitrova-Vulchanova*. Clitics in the Slavic languages // H. van Riemsdijk (ed.). *Clitics in the languages of Europe*. Berlin; New York, 1999.
- Embick, Noyer 1999 – *D. Embick, R. Noyer*. Locality in post-syntactic operations // D. Embick, R. Noyer (eds.). *Papers in morphology and syntax. Cycle II*. Cambridge (Mass.), 1999.
- Everett 1996 – *D.L. Everett*. Why there are no clitics: An alternative perspective on pronominal allomorphy. Dallas, 1996.
- Franks 2008 – *S. Franks*. Clitic placement, prosody and the Bulgarian verbal complex // *Journal of Slavic linguistics*. 2008. V. 16/1.
- Franks, King 2000 – *S. Franks, T.H. King*. *A Handbook of Slavic clitics*. Oxford, 2000.
- Freeze 1989 – *R.A. Freeze*. *Mayo de los capomos, Sinaloa, México*, 1989.
- Galves 2001 – *Ch. Galves*. Agreement, predication, and pronouns in the history of Portuguese. Manuscript. 2001.
- Gălăbov 1950 – *I. Gălăbov*. Zur Frage der bulgarischen Enklitika // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1950. Bd. XX. H. 2.
- Gazdar et al. 1985 – *G. Gazdar, E. Klein, G. Pullum, I. Sag*. *Generalized phrase structure grammar*. Cambridge (Mass.), 1985.
- Garrett 1996 – *A. Garrett*. Wackernagel's law and unaccusativity in Hittite // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Greenberg 1963 – *J.H. Greenberg*. Some universals of grammar with particular reference to the order of the meaningful elements // J.H. Greenberg (ed.). *Universals of language*. Cambridge (Mass.), 1963.
- Guillaume 2008 – *A. Guillaume*. *A grammar of Cavineña*. Berlin; New York, 2008.
- Halpern 1996 – *A. Halpern*. Introduction // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Hana 2008 – *J. Hana*. The position of Czech clitics. Talk at the 3rd Annual meeting of the Slavic linguistic society. Columbus, Ohio, June 10–12, 2008.
- Harris 2002 – *A.C. Harris*. *Endoclititics and the origins of Udi morphosyntax*. Oxford, 2002.
- Haspelmath 2010 – *M. Haspelmath*. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. 2010. 86.
- Herd 2003 – *J. Herd*. Deriving prosodic inversion: Clitics, cyclicity and the organization of post-syntactic interfaces // *Toronto working papers in linguistics*. 2003. 21.
- Hock 1996 – *H.H. Hock*. Who's on first? Toward a prosodic account of P2 clitics // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Jakobson 1971 – *R. Jakobson*. Les enclitiques slaves // R. Jakobson. *Selected writings. II. Word and language*. The Hague; Paris, 1971.
- Jelinek 1996 – *E. Jelinek*. Definiteness and second position clitics in Straits Salish // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Jelinek 2000 – *E. Jelinek*. Predicate raising in Lummi, Straits Salish // A. Carnie, E. Guilfoyle (eds.). *The syntax of verb initial languages*. Oxford, 2000.
- Jones, Church 1985 – *T.E. Jones, A.D. Church*. Personal pronouns in Guelavia Zapotec // *SIL Mexico workpapers*. 1985. V. 7.

- Kaisse 1981 – *E.M. Kaisse*. Luiseño particles and the universal behaviour of clitics // *Linguistic inquiry*. 1981. V. 12.
- Kayne 1991 – *R. Kayne*. Romance clitics, verb movement, and PRO // *Linguistic inquiry*. 1991. V. 22.
- Kayne 1994 – *R. Kayne*. The antisymmetry of syntax. Cambridge (Mass.), 1994.
- Kitano 2006 – *H. Kitano*. Transitivity and pronominal clitic order in Kapampangan. Paper presented at Tenth Conference on Austronesian linguistics, 17–20 January 2006, Puerto Princesa City. <http://www.sil.org/asia/Philippines/ical/papers.html>
- Klavans 1985 – *J.L. Klavans*. The independence of syntax and phonology in cliticization // *Language*. 1985. 61 (1).
- Kosta, Zimmerling 2011 – *P. Kosta, A.V. Zimmerling*. Slavic clitic systems in a typological perspective // L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou, P. Kosta (eds.). *The structure of NP and beyond*. Berlin; London, 2011.
- C. Lee 2006 – *C. Lee*. Clitic pronouns in Masbatenyo. Paper presented at the Tenth Conference on Austronesian linguistics, 17–20 January 2006, Puerto Princesa City. <http://www.sil.org/asia/Philippines/ical/papers.html>. 2006
- F. Lee 2000 – *F. Lee*. VP remnant movement and VSO in Quiavini Zapotec // A. Carnie, E. Guilfoyle (eds.). *The syntax of verb initial languages*. Oxford, 2000.
- Mathieu 2006 – *E. Mathieu*. Stylistic fronting in Old French // *Probus*. 2006. 18.
- McConvell 1996 – *P. McConvell*. The functions of split-Wackernagel clitic systems: Pronominal clitics in the Ngumpin languages (Pama-Nyungan family, Northern Australia) // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Migdalski 2007 – *K. Migdalski*. On the emergence of the second position cliticization in Slavic // *Formal description of Slavic languages 7*. Leipzig, 2007.
- Miller, Sag 1997 – *P.H. Miller, I.A. Sag*. French clitic movement without clitics or movement // *Natural language and linguistic theory*. 1997. V. 15.
- Mišeska Tomić 2004 – *O. Mišeska Tomić*. The South Slavic pronominal clitics // *Journal of Slavic linguistics*. 2004. V. 12/1–2.
- Mushin 2004 – *I. Mushin*. Second-position clitic phenomena in North-Central Australia: Some pragmatic considerations // *Proceedings of the 2004 Conference of the Australian linguistic society*. 2004.
- Mushin, Simpson 2008 – *I. Mushin, J. Simpson*. Free to bound to free? Interactions between pragmatics and syntax in the development of Australian pronominal systems // *Language*. 2008. 84/1.
- Nash 1986 – *D.G. Nash*. Topics in Warlpiri grammar. Cambridge (Mass.), 1986.
- Nishida 1996 – *Ch. Nishida*. Second position clitic pronouns and Categorical grammar // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- O'Connor 2002 – *R. O'Connor*. Clitics and phrasal affixation in Construction Morphology. *Proceedings of the LFG '02 conference*. Athens, 2002.
- Peng, Billings 2006 – *A. Peng, L. Billings*. Binukid pronominal clitics. Paper presented at the Tenth conference on Austronesian linguistics, 17–20 January 2006, Puerto Princesa City. <http://www.sil.org/asia/Philippines/ical/papers.html>. 2006
- Pollard, Sag 1994 – *C. Pollard, I.A. Sag*. *Head-Driven Phrase Structure Grammar*. Chicago, 1994.
- Progovac 1996 – *L. Progovac*. Clitics in Serbian/Croatian: Comp as the second position // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Quali 2010 – *H. Quali*. Verb movement and pronominal clitic distribution in Berber. Manuscript. 2010. http://www.sitemaker.umich.edu/hamid.ouali/files/verb_movement_and_object_pronominal_clitic_distribution.pdf
- Radanović-Kocić 1996 – *V. Radanović-Kocić*. The placement of Serbo-Croatian clitics: A prosodic approach // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Radford 1995 – *A. Radford*. *Transformational grammar. A first course*. Cambridge, 1995.
- Roberts 1997 – *T. Roberts*. The optimal second position in Pashto. Manuscript. 1997. <http://roa.rutgers.edu/files/174-0297/174-0297-ROBERTS-0-0.PDF>
- Rouveret 1999 – *A. Rouveret*. Clitics, subjects and tense in European Portuguese // H. van Riemsdijk (ed.). *Clitics in the languages of Europe*. Berlin; New York, 1999.
- Sadock 1995 – *J.M. Sadock*. A multi-hierarchy view of clitics // *Chicago linguistic society*. 1995. V. 31/2.
- Slavkov 2008 – *N. Slavkov*. Formal consequences of dative clitic doubling in Bulgarian // *Journal of Slavic linguistics*. 2008. V. 16. №. 1.

- Stabler 1997 – *E.P. Stabler*. Derivational minimalism // Ch. Retore (ed.). Logical aspects of computational linguistics. New York; Heidelberg, 1997.
- Tegey 1977 – *H. Tegey*. The grammar of clitics: Evidence from Pashto and other languages. PhD diss. Urbana-Champaign, 1977.
- Tseng 2003 – *J. Tseng*. Phrasal affixes and French morphosyntax // G. Jager, P. Monachesi, G. Penn, S. Wintner (eds.). Proceedings of Formal Grammar. Vienna, 2003.
- Tsunoda 1988 – *T. Tsunoda*. The Djaru language of Kimberly, Western Australia. Canberra, 1988.
- Vogel 2004 – *R. Vogel*. Correspondence in OT syntax and minimal link effects // A. Stepanov, G. Fanselow, R. Vogel (eds.). Minimality Effects in Syntax. Berlin, 2004.
- Wackernagel 1892 – *J. Wackernagel*. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. V. 1.
- Werle 2002 – *A. Werle*. Southern Wakashan clitics order. Talk given at the University of British Columbia linguistics department colloquium. 2002.
- Werle 2007 – *A. Werle*. Second-position clitics and second-position suffixes in Southern Wakashan. SSILA Annual Meeting, 7 January 2007.
- Willet 1991 – *T.L. Willet*. A reference grammar of Southeastern Tepehuan. Arlington, 1991.
- Zimmerling 2006 – *A.V. Zimmerling*. Encoding strategies in word order: the evidence of Slavic languages. Talk at The 1st meeting of the Slavic linguistic society. Bloomington, 8–10 September, 2006.
- Zimmerling 2010 – *A.V. Zimmerling*. Clitic particles and the typology of 2P languages. Manuscript, 2010.
- Zwicky 1977 – *A.M. Zwicky*. On clitics. Bloomington, 1977.

Сведения об авторе:

Антон Владимирович Циммерлинг
 МГГУ им. М.А. Шолохова
 meinmat@yahoo.com

© 2012 г. Е.К. СКРИБНИК, О.А. ЗЕЗИНГ

К ОПИСАНИЮ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И МИРАТИВНОСТИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ корпуса текстов современного калмыцкого языка (западная ветвь монгольских языков) позволил выявить дифференцированную систему эвиденциальных показателей, в первую очередь аналитических глагольных конструкций с причастиями и вспомогательными глаголами *баа*- 'быть' и *бол*- 'стать'. Различаются прямая и косвенная засвидетельствованность, последняя включает конструкции как общей, так и специализированной семантики (инферентивы, презумптивы и проспективы). Значительная их часть имеет также миративное прочтение.

Цель нашего исследования – выявление инвентаря грамматических средств калмыцкого (западного монгольского) языка, используемых для указания на источник или способ получения информации (эвиденциальность) и для выражения неожиданности сообщаемой информации для говорящего (миративность)¹. Сюда относятся несколько синтетических глагольных форм и значительное количество аналитических глагольных конструкций, причем последние в литературе по монголоведению изучены явно недостаточно.

Материал исследования составляют около 3000 примеров из произведений калмыцкой художественной литературы, фольклорных текстов и современных публикаций. Первым шагом анализа была сплошная выборка первых двух тысяч употреблений всех возможных финитных форм; такая выборка позволила нам зафиксировать относительную частотность эвиденциальных и/или миративных высказываний (см. Приложение). В нижеприведенных таблицах число примеров указывается по этой сплошной выборке; таким образом, наличие десяти примеров означает, что частотность формы составляет около 0,5% всех финитных глагольных сказуемых. Анализ первых двух тысяч примеров позволил выявить частотные и редкие формы с эвиденциальными и/или миративными значениями; как и ожидалось, среди них оказалось большое количество аналитических. Третья тысяча примеров собиралась целенаправленно по более редким формам.

В последующем изложении мы обсудим категориальный статус эвиденциальности и миративности в типологических и монголоведческих исследованиях (раздел 1), затем проведем анализ синтетических финитных форм глагольных сказуемых (раздел 2) и аналитических глагольных конструкций (раздел 3). В Заключение будет представлен список выявленных эвиденциальных и миративных показателей калмыцкого языка.

1. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И МИРАТИВНОСТЬ: ДВЕ КАТЕГОРИИ ИЛИ ОДНА?

1.1. Эвиденциальность и миративность в типологических исследованиях

Многочисленные типологические исследования данных категорий в различных языках мира (см. [Chafe, Nichols (eds.) 1986; Willett 1988; Guentchéva (ed.) 1996; DeLancey

¹ Мы выражаем благодарность фонду Фрица Тюссена (Fritz-Thyssen-Stiftung) за финансовую поддержку проекта «Эвиденциальность и миративность в калмыцком языке» (Az 40.10.0.023, 06.2010–09.2011).

1997; Lazard 1999; Johanson, Utas 2000; Plungian 2001; Aikhenvald 2004] и др.) отличаются значительными расхождениями как во мнениях, так и в терминологии².

В сборнике [Chafe, Nichols (eds.) 1986], открывшем обсуждение категории эвиденциальности в современной лингвистике, неоднократно отмечается, что эвиденциальные формы, в особенности «inferential-evidential», сообщение на основе логического умозаключения, могут выражать неожиданность, удивительность для говорящего описываемых им событий [Ibid.: 253].

Позднее миративность была выделена из категории эвиденциальности как отдельная семантическая или грамматическая категория, базирующаяся на противопоставлении информации, уже являющейся частью картины мира говорящего, и информации новой, еще не включенной в картину мира, независимо от ее источника:

The operational definition of the category is that it marks both statements based on inference and statements based on direct experience for which the speaker had no psychological preparation, and in some languages hearsay data as well. What these apparently disparate data sources have in common <...> is that the proposition is one which is new to the speaker, not yet integrated into his overall picture of the world³ [DeLancey 1997: 35–36].

И. Мельчук [Мельчук 1998: 197–198] включает адмиратив в число значений не эвиденциальности, а другой категории – реактивности. Н. Эванс [Evans 2010] рассматривает (не)ожиданность («grammar of expectation»), равно как и другие типы когнитивной модальности (интерес, знания/оценка и др.), в рамках категории «engagement»: «the mental directedness of speech act participants towards the denoted state of affairs».

Во французской традиции (работы Ж. Лазара, З. Генчевой) миративность и эвиденциальность объединяются в рамках более общей категории медиативности; ср. формулировку из [Lazard 1999: 91]:

In languages of South-Eastern Europe and Western Asia evidentials are mainly used to indicate hearsay, inference and unexpected observation. It's claimed that all three values may be subsumed under a more abstract category of "mediative". A survey of different types of grammaticalization of evidentiality and related notions shows that mirativity as such is only rarely and dubiously grammaticalized⁴.

Однако в монгольских языках, как показала Е.К. Скрибник [Skribnik 2009], значение миративности является одной из системообразующих оппозиций в сфере инфинитных глагольных форм / сказуемых, причем независимо от эвиденциальности; так, в сфере темпоральных конструкций регулярны противопоставления типа 'прежде чем А, Б, и это неожиданно' и 'прежде чем А, Б, и это нормально'. В калмыцком языке имеется специальная миративная частица (см. ниже раздел 2). Все это заставляет еще раз задуматься о соотношении этих двух категорий. Кроме того, как показала работа с языками

² Подробнее об истории изучения эвиденциальности см. [Aikhenvald 2004; Плунгян 2011: 457–463].

³ «Операциональное определение данной категории заключается в маркировании как утверждений на основе инференции, так и утверждений на основе непосредственного восприятия, к которым говорящий психологически не был подготовлен, а в некоторых языках сюда относятся и информация, полученная от третьих лиц. Объединяет эти очевидно различные источники информации <...> то, что пропозиция является новой, еще не включенной в картину мира говорящего» (здесь и далее перевод наш. – Е. С., О. З.).

⁴ «В языках юго-восточной Европы и западной Азии эвиденциальные формы используются в основном, чтобы маркировать пересказ услышанного, инференцию и неожиданное наблюдение. Можно утверждать, что все три значения можно обобщить в рамках более абстрактной категории "медиативности". Обзор разных типов грамматикализации эвиденциальности и близких понятий показывает, что грамматикализация собственно миративности – явление редкое и сомнительное».

Сибири, в конкретных языках такое соотношение проявляется по-разному и должно описываться для каждого языка отдельно [Скрибник, Озонова 2007: 520–521].

1.2. Эвиденциальность и миративность в монгольских языках

Специальных работ, посвященных эвиденциальности и миративности в монгольских языках, к сожалению, пока нет⁵, хотя имеются отдельные упоминания о наличии этих категорий: так, в обзоре синтаксиса бурятского языка указывается, что «Many of the analytic forms with *bai-* ‘to be’ involve the connotation of inferentiality and/or mirativity» [Skribnik 2003: 118]; калмыцкий результатив на *-ж/-ч* характеризуется тем, что «the resultative has a dimension of evidentiality and is particularly common in fairytales» [Bläsing 2003: 244]; ср. также [Slater 2003] для монгорского, [Hugjiltu 2003] для баоаньского («category of perspective»), [Birtalan 2003] для ойратского, а также [Svantesson 2003] и [Bittigau 2003] для халха-монгольского. Миративная (традиционно – «модальная») частица *-ж* в калмыцком отмечена в грамматиках Г.Д. Санжеева [Санжеев (ред.) 1983], Г.Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2010] и в [Гото 2009]. Отметим, однако, что многие исследователи достаточно точно описывали отдельные значения этих категорий, не используя данной терминологии; см. [Бобровников 1849; Санжеев 1963; Цыдыпов 1972; Street 2009] и др.⁶

Эвиденциальность в калмыцком специально рассматривается в единственной статье, посвященной калмыцким финитным глагольным формам прошедшего времени [Гото 2009: 124–159]. Четыре формы прошедшего времени (*-в*, *-ла* и *-ж*, а также причастие прошедшего времени на *-си* в финитном употреблении) ранее представлялись как различающиеся модальными или аспектуальными признаками [Дораева 1979: 141–142]; Гото предлагает иное решение. Она выделяет в рамках системы прошедшего времени две подсистемы на основании выражения / невыражения эвиденциальных значений. Как эвиденциальная охарактеризована только форма на *-ж*, совмещающая значение прошедшего времени и косвенной засвидетельствованности (говорящий не был свидетелем описываемой ситуации, а слышал о ней от третьих лиц или предположил, что она имела место, по имеющемуся результату или на основании логического вывода; ср. [Bläsing 2003: 244]); ей противопоставлены остальные формы прошедшего времени как немаркированные по признаку эвиденциальности [Гото 2009: 126–127]. Тем самым в классификации [Aikhenvald 2004] калмыцкий должен относиться «к типу языков, в которых эвиденциальная система представлена оппозицией из двух членов: маркированной формы косвенной засвидетельствованности и “всего остального”» [Гото 2009: 129].

Интересно замечание Гото о том, что форма на *-ж* во многих контекстах вместе со значением косвенной засвидетельствованности может передавать и миративное значение [Там же: 132–133]:

- (1) *Nina aavə av-čk-čə*
Нина чашка брать-COMPL-INDIR.EVD

‘Ой, а Нина уже взяла чашку’ (я хотела налить чай, а она уже взяла чашку), транслитерация, глоссирование и перевод [Там же: 133].

⁵ При сдаче рукописи в печать нам стало известно о запланированном на декабрь 2011 г. выходе книги R.I. Binnick «The past tenses of the Mongolian verb» (Leiden: Brill), в которой автор анализирует формы прошедшего времени халха-монгольского языка и разграничивает их на основе эвиденциальности и инференциальности. По понятным причинам учесть результаты Бинника мы не могли, но будет интересно позже сравнить данные наших языков.

⁶ Так, в исследованиях халха-монгольского и бурятского языков описываются формы, в структурном и семантическом плане аналогичные калмыцким эвиденциальным и миративным формам. В дальнейшем обсуждении мы будем по возможности приводить данные этих двух монгольских языков.

Результаты нашего исследования показывают, во-первых, что категория эвиденциальности в калмыцком не ограничивается оппозицией «косвенная эвиденциальность» vs. прочие немаркированные формы, а представляет собой сложную систему простых и аналитических глагольных форм с весьма дифференцированными значениями. Во-вторых, как это было отмечено и Гото в отношении формы на -ж, эвиденциальные формы часто передают параллельно и миративные значения, при том что для маркирования миративности имеется отдельная частица. К вопросу о соотношении эвиденциальности и миративности в калмыцком мы вернемся после представления всей системы глагольных форм.

2. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И МИРАТИВНОСТЬ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

В калмыцком имеется семь синтетических форм, выступающих как финитные сказуемые⁷; они выражают настоящее (-на), прошедшее (-в, -ла, -ж и -сн) и будущее время (х), а также регулярное или повторяющееся действие (-дг). В таблице 1 представлены результаты статистического анализа примеров, причем под синтетическими глагольными формами мы понимаем исключительно одиночные глаголы, все формы аналитических конструкций с деепричастиями, которые в калмыцком очень широко употребляются, были исключены из нашего анализа как нейтральные в плане эвиденциальности / миративности (см. Приложение).

Таблица 1

Синтетические глагольные формы

Форма	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
-на	110	5,5
-в	534	26,7
-ж	97	4,8
-ла	185	9,2
-с(м)н	96	4,8
-х	240	12
-дг	84	4,2

В зоне прошедшего времени мы видим в отличие от Гото не противопоставление единственной формы на -ж остальным незвиденциальным, а более сложную систему оппозиций: нейтральная форма на -в противопоставлена, с одной стороны, форме на -сн, выражающей достоверность и особую информационную значимость сообщаемого, с другой стороны – эвиденциальной паре -ла и -ж с оппозицией «прямая vs. косвенная засвидетельствованность». Форма на -ла, которая часто квалифицировалась как преждепрошедшее время [Харчевникова 1996], *pluperfect* [Bläsing 2003], по нашим данным, обозначает, что говорящий был непосредственным наблюдателем описываемой ситуации; ср. у Санжеева: «-ла (-лэ) обозначает прежде известное, совершившееся до момента речи действие. Говорящий в этом случае выступает либо как участник, либо

⁷ Причастие настоящего времени на -А, которое также может (очень редко) выступать как финитное сказуемое, обозначающее «длительное действие объективной данности» в настоящем расширенном [Санжеев 1983: 212], ср. также «форму континуатива» [Сай 2009: 675–676], в нашей сплошной выборке не была встречена ни разу, по этой причине мы не включили ее в анализ.

как свидетель действия, совершившегося в прошлом» [Санжеев (ред.) 1983: 218]⁸. С отрицанием эта форма не встречена ни разу (об ограничениях в сочетаемости эвиденциальности с отрицанием см. [Aikhenvald 2004: 256–257]). Употреблением этих форм четко различаются типы нарративов – рассказы о пережитом лично и пересказы услышанного:

(2)	<i>Цендэ,</i>	<i>институт</i>	<i>төгсэһ-эд,</i>	<i>нидн</i>	<i>намр-ас</i>	<i>нааран</i>	
	Ц.	институт	окончить-CV.DISJ		прошлый	осень-AVL	сюда
	<i>эн</i>	<i>совхоз-д</i>	<i>көдл-жэ-лэ.</i>				
	ЭТОТ	СОВХОЗ-DAT	РАБОТАТЬ-PROG-DIR.EVD				
	[...] <i>серглң</i>		<i>дүр-тэ</i>	<i>күүкн</i>	<i>билэ.</i>		
	жизнерадостный		ВИД-COM	девушка	БЫТЬ:DIR.EVD		
	<i>Хавр-ин</i>	<i>эклц-эр,</i>	<i>нег</i>	<i>өдр [...]</i>	<i>күүкн</i>	<i>көвүн</i>	<i>хойр</i>
	весна-GEN	начало-INS	один	день	девочка	мальчик	два
	[...] <i>киитн</i>	<i>усн-д</i>	<i>булх-лд-ад,</i>		<i>зовэр</i>		
	ХОЛОДНЫЙ	ВОДА-DAT	ОКУНУТЬСЯ-RECP-CV.DISJ		ОЧЕНЬ		
	<i>түр-жэ-тл-нь,</i>		<i>Цендэ [...]</i>	<i>бичк-дүд-иг</i>	<i>менд</i>		
	страдать-PROG-CV.TERM-POSS.3		Ц.	МАЛЫШ-PL-ACC	ЗДОРОВЫЙ		
	<i>һарһ-жэ</i>	<i>ав-ч.</i>					
	ВЫТАЩИТЬ-CV.COP	AUX-INDIR.EVD					
	<i>Бичк-дүд-нь</i>	<i>маңһдуртнь</i>	<i>саак кевтэн</i>	<i>наад-лд-ад</i>			
	МАЛЫШ-PL-POSS.3	НАЗАВТРА	ПО-ПРЕЖНЕМУ	ИГРАТЬ-RECP-CV.DISJ			
	<i>бээ-цхэ-жэ.</i>						
	БЫТЬ:PLR-INDIR.EVD						
	<i>Болв</i>	<i>Цендэ</i>	<i>күндэр</i>	<i>гемт-эд,</i>	<i>өңгр-жэ</i>	<i>од-си</i>	<i>мөн.</i>
	а	Ц.	СИЛЬНО	ЗАБОЛЕТЬ-CV.DISJ	УМИРАТЬ-CV.COP	AUX-PC.PRF	P.AFF

‘Цендя, окончив институт, с прошлой осени работала в этом совхозе. [...] она была жизнерадостной девушкой. Однажды, в начале весны, двое детей, мальчик и девочка провалились в ледяную воду, и когда они пытались выбраться, Цендя (бросилась в прорубь и) вытащила детей. Уже на следующий день дети по-прежнему играли. А Цендя, сильно заболев, вскоре умерла’ [ИЛ-19].

В приведенном рассказе форма на *-лэ* в первых двух предложениях (*көдл-жэ-лэ*, *билэ*) сигнализирует, что рассказчик сообщает непосредственно засвидетельствованные факты. Спасение тонущих детей рассказчик не наблюдал, но слышал об этом от других лиц, о чем свидетельствует маркер косвенной эвиденциальности *-жэ* (*ав-ч*, *бээ-цхэ-жэ*). Завершает повествование форма на *-си* в сочетании с подтверждающей частицей *мөн*, маркирующая особую достоверность и информационную значимость сообщаемого, а также эмоциональную вовлеченность говорящего: это информационный фокус всего отрезка нарратива (ср. «engagement» у Н. Эванса). Как мы увидим ниже, эта ее характеристика практически всегда сохраняется и в составе аналитических эвиденциальных форм.

Нейтральная форма прошедшего времени на *-в* маркирует только «динамичное продвижение повествования во времени» [Дораяева 1979: 151].

Три остальные синтетические формы (настоящего и будущего времени, регулярности действия) также являются нейтральными в отношении эвиденциальности/миративности.

⁸ Аналогичная форма на *-лээ* (*-lee*) в халха-монгольском характеризуется как форма, передающая события, непосредственно пережитые самим говорящим: «the so-called present tense of perfect, which expresses an action which has taken place, and which has either been witnessed or is commonly known, and is therefore regarded as an indisputable fact» [Poppe 1970: 130]; «direct past <...> This form indicates that the speaker has witnessed the situation himself» [Svantesson 2003: 167].

Специально миративность выражается частицей *-ж*⁹, омонимичной показателю косвенной засвидетельствованности *-ж*, однако с другой дистрибуцией: она может присоединяться к именным формам и причастиям в функции финитных сказуемых (в нашем корпусе встречены только причастия на *-х* и на *-дг*), что явно свидетельствует о ее происхождении от связки. Примеры:

- (3) *Аав* *ээж* *хойр* *гер-т-эн* *уга-ж*.
отец мать два дом-DAT-REFL NEG-ADM

‘Отца и матери, оказывается, дома нет’ [Санжеев (ред.) 1983: 290], глоссирование наше.

- (4) *Чон* *суңһ-гд-ж*. [...] *Чон* *ааш-дг-ж*. [...]
Ч. выбирать-PASS-INDIR.EVD Ч. приближаться-PC.NAV-ADM
Чон *кел-х-м-ж*.
Ч. говорить-PC.FUT-AFF-ADM

(Люди в зале перешептываются:) ‘Говорят, Чона избрали [...]. Чон пошел (к трибуне). [...]. Чон будет говорить’ [ДБ-171].

В примере (4) форма на *-ж* (*суңһгд-ж*) передает косвенную засвидетельствованность с миративным расширением, частица *-ж* при хабитуальном причастии (*ааш-дг-ж*) и причастии будущего времени (*кел-х-м-ж*) – развитие событий, неожиданное для присутствующих.

Таким образом, у синтетических форм эвиденциальность сосредоточена исключительно в зоне прошедшего времени, а миративность может выступать как дополнительный семантический компонент при основном значении косвенной засвидетельствованности. Отдельно миративное значение может выражаться при помощи специальной миративной частицы в составе именных и причастных сказуемых.

3. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ / МИРАТИВНЫЕ ФОРМЫ

В калмыцком, как и в остальных монгольских языках, богато представлены аналитические глагольные конструкции с различными вспомогательными глаголами. По форме полнозначного глагола различаются два структурных типа, с деепричастиями и причастиями [Цыдыпов 1972]. В деепричастных конструкциях представлены только три из десяти калмыцких деепричастий (*CV.COP* на *-ч/ -ж*, *CV.DISJ* на *-Ад* и *CV.MOD* на *-н*) в сочетании с разнообразными вспомогательными глаголами; они специализируются на значениях модального и аспектуального характера (см. Приложение). В отличие от деепричастных, в конструкциях с причастным полнозначным компонентом могут быть задействованы все семь причастных форм и только два вспомогательных глагола *бол-* ‘становиться’ и *бээ-* ‘быть’; традиционно такие конструкции описывались как временные и модальные. Анализ нашего материала показал, что именно причастные конструкции – это формы, передающие различные эвиденциальные и/или миративные значения.

В последующих четырех параграфах мы рассмотрим восемь причастных конструкций – сочетания *PC.PRF* на *-сн*, *PC.FUT* на *-х*, *PC.NAV* на *-дг* и *PC.PRS* на *-А* с глаголами *бол-* ‘становиться’ и *бээ-* ‘быть’¹⁰. При этом мы обсудим ряд возникших вопросов: так, комбинации вспомогательных глаголов с причастиями должны завершаться финитной временной формой (одной из семи, названных выше) и показателями лица / числа. Лично-числовые показатели, без сомнения, представляют собой парадигму соответствующей аналитической конструкции (хотя тут нужно иметь в виду, что в корпусе доминируют безусловно

⁹ Санжеев определяет данную частицу как модальную, которая «восходит к старокалмыцкой книжной форме *аж* (< *ажуһу*), выступавшей в качестве глагола-связки при именах и причастиях. Эта частица придает сообщению модальное значение неожиданности с оттенком некоторого удивления» [Санжеев (ред.) 1983: 290].

¹⁰ Предварительная публикация материала с причастием на *-сн* была осуществлена на немецком языке в [Skribnik, Seesing 2012].

формы 3 л., об ограниченности контекстов употребления 1 и 2 л., особенно в миративе, см. [Guentchéva et al. 1994; Майсак; Татевосов 2000; Curnow 2000] и др). Однако какова роль финитных временных показателей в составе аналитической конструкции? Образуют ли они парадигму, подобно категории лица/числа, или здесь несколько иные отношения? Уже предварительный анализ показал, что причастные конструкции с разными временными формами существенно отличаются друг от друга по значению, причем идиоматическим образом, и из ожидаемого набора (семь временных форм) используются далеко не все. Можно ли их считать элементами «стандартной» временной парадигмы, или идиоматизация/грамматикализация уже зашла слишком далеко? Как оценить тот факт, что использование отрицательных показателей возможно не со всеми формами? Иначе говоря, сколько аналитических глагольных конструкций здесь представлено: восемь, каждая со своей временной парадигмой, или целый ряд отдельных самостоятельных конструкций? В ходе анализа мы постараемся ответить на эти вопросы.

3.1. Микросистема конструкции «PC.PRF на -си+ бээ- ‘быть’»

Таблица 2

Микросистема конструкции -си бээ-

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
-си бээ-нэ	7	0,35
-си бээ-с(м)н	5	0,25
-си бээ-ж/санж	7 / 7	0,7
-си билэ /-си уга билэ	- / 6	- / 0,3
-си бээ-в	-	-
-си бээ-х	-	-
-си бээ-дг	-	-

Как мы видим, из семи ожидаемых форм (четырнадцати с учетом отрицания) реально в текстах зафиксировано только четыре; отсутствующие формы мы проверяли с информантами и получили подтверждение их неграмматичности (формы с отрицанием требуют еще дополнительной проверки). Рассмотрим реально существующие конструкции с точки зрения их семантики.

а. PC.PRF на -си + бээ-нэ. Данная форма используется для передачи неожиданной для говорящего информации, которую он выводит на основе каких-либо прямых или косвенных признаков, – как правило, это видимые результаты некоторого события (действия или процесса), завершившегося в прошлом:

- (5) Ода халэ-л-т эрднь-иш-ин тэрэн эңдэн
теперь смотреть-EMPH-IMP.2PL кукуруза-GEN всходы везде
нар-чк-си бээ-нэ.
всходить-COMPL-PC.PRF быть-PRS

‘А теперь, посмотрите-ка, ростки кукурузы повсюду взошли’ [НМ-22] (несмотря на запоздалый посев с большими проблемами).

- (6) Эдн-э хажуд ода чолун гер-мүд нем-гд-ж
они-GEN между сейчас каменный дом-PL добавлять-PASS-CV.COP
тосх-гд-си бээ-нэ.
строить-PASS-PC.PRF быть-PRS

‘Рядом с ними (старыми мазанками) теперь построены каменные дома’ [БН-72].

В приведенных примерах данная форма обозначает, что говорящий не наблюдал непосредственно описываемое событие (появление всходов и строительство), а реконструирует его по его видимым следам (здесь: ростки кукурузы и новые каменные дома).

На базе текстовых примеров значение данной формы можно интерпретировать как 1) результатив («форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие» [Недялков, Яхонтов 1983: 7]), как 2) перфект («...в отличие от результатива, перфект обозначает не актуальное состояние, а некоторую предшествующую ситуацию, такую, последствия которой существуют в момент наблюдения» [Плунгян 2000: 299]) либо как 3) инферентив с миративным расширением; однако во всех этих примерах были представлены глаголы, семантика которых может быть охарактеризована как предельная; ср. [Бондарко 1976: 200–203]. Экспериментальная работа с информантами показала, что в этой форме могут выступать и неопредельные глаголы, причем с совершенно другим значением:

- (7) *Ээж-м* *дуул-си* *бэд-нэ.*
 мать-POSS.1SG петь-PC.PRF быть-PRS

‘Моя мама (удивительным образом) все еще поет (начав петь с утра)’.

Как видно из (7), эта форма с неопредельными глаголами описывает событие, начавшееся в некоторый момент в прошлом и, к удивлению говорящего, все еще продолжающееся в момент речи (континуатив), причем на базе непосредственного восприятия. В случае предельных глаголов описываемое событие завершено к моменту речи (перфект / результатив). Сходная семантическая структура / семантическое развитие были описаны, например, для форм перфекта в романских языках; см. [Harris 1982: 62–63]. По аналогии мы определяем калмыцкую форму как «перфект с миративным расширением».

Подобную конструкцию халха-монгольского Санжеев [Санжеев 1963: 216] определяет как сложную временную форму «прошедшее в настоящем» и описывает при этом ее дополнительное миративное значение («оказывается»), не используя термина «миративность». Свантессон [Svantesson 2003: 168] называет ее «перфект» и сравнивает с формой на *-жээ*, которую он считает результативом: «Like the indirect past (expressed by the resultative) the perfective aspect often emphasizes that the speaker has inferred the action from its results». Например, говорящий видит, что земля влажная, и утверждает:

- (8) *Бороо* *ор-сон* *бай-на.*
 Дождь приходит-PC.PRF быть-PRS

‘Дождь прошел’ [Svantesson 2003: 168], транслитерация, глоссирование и перевод наши.

Ц.Ц. Цыдыпов характеризует значение аналогичной формы в бурятском как «констатацию действия», о котором говорящий узнал опосредованно:

- (9) *Баатар* *Москва* *ошо-һон* *бай-на,* *хүбүүн-тэй-нь* *хөөрэлдэ-бэ-б.*
 Б. М. ехать-PC.PRF быть-PRS сын-СОМ-POSS.3 говорить-РСТ-1SG

‘Батор в Москву уехавши есть, с его сыном поговорил’ [Цыдыпов 1972: 161], глоссирование наше.

«Из смысла слова *байна* мы заключаем, вернее, догадываемся (хотя это и не выражено словами), что говорящий был дома у Батора или на работе и узнал (установил, констатировал), что он уехал. Следовательно, слово *байна* “есть” констатирует факт совершения действия» [Там же 1972: 161].

Без контекста судить сложно, но нельзя исключить, что констатируемый факт стал для говорящего неожиданностью.

б. PC.PRF на *-си* + *бэд-с(м)и*. Данная форма параллельна синтетической форме на *с(м)и* и маркирует высказывание, несущее в дискурсе особую информативную нагрузку, часто с эмоциональной вовлеченностью говорящего («engagement»). Она используется преимущественно в повествовательных текстах и по значению соответствует плюсквамперфекту, т. е. описывает событие, которое предшествовало некоторому моменту

в прошлом, о котором сейчас идет речь. (Ср. определение плюсквамперфекта [Плунгян 2004: 285] как формы, которая «используется не столько для того, чтобы указать на факт предшествования ситуации другой прошлой ситуации, сколько для того, чтобы подчеркнуть принадлежность этой ситуации другому временному плану, отделенному от плана текущего повествования. <...> маркирует дискурсивно выделенные глагольные формы, выпадающие из основной линии повествования»¹¹.) Например, предложением (10) говорящий нарушает описание развития событий (расследуется пропажа быка) и отсылает слушающего в предшествующий временной план, одновременно фокусируя внимание на данном факте:

(10) <i>Утнаси</i>	<i>урдк</i>	<i>жил-д-нь</i>	<i>нег</i>	<i>бүрүһ-и-нь</i>
У.	прошлый	год-DAT-POSS.3	один	бык-ACC-POSS.3
<i>ал-ад</i>	<i>ид-чк-си</i>	<i>бээ-с-ми.</i>		
убить-CV.DISJ	есть-COMPL-PC.PRF	быть-PC.PRF-AFF		

‘Утнаси (ведь уже) в прошлом году зарезал и съел одного его быка’ [ДБ-11].

Данная форма часто сопровождается темпоральными наречиями типа *урд(нь)* ‘раньше, прежде’, *урдк жилд* ‘в прошлом году’, маркирующими отступление от основной линии повествования; в русском переводе необходимы частицы *ведь/уже*:

(11) <i>Жалаһа-д</i>	<i>эн</i>	<i>урднь</i>	<i>хойр-</i>	<i>хурв</i>	<i>дэкж</i>	<i>ир-эд</i>
Ж.-DAT	он	раньше	два	три	раз	приходить-CV.DISJ
<i>һар-си</i>	<i>бээ-с-ми.</i>					
уходить-PC.PRF	быть-PC.PRF-AFF					

‘Он (ведь уже) раньше два-три раза приходил к Жалаге’ [ДБ-18].

Итак, данная форма не несет эвиденциального значения, говорящий подчеркивает важность и достоверность сообщаемой информации, которая необходима слушающему для понимания актуальной ситуации.

Структурно сходную форму в халха-монгольском Рамстедт [Ramstedt 1902: 34] определяет как плюсквамперфект:

In der endung *-sɔnsɔ*, *-sənsə* wird man leicht das suffix des nomen perfecti *-sɔ*, und ein zweites ähnliches element *-sɔ*, erkennen. <...> Die bildung auf *-sɔnsɔ* giebt ein ereignis als schon vor dem auftrreten des angeredeten oder vor dem eintritt eines damit in verbindung stehenden ereignisses geschehen an¹².

Такое же определение дает [Санжеев 1963: 81], называя эту форму аналитическим сложным временем «прошедшее в прошедшем, т. е. плюсквамперфектум», например *явсан сан* ‘ушел до того, как в прошлом же совершилось другое действие’.

в. PC.PRF на -си + бээ-ж/санж. Если компонент *бээ-ж* представляет собой форму на *-ж* от бытийного вспомогательного глагола, то *санж* в калмыцкой грамматике определяется как составная частица с вариантом *сэнж*, которая отличается литературно-книжным характером и «сопровождает именное и глагольное сказуемое, привнося в них значение определенной достоверности с оттенком неожиданности» [Санжеев (ред.) 1983: 290]. Аналогичную форму халха-монгольского *санжээ* (< **аһсан аджуһу*) Санжеев [Санжеев 1963] характеризует с этимологической точки зрения как грамматикализованную комбинацию причастия прошедшего времени от вспомогательного глагола **а-* ‘быть’ и формы имперфектного претерита этого же глагола, а с функциональной точки зрения – как нынешнюю форму имперфектного претерита; значение ее описано

¹¹ [Плунгян 2004: 285] отсылает к характеристике значения плюсквамперфекта как «out-of-sequence» [Givón 1982].

¹² «В окончании *-sɔnsɔ*, *-sənsə* легко распознать сочетание суффикса «nomen perfecti» *-sɔ* и второго схожего элемента *-sɔ*. Сочетание *-sɔnsɔ* представляет событие как завершившееся до наступления описанного прежде события или до наступления связанного с ним события».

как передача неизвестной информации, неожиданной «для говорящего, слушающего, обоих собеседников и для всех действующих лиц, о которых идет речь в повествовании»: «что-то было неизвестно и оказалось неожиданным, когда об этом узнали» [Там же: 190–191].

К.В. Гото [Гото 2009: 143–144] считает, что эта форма имеет значение косвенной засвидетельствованности, совмещенное с результативным значением. Наш материал показывает, что это форма общей косвенной засвидетельствованности (индиректив), употребляющейся чаще всего в случае логического умозаключения, но также и в случае пересказа, с миративным компонентом (ср. «действие, которое совершилось в прошлом с оттенком определенной неожиданности для субъекта» [Пюрбеев 2010: 97]). Что касается результативности, то мы видим здесь, как и в случае с конструкцией *-сн бээнэ*, скорее, перфектное значение; ср. пример с неопределённым глаголом с континуативным прочтением:

- (12) *Көвү-нь сөө-д халу дүр-эд ууль-сн бээ-жс.*
сын- POSS.3 ночь-DAT жар вкладывать-CV.DISJ плакать-PC.PRF быть-INDIR.EVD

‘Ее сын (оказывается / должно быть) ночью плакал из-за температуры’.

Семантических различий между формами с *бээ-жс* и с *санжс* обнаружить не удалось, но наши информанты определили форму с *санжс* как устаревшую. На этом основании мы считаем, что данные формы являются синонимическими. Примеры:

- (13) [...] *пошт-ын зерглэн эндр көдлмш-эн эрт*
почта-GEN отделение сегодня работа-REFL рано
төгсэ-сн бээ-жс.
завершить-PC.PRF быть-INDIR.EVD

‘[...] (оказывается,) отделение почты сегодня рано завершило свою работу’ [БН-62] (говорящий стоит перед закрытой дверью и вспоминает, что сегодня предпраздничный день).

- (14) *Тедн-эс ял-ы-нь нек-жс ав-тн –*
они-ABL штраф-ACC-POSS.3 требовать-CV.COP брать-IMP.2PL
хуц-ин эзн-д шимлд-эд кел-чк-сн санжс.
баран-GEN хозяин-DAT шептать-CV.DISJ сказать-PC.PRF PRT.INDIR.EVD

‘(По-видимому,) (он) нашептал хозяину барана, чтобы тот потребовал с них (с пастухов) штраф (букв.: Потребуйте у них штраф, – (по-видимому) нашептывая сказал (он) хозяину барана)’ [ДБ-55] (говорящий делает вывод из показаний обвинителя).

Редкий пример с 1 лицом: в (15) летчику после боя сообщают, что он сбил очень важный самолет:

- (15) *Юн ги-дг самолёт цок-сн бээ-жс-в би?*
что сказать-PC.NAV самолет сбить-PC.PRF быть-INDIR.EVD-1SG я

‘Что же это за самолет такой я сбил?’ [ББ-90].

Эту особенность данной формы в монгольских языках упоминает и [Санжеев 1963: 191]: «Так как предполагается, что говорящему самому о себе всегда что-либо известно, то отсюда вытекает необычность употребления или даже неупотребительность имперфектного претерита при 1-м лице».

От простой формы косвенной засвидетельствованности на *-жс* данная конструкция отличается продолжительностью временного интервала между реконструированными либо известными от третьих лиц событиями и моментом речи о них («давнопрошедшее»), сравним:

- (16) *Кесгэс нааран гер-т-эн ир-эд уга Долда*
давно сюда дом-DAT-REFL приходить-CV.DISJ NEG Д.
хэр-жс ир-в. [...]
вернуться-CV.COP приходить-PST

<i>Долда-н</i>	<i>эцк</i> [...]	<i>гер-т-эн</i>	<i>ир-чк-сн</i>	<i>бээ-жс</i> [...]
Д.-GEN	отец	ДОМ-DAT-REFL	приходить-COMPL-PC.PRF	БЫТЬ-INDIR.EVD
<i>Шарда</i>	<i>чигн</i>	<i>сэн өдр-мүд-т</i>	<i>нар-ад,</i>	<i>гер-т-эн</i>
Ш.	даже	праздник-PL-DAT	ВЫХОДИТЬ-CV.DISJ	ДОМ-DAT-REFL
<i>ир-чк-жс.</i>				
приходить-COMPL-INDIR.EVD				

‘Вернулась Долда, которая уже давно не приезжала домой. [...] (Оказалось, что) Отец Долды (уже) приехал домой. [...] Даже Шарда, выехав на праздники, приехала домой’ [ИЛ-24].

Здесь нарратив оформлен преимущественно простыми формами прошедшего времени на *-в* (динамическое развитие событий), однако налицо два отступления: базирующиеся на инференции либо пересказе сообщения о неожиданном возвращении отца и сестры, причем первое локализовано в прошлом раньше (*-сн бээ-жс*), чем второе (*-жс*).

Таким образом, эту конструкцию можно назвать формой плюсквамперфектного индикатива с митаривным расширением.

Аналогичную конструкцию халха-монгольского, состоящую из причастия на *-сан* и вспомогательного глагола *бай-* с суффиксом претерита *-жээ*, К.Р. Биттигау [Bittigau 2003: 105] определяет как плюсквамперфект:

(17) <i>Тэр</i>	<i>сүмд</i>	<i>буусан</i>	<i>төвд,</i>	<i>Насанбатыг</i>				
тэр	сүм	-д	буу	-сан	төвд	Насанбат	-ыг	
гем	храм	DL	сойти	-NPF	тибетец	Насанбат	-акк	
<i>хэдийн</i>	<i>хүлээж</i>		<i>төвд</i>	<i>ёсын</i>		<i>нарийн</i>	<i>ширээ</i>	
хэдийн	хүлээ	-ж	төвд	ёс	-ын	нарийн	ширээ	
уже	ждать-	ССО	тибетский	вид-	GEN	изысканный	стол	
<i>заасан</i>	<i>байжээ.</i>							
<i>заа</i>	<i>-сан</i>	<i>бай</i>	<i>-жээ</i>					
накрывать	-NPF	кор	-НАЗ					

‘Тибетец, который остановился в этом храме, уже ждал Насанбата и накрыл изысканный стол по тибетскому образцу’ [Bittigau 2003: 106], глоссирование Биттигау, перевод наш.

Без контекста судить трудно, но можно предположить, что и в халха-монгольском примере речь идет о ситуации, которую автор представляет как неожиданную для Насанбата.

г. РС.PRF на *-с(м)н + уга + билэ*. В состав этой формы входит показатель *-ла*, маркирующий прямую засвидетельствованность; но он не употребляется с отрицанием. Данная же аналитическая конструкция в нашем корпусе не была обнаружена без отрицания, следовательно, ее значение заведомо не композиционально, а идиоматично. Мы полагаем, что значение причастного компонента (*-с(м)н*) – информационная значимость / особая эмоциональная вовлеченность говорящего – вышло на первый план, а форма на *-ла* вносит компонент достоверности:

(18) <i>Мини</i>	<i>гем,</i>	<i>би</i>	<i>тадн-д</i>	<i>тиим</i>	<i>юм</i>	<i>заа-жс</i>
мой	вина	я	вы-DAT	такой	что	указать-CV.COP
<i>өг-сн</i>	<i>уга</i>	<i>билэ-в.</i>				
давать-PC.PRF	NEG	БЫТЬ:DIR.EVD-1SG				

‘Моя вина, что я вам на такое не указывал’ [НМ-16].

(19) <i>Нан-д</i>	<i>өцклдүр</i>	<i>кун</i>	<i>ам</i>	<i>аңһа-сн</i>	<i>уга</i>	<i>билэ.</i>
я-DAT	вчера	человек	рот	открыть-PC.PRF	NEG	БЫТЬ:DIR.EVD

‘Мне вчера никто ничего не сказал (букв.: никто рот не открывал)’ [ЖЯ-41].

Аналогичную форму можно найти и в халха-монгольском, где сочетание «приказуемой простой частицы» *билээ* (форма на *-лээ* вспомогательного глагола *бай-*

‘быть’) с простыми глагольными сказуемыми на *-на* и *-в* передает «действие, совершившееся в прошлом с определенной результативностью, в присутствии говорящего» [Бертагаев 1964: 157].

Выводы. Для комбинации причастия прошедшего времени со вспомогательным глаголом *баа-* ‘быть’ вместо семи (14 с учетом отрицания) ожидаемых временных форм было зафиксировано только четыре. В ходе семантического анализа выяснилось, что они существенно отличаются друг от друга идиоматическим и непредсказуемым образом, т. е. их значение невыводимо из суммы значения их компонентов. Мы предлагаем считать эти четыре комбинации разными конструкциями (см. таблицу 3), являющимися отдельными результатами грамматикализации исходной комбинации.

Таблица 3

Специализированные конструкции *-сн баа-*

Структура	Значение
<i>-сн + баа-на</i>	перфект + миратив
<i>-сн + баа-с(м)н</i>	плюсквамперфект + информационная значимость
<i>-сн + баа-ж/санж</i>	индиректив + миратив + информационная значимость
<i>-с(м)н + уга + билә</i>	информационная значимость + эмоциональная вовлеченность говорящего

3.2. Микросистема конструкции «РС.PRF на *-сн + бол-* ‘становиться’»

Вторая комбинация – причастие прошедшего времени со вспомогательным глаголом *бол-* ‘становиться’ – также была зафиксирована в нашем корпусе лишь в четырех финитных временных формах (см. таблицу 4), каждая со своим специальным значением.

Таблица 4

Микросистема конструкции *-сн бол-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-сн + бол-жа-на</i>	8	0,4
<i>-сн + бол-с(м)н</i>	–	–
<i>-сн + бол-ж</i>	–	–
<i>-сн + бол-ла</i>	–	–
<i>-сн + бол-в</i>	3	0,15
<i>-сн + бол-х</i>	28	1,4
<i>-сн + бол-дг</i>	4	0,2

а. РС.PRF на *-сн + бол-жа-на*. Данная форма без суффикса прогрессива *-жа* в нашем корпусе не встретилась, что также свидетельствует о высокой степени ее идиоматизации. Она выражает сложное значение инферентивного типа – нетривиальную (ре)интерпретацию прошлого в двух вариантах. В первом варианте говорящий сам присутствовал при событии в прошлом, но при пересказе неожиданно для себя приходит к новой оценке этого события на основе наблюдавшихся в то время признаков. Например, в (20) говорящий вспоминает долгие зимние вечера своего детства, когда он читал

собравшимся соседям «Джангар», и приходит к выводу:

- (20) *«Жаңыр»* *тедн-д* *таас-гд-жс,* *зурк-и-нь*
 Дж. они-DAT нравиться-PASS-CV.COP сердце-ACC-POSS.3
авл-дг *бээ-си* *бол-жа-на.*
 очаровать-PC.NAV быть-PC.PRF становится-PROG-PRS

‘«Джангар» нравился им, он (видимо) завораживал их сердца’ [ДБ-58].

Во втором варианте говорящий ищет объяснения фактам, не вписывающимся в его картину мира, реконструируя «неожиданное прошлое». Контекст следующего примера: женщина принимает рассказчика за известного целителя и просит вылечить ее умирающего мужа, рассказчик вынужден провести «обряд исцеления». Спустя год он заходит к этой паре в полной уверенности, что мужа нет в живых, но видит того, к своему удивлению, абсолютно здоровым:

- (21) *Тер* *бер* *залу* *минь лавта* *эдг-жа-на* *гил-эд*
 тот жена муж несомненно выздороветь-PROG-PRS сказать-CV.DISJ
ухан-д-ан *лавл-ад* *ит-чк-си* *бол-жа-на.*
 разум-DAT-REFL подтверждать-CV.DISJ верить-COMPL-PC.PRF становится-PROG-PRS
Тер-нь *бас* *«эдг-х-в»* *гил-эд*
 тот-POSS.3 также выздороветь-PC.FUT-1SG сказать-CV.DISJ
седкл-д-ан *батл-чк-си* *бол-жа-на.*
 сердце-DAT-REFL заверять-COMPL-PC.PRF становится-PROG-PRS
Тегэд *тер* *эдг-си* *бол-жа-на.*
 так тот выздороветь-PC.PRF становится-PROG-PRS

‘Та жена, видимо, совершенно уверилась, что ее муж выздоравливает. Он, видимо, также поверил, что поправится. Так он, видимо, и выздоровел’ [ДБ-28].

Данную конструкцию мы определяем как конструкцию «миративной ретроспективной инференции» (ср. «retrospective evidence» [Plungian 2001]). Н.М. Мулаева [Мулаева 2006: 14] считает, что эта конструкция, а также конструкция с причастием будущего времени + *болх* передает «проблематическую модальность со значением недостаточной уверенности и предположения». Наш материал показывает, что здесь речь идет об эвиденциальных значениях.

б. PC.PRF на -си + бол-в. При помощи данной конструкции говорящий выражает неуверенную субъективную интерпретацию непосредственно чувственно воспринятого:

- (22) *Нег* *дэкж* *Козлду* *тэр-мр* *өвсн-э* *үк-жэ-х*
 один раз К. сеять-PC.POT трава-DAT умирать-PROG-PC.FUT
дууһ-и-нь *соң-си* *бол-в.*
 голос-ACC-POSS.3 слышать-PC.PRF становится-PST

‘Однажды Козлдуру как будто послышался умирающий голос (стон) посеянной травы’ [НМ-23].

- (23) *Акад* *юмн, –* *ги-жс* *бий-д-ан* *кел-си* *бол-в.*
 странный что говорить-CV.COP REFL-DAT-REFL сказать-PC.PRF становится-PST

‘Как странно, – сказала она будто бы самой себе’ [НМ-17].

Иногда данная форма используется в сочетании со сравнительной частицей *мет* ‘словно’, подчеркивающей элемент сравнения:

- (24) *Байчуд* *хоорндан* *шууг-ад,* *ямаран* *төр-эр* *күүндвр*
 молодежь взаимно шуметь-CV.DISJ какой тема-INS разговор
ке-жэ-с-ан *март-си* *мет* *бол-в.*
 делать-PROG-PC.PRF-REFL забыть-PC.PRF словно становится-PST

‘Молодежь, болтая друг с другом, словно бы забыла, о чем вела разговор’ [СБ-80].

Подобные значения Н.Д. Арутюнова описывала как «модальность кажимости» [Арутюнова 1999: 833–836]: «к-модальность зарождается в сфере непосредственного восприятия мира» [Там же: 834], вырастает из сравнения и представляет собой акт недостоверного сравнения, когда один из терминов сравнения присутствует лишь в воображении говорящего [Там же: 833]; не предполагая достоверности, она легко переосмысливается в эпистемическую недостаточность [Там же: 835]. Есть и другие варианты описания: эти значения причисляются к числу эвиденциальных (ср. «inferential-like» [Aikhenvald 2004: 85], «weak evidentiality» [Ifantidou 2001: 170–171]) либо описываются как самостоятельные «интерпретативные» («interpretive use» [Sperber, Wilson 1986: 228–229]). О взаимосвязи сравнения и эвиденциальности см. также у А. Летучего [Letuchiy 2008]. Мы будем вслед за Айхенвальд рассматривать интерпретативное значение в ряду эвиденциальных, поскольку оно базируется на значении непосредственного восприятия.

в. РС.PRF на -си + бол-х. Данная форма, самая частотная в нашем корпусе, маркирует умозаключение говорящего на основе его общих знаний о мире («презумптив» [Храковский 2007: 604], «reasoning» [Plungian 2001: 354], «assumption» [Aikhenvald 2004: 23]). Особенностью данной конструкции являются ее эпистемическое расширение достоверности и информационная значимость сообщаемого: говорящий уверен и подчеркивает, что описываемая ситуация имела место только в такой форме, как он ее представил, и никак иначе. Конструкция чрезвычайно идиоматизирована, общее ее значение никак не связано с семантикой причастия будущего времени. Например, в (25) хозяин дома просит странствующего торговца рассказать что-нибудь интересное:

(25) Оли	һазр-ар	ор-си	бол-х-ч.
много	место-INS	входить-РС.PRF	становиться-РС.FUT-2SG
Оли	куун-лә	харһ-си	бол-х-ч.
много	человек-INS	встречать-РС.PRF	становиться-РС.FUT-2SG

‘Ты (несомненно) побывал во многих местах. Ты (несомненно) повстречался со многими людьми’ [ДБ-19].

В следующем примере (26) девушка с уверенностью отрицает высказывание молодого человека, будучи глубоко убеждена, что он, как и любой мужчина, не мог не поинтересоваться возрастом девушек:

(26) Худл	кел-жэ-нэ-ч.	Сур-си	бол-х-ч.
ложь	говорить-PROG-PRS-2SG	спросить-РС.PRF	становиться-РС.FUT-2SG

‘Ты лжешь. Ты (несомненно) спрашивал (их о возрасте)’ [ИЛ-47].

Структурно полностью аналогичную конструкцию в грамматиках бурятского и халха-монгольского языков мы не встретили: в отличие от калмыцкого, в них используются комбинации причастия прошедшего времени на *-һан* с причастием будущего времени от вспомогательного глагола *бай-* ‘быть’ (в свою очередь, в нашем корпусе калмыцких примеров такая комбинация не встретилась). В бурятском Ц.Ц. Цыдыпов [Цыдыпов 1972: 190–191] рассматривает эту конструкцию как темпоральную с дополнительным модальным значением «предположения»:

(27) Харин	Гарма	интернад-айн-гаа	үхибүүд-тэ	буряад
ведь	Г.	интернат-GEN-REFL	дети-DAT	бурятский
онтохон-ууд-ые	хөөрэ-жэ	рассказывать-CV.COP	үльгэршэн-эй	нэрэ
сказка-PL-ACC			сказочник-GEN	имя
хүндэ-дэ	үни хада	хүртэ-һэн	бай-ха.	
уважение-DAT	давно	получать-РС.PRF	быть-РС.FUT	

‘Однако Гарма рассказывал бурятские сказки детям из интерната, видимо, поэтому уже давно получил почетное имя улигершина’ [Цыдыпов 1972: 191], глоссирование наше, перевод слегка откорректирован нами.

Схожую конструкцию халха-монгольского К.-Р. Биттигау [Bittigau 2003: 109] определяет как «Probabilitativ» со значением эпистемической модальности вероятности:

(28) *Чи үз-сэн бай-х.*
ты видеть быть-РС.FUT

‘Ты его (вероятно) видел (Du wirst ihn gesehen haben)’ [Ibid.: 110].

Поскольку более детальный анализ конструкций халха-монгольского и бурятского языков еще предстоит, мы можем только предположить, что данные конструкции обоих языков, представляющих собой по существу одинаковую комбинацию временных компонентов и от калмыцкой конструкции отличающихся лишь выбором вспомогательного глагола, также маркируют инференцию на основе общих знаний.

г. РС.PRF на *-си + бол-дг*. Данная форма также отличается высокой степенью идиоматизации: ее значение определяется в первую очередь компонентом *-си*, с помощью которого маркируется информационная значимость события и эмоциональная вовлеченность говорящего. Компонент же *бол-дг* должен был бы вносить значения фазового изменения и повторяющегося события; однако семантический анализ и опрос информантов позволили установить, что данная конструкция выражает прямую засвидетельствованность:

(29) [...] *ги-жэ мадн-д шогл-си бээдл-тэ-һэр* [...]
сказать-CV.COP мы-DAT шутить-РС.PRF вид-COM-INS

тарһи хар залу кел-си бол-дг.
толстый темный мужчина сказать-РС.PRF становится-РС.HAB

‘[...] так в шуточной форме сказал нам толстый загорелый мужчина’ [ЖЯ-40].

Интересен следующий пример из воспоминаний главного героя о старшем брате. Поскольку речь идет о непосредственно пережитых событиях, финитные сказуемые во всем отрывке маркированы показателем прямой эвиденциальности *-ла*. Предложение с исследуемой конструкцией (здесь: *харс-си бол-дг*) не выпадает из этого ряда:

(30) *Ах-нь театр-т артист бол-жэ*
старший брат-POSS.3 театр-DAT артист становится-CV.COP

көдл-жэ йов-ла.
работать-CV.COP aux-DIR.EVD

Халхин-Гол-ын дээн-д зөргтэһэр дээлд-эд, Монһл
Халхин-Гол-GEN бой-DAT отважно воевать-CV.DISJ монгольский

нутг япона самурайц-һр-ас харс-си бол-дг.
страна японский самурай-PL-AVL защищать-РС.PRF становится-РС.HAB

Ода Выборг деер церг-жэ-лә.
Сейчас Выборг на служить-PROG-DIR.EVD

‘Старший брат его, став артистом, работал в театре. Отважно сражаясь в боях на Халхин-Голе, защищал Монголию от японских самураев. Потом он служил под Выборгом’ [ХМ-13].

* * *

Итак, во втором блоке конструкции *-си бол-* вместо ожидаемых семи парадигматических «аллоконструктов» мы выявили четыре самостоятельные аналитические глагольные конструкции с разными эвиденциальными значениями.

Специализированные конструкции *-сн бол-*

Структура	Значение
<i>-сн + бол-жа-на</i>	миративный ретроспективный инферентив + информационная значимость
<i>-сн + бол-х</i>	презумптив с эпистемическим расширением (уверенность) + информационная значимость
<i>-сн + бол-в</i>	субъективный интерпретатив
<i>-сн + бол-дг</i>	прямая засвидетельствованность + информационная значимость

В заключение анализа двух микроблоков следует сказать, что в случае комбинаций причастия прошедшего времени в сочетании со вспомогательными глаголами *баа-* 'быть' и *бол-* 'становиться' в различных временных формах следует говорить не о двух конструкциях с их временными парадигмами, а о восьми отдельных, поскольку из 28 потенциально возможных временных форм в нашем корпусе были зафиксированы лишь восемь с высоко идиоматизированными значениями. Ни одна из этих форм не передает только лишь временную семантику, все они отличаются эвиденциальными оттенками, часто с миративным расширением.

3.3. Микросистема конструкции «*рс.нав на -дг + баа-* 'быть'»

Таблица 6

Микросистема конструкции *-дг баа-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-дг + баа-на</i>	–	–
<i>-дг + баа-с(м)н</i>	5	0,25
<i>-дг + баа-жэ / санжэ</i>	5/1	0,25/0,05
<i>-дг + билэ</i>	69	3,45
<i>-дг + баа-в</i>	–	–
<i>-дг + баа-х</i>	–	–
<i>-дг + баа-дг</i>	–	–

Сочетание хабитуального причастия и вспомогательного глагола *баа-* 'быть' было зафиксировано в нашем корпусе как в положительной, так и в отрицательной форме, но лишь в трех формах прошедшего времени. Четвертая форма прошедшего времени на *-в* и остальные формы по оценке информантов невозможны; на несочетаемость формы претерита на *-в* в рамках аналитической конструкции с хабитуальным причастием и связкой *баа-* указывает и [Гото 2009: 127–128].

Поскольку во всех имеющихся примерах значение конструкции композиционно, задано самим хабитуальным причастием, а форма вспомогательного глагола привносит временную и модальную характеристику, возникает вопрос, чем вызвано такое ограничение на использование временных форм. Последний случай кажет-

ся очевидным: сочетание двух хабитуальных причастий в одной аналитической форме явно избыточно. Далее, это причастие может самостоятельно выступать как финитное сказуемое, относясь за счет контекста ко всем трем временным планам (около 90 примеров в нашем корпусе), так что использование нейтральных временных форм вспомогательного глагола также можно рассматривать как в принципе избыточное, сравним:

(31) *Тер кәдлми эрк биш ода ке-д-ми.*
 тот работа непременно сейчас делать-РС.НАВ-AFF

‘Ту работу надо выполнять непременно сейчас’ [НМ-23].

(32) *Миңһи йисн зун хәр-дгч жыл-ин хавр йир кеңу*
 тысяча девять сто двадцать-ORD год-GEN весна очень трудный
цаг билә. һуйр- өдмг йир ховр бол-д-ми.
 время быть:DIR.EVD мука хлеб очень мало становится-РС.НАВ-AFF

‘Весна тысяча девятьсот двадцатого года была очень трудной. Было очень мало муки, хлеба’ [ДБ-22].

(33) *Эн-чнь сәән-әр мед-сн бол-жәһ-ад,*
 это-POSS.2 хорошо-INS знать-РС.PRF становится-PROG-CV.DISJ
шүүвр деер каар-ад чигн од-д-ми.
 экзамен на исчезать-CV.DISJ даже AUX-РС.НАВ-AFF

‘Это (знание, о котором ты говоришь) кажется пока очень понятным, а (потом) на экзамене может даже исчезнуть’ [ИЛ-26].

Таким образом, можно сделать вывод, что нейтральные временные значения, выражаемые формами на *-на*, *-х* и *-в*, не обязательны к выражению при хабитуальном причастии в роли финитного сказуемого. Следовательно, три реально зафиксированные в корпусе формы прошедшего времени помимо временных несут некоторые важные дополнительные значения, которые хабитуальное причастие в одиночку передать не может; как мы уже знаем, данные три формы выражают эвиденциальные и модальные оттенки.

а. РС.НАВ на -дг + бәә-с(м)н. Значение этой формы композиционально, складывается из простой суммы значений компонентов без дополнительной идиоматизации: регулярность передает причастие на *-дг*, прошедшее время, информационную значимость и эмоциональную вовлеченность – форма на *-с(м)н*, вспомогательный глагол служит для соединения компонентов:

(34) *Тер цаг-т йилһ-жә өг-х күн би*
 тот время-DAT выбирать-CV.COP давать-РС.FUT человек я
бол-жә һар-дг бәә-с-ми.
 становится-CV.COP выходить-РС.НАВ быть-РС.PRF-AFF

‘В то время человеком, который должен был делать выбор, становился (как правило) я’ [ДБ-53].

(35) *Кен түрүл-жә зар тарха-на,*
 кто опередить-CV.COP извещение рассылать-PRS
тер-нь хәрүл-х зөв ав-дг бәә-с-ми.
 тот-POSS.3 пасти-РС.FUT право брать-РС.НАВ быть-РС.PRF-AFF

‘(Как правило,) Тот, кто первым разослал извещение, получал право пасти (коров)’ [ДБ-52].

б. РС.НАВ на -дг + бәә-ж/санж. Как и в предыдущем случае, причастие здесь несет собственное значение, а значение прошедшего времени и косвенной засвидетельствованности с оттенком неожиданности маркируется компонентами с эвиденциальным показателем *-ж*. Данное сочетание передает (часто неожиданные) регулярно происходившие или длительные события в прошлом, о которых говорящий знает из различных косвенных источников (пересказ, умозаключение):

(36) Чам-аг альдаран уга бол-жс од-на гин-эд
 ты-ACC куда NEG становиться-CV.COP идти-PRS говорить-CV.DISJ
 бээ-нэ-в. Чи энд ир-дг бээ-жс-ч.
 быть-PRS-1SG ты здесь приходить-PC.HAB быть-INDIR.EVD-2SG
 'А я все думаю, куда же ты исчезаешь (всякий раз). А ты, оказывается, сюда приходил'
 [БА-47].

(37) Та ондан улс-ин тускар муун-ар тоол-дг бээ-жс-т.
 Вы другой люди о плохо-INS думать-PC.HAB быть-INDIR.EVD-2PL
 'Вы (оказывается) плохо думаете о других людях' [БА-42].

в. PC.HAB на -дг + билэ. Эта конструкция передает повторяющуюся либо длительную ситуацию (-дг) в прошлом, непосредственно засвидетельствованную самим говорящим (эвиденциальная форма на -ла). Эта самая частотная в нашем корпусе конструкция используется обычно для характеристики постоянных свойств:

(38) Боова эмгн-э гер мана гер-эс хоша бээ-дг билэ.
 Б. старуха-GEN дом наш дом-ABL рядом быть-PC.HAB быть:DIR.EVD

Боова гер-т-эс-н нар-ч икэр йов-с-нь
 Б. дом-DAT-ABL-REFL выходить-CV.COP много ходить-PC.PRF-POSS.3
 мед-гд-д-го билэ.
 знать-PASS-PC.HAB-NEG быть:DIR.EVD

Үүн-эс дала үг чигн сур-жс соңс-д-го
 этот-ABL много слово даже спрашивать-CV.COP слышать-PC.HAB-NEG
 билэ-видн.
 быть:DIR.EVD-1PL

'Дом старухи Боовы стоял недалеко от нашего дома. Не было видно, чтобы Боова часто выходила из своего дома. Мы даже не слышали, чтобы она много говорила' [ДБ-41].

Значение аналогичной халха-монгольской аналитической формы Т.А. Бертагаев описывает как «повторное действие в прошлом с оттенком подтверждения» [Бертагаев 1964: 125].

Таким образом, в случае сочетания хабитуального причастия со вспомогательным глаголом бээ- 'быть' следует говорить лишь об одной конструкции, которая используется в двух эвиденциальных и одной модальной формах с прозрачным композиционным значением.

Таблица 7

Композиционная конструкция -дг бээ-

Структура	Значение
-дг + бээ- -дг + бээ-с(м)н -дг + бээ-жс -дг + билэ	Регулярное действие или свойство плюс – информационная значимость – косвенная засвидетельствованность – прямая засвидетельствованность

3.4. Микросистема конструкции «PC.HAB на -дг + бол- 'становиться'»

В данном случае сразу обращает на себя внимание тот факт, что в сочетаниях хабитуального причастия со вспомогательным глаголом бол- зафиксированы ровно те формы, которые не встречаются с глаголом бээ-: три нейтральные формы разных временных зон, причем с одинаковой частотностью. Бертагаев [Бертагаев 1964: 130–131] рассматривает аналогичные сочетания в халха-монгольском и бурятском языках не как аналитические глагольные формы, а как составные сказуемые, описывающие действие, повторяемое в тот или иной период времени. При этом он подчеркивает довольно

Микросистема конструкции *-дг бол-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-дг + бол-(жа)-на</i>	7	0,35
<i>-дг + бол-с(м)н</i>	—	—
<i>-дг + бол-жэ</i>	—	—
<i>-дг + бол-ла</i>	—	—
<i>-дг + бол-в</i>	8	0,4
<i>-дг + бол-х</i>	8	0,4
<i>-дг + бол-дг</i>	—	—

прозрачный характер значения «полусвязки» и ее форм: «полусвязка» *бол-* сохраняет свое лексическое значение 'становиться', а ее формы – значения абсолютного времени. В халха-монгольском и бурятском языках данное сочетание встречается во всех временных формах, кроме формы настоящего времени: «ни в бурятских, ни в халхаских источниках не обнаружены факты связи этих двух форм» [Бертагаев 1964: 131]. В калмыцком языке эта форма возможна, зато невозможны четыре других сочетания; при этом значения двух из трех обнаруженных в корпусе форм не вполне прозрачны и выходят за рамки временных.

а. РС.нав на *-дг + бол-(жа)-на*. Данная конструкция передает неожиданное для говорящего длительное событие в плане настоящего времени, актуального или расширенного, полученное в результате инференции на основе наблюдаемых фактов:

(39) *Куук-д улс юцад эс көдл-дг бол-на?*
женщина-PL люди почему NEG работать-РС.нав становиться-PRS
'Почему женщины не работают (сейчас, ведь все работали во время войны)?' [НМ-21].

(40) *Эдн цуһар мед-дг бол-жа-на!*
они все-PL знать-РС.нав становиться-PROG-PRS
'(Получается,) они все уже знают (об этом)!' [БА-44].

В примере (41) чрезвычайно интересно, что эвиденциально-миративное значение выражено сказуемым главной части, но относится к пропозиции зависимой части (формально главная часть представляет собой модальную рамку к «полнозначной» зависимой):

(41) *Та һанцарн яһад иигжэ аты-жэ, нульмс-ан*
вы один почему так опечалиться-CV.COP слеза-REFL
цээрүл-жэ-х учр-нь юун-д бээ-дг бол-на?
проливать-PROG-РС.FUT причина-POSS.3 что-DAT быть-РС.нав становиться-PRS
'В чем же причина того, что (в праздник) вы один так невеселы и проливаете слезы?' [ДБ-20].

Эта конструкция частотна в зачинах фольклорных текстов; ее дискурсная функция заслуживает специального анализа.

б. РС.нав на *-дг + бол-х*. При помощи данной формы говорящий представляет длительную ситуацию как высоковероятную в момент речи, опираясь на свое знание мира. Например, в (42) говорящий знает, что его домашние всегда в это время ожидают его:

(42) *Би ода хэр-нэ-в. Герткэ-м нама-г*
 я сейчас возвращаться-PRS-1SG семья-POSS.1SG я-ACC
күлэ-жэ-дг бол-х.
 ждать-PROG-PC.HAV становиться-PC.FUT
 'Я пойду домой сейчас. Мои домашние, наверное, уже ждут меня' [ЖЯ-25].

(43) *Адһн-шидһн хувц-ан өмс-жэ бэд-дг*
 спешно одежда:ACC-REFL надевать-CV.COP быть-PC.HAV
бол-х. Атхр үс-эн яс-жэ-дг
 становиться-PC.FUT кудрявый волос:ACC-REFL поправлять-PROG-PC.HAV
бол-х.
 становиться-PC.FUT
 (В ожидании подруги:) 'Наверное, (она) в спешке надевает свою одежду. Наверное, приводит в порядок свои кудрявые волосы' [ЭК-485].

При анализе данной конструкции возник вопрос, является ли она 1) эвиденциальной, передающей информацию, выводимую на основе знаний о мире (презумптив), ср. выше *-сн болх*; 2) формой эпистемической модальности возможности (подразумевающей «возможность наличия как минимум двух альтернативных ситуаций» [Храковский 2007: 617]); или 3) формой, объединяющей эти две категории (ср. «overlapping» [Ничолова 2003]). Мы считаем, что это презумптив, который составляет пару с конструкцией *-сн болх*; различие между ними заключается во временной соотнесенности (план прошедшего – план настоящего, актуального и расширенного) и в наличии / отсутствии эпистемического расширения (уверенность говорящего). Сравним:

А. Презумптив I (определенное событие в прошлом):

(44) *Миңһн гектар һазр хаһл-ад, кесг дала буудя*
 тысяча гектар земля вспахать-CV.DISJ сколько много зерно
ха-яд, кедү мөңгн һар-си бол-х!
 бросать-CV.DISJ сколько деньги выходить-PC.PRF становиться-PC.FUT
 'После того как вспахали тысячу гектаров, столько зерна посеяли, сколько же денег должно было быть потрачено!' [НМ-25].

Б. Презумптив II (неопределенное событие в расширенном настоящем):

(45) *Миңһн гектар һазр хаһл-х-д,*
 тысяча гектар земля вспахать-PC.FUT-DAT
дала мөңгн һар-дг бол-х.
 много деньги выходить-PC.HAV становиться-PC.FUT
 'Когда вспахивают тысячу гектаров, затрачивается, наверное, много денег'.

Таким образом, в калмыцком можно выделить две презумптивные конструкции, выражающие предположение говорящего о вероятном факте в прошлом и о вероятном событии, развивающемся в расширенном настоящем или в момент речи.

в. РС.нав на -дг + бол-в. В отличие от двух выше рассмотренных форм, характеризующихся миративным и эвиденциальным значениями, данная форма служит для передачи исключительно временного значения. Говорящий описывает начавшееся и регулярно повторявшееся событие в прошлом:

(46) *Командир-муд унт-х-ин өмн зәңһ соңс-дг*
 командир-PL спать-PC.FUT-GEN перед новости слушать-PC.HAV
бол-в.
 становиться-POST
 'Командиры перед сном стали постоянно слушать (радио-)новости' [ХМ-5].

(47) [...] *бүлән суулһ ус өдр-т хойр ав-ч ир-жэ*
 теплый ведро вода день-DAT два брат-ср.приходить-CV.COP
өг-дг бол-в.
 дать-PC.HAV становиться-POST
 '[...] (он) стал приносить два раза в день ведро теплой воды' [БА-23].

Завершая анализ зафиксированных форм сочетаний хабитуального причастия со вспомогательными глаголами *бээ-* и *бол-*, следует отметить следующее:

- Сочетание хабитуального причастия с глаголом *бээ-* активно используется в трех формах прошедшего времени, значение которых композиционно и достаточно прозрачно. Все три формы не являются специальными идиоматизированными конструкциями и могут рассматриваться как парадигма аналитической глагольной конструкции *-дг бээ-*.
- Из трех зафиксированных форм сочетания хабитуального причастия с глаголом *бол-* форма с компонентом *болв* (семантически нейтральная форма прошедшего времени) с нейтральным композиционным значением дополняет парадигму конструкции *-дг бээ-* значением фазового перехода.
- Оставшиеся две формы представляют собой идиоматизированные эвиденциальные конструкции: инферентив с миративным расширением *-дг болна* и презумптив настоящего расширенного времени.

Таблица 9

Композициональная *-дг бээ-* и две специализированные конструкции *-дг бол-(жса)-на* и *-дг болх*

Структура	Значение
<i>-дг + бээ-</i> <i>-дг + бээ-сн</i> <i>-дг + бээ-жс</i> <i>-дг + билэ</i> <i>-дг + бол-в</i>	Регулярное действие или свойство – информационная значимость – косвенная засвидетельствованность – прямая засвидетельствованность – семантически немаркированное прошлое + фаза
<i>-дг + бол-(жса)-на</i>	Инферентив + миратив
<i>-дг + бол-х</i>	Презумптив (расширенное настоящее)

3.5. Микросистема конструкции «РС.FUT на *-х + бээ-* ‘быть’»

Сочетание причастия будущего времени со вспомогательным глаголом *бээ-* ‘быть’ зафиксировано в нашем корпусе лишь в трех временных формах; все три – *-ла*, *-сн* и *-жс* – относятся к зоне прошедшего времени. Интересно, что самая частотная и семантически немаркированная форма прошедшего времени на *-в* здесь не встречена. Тем не

Таблица 10

Микросистема конструкции *-х бээ-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-х + бээ-на</i>	–	–
<i>-х + бээ-с(м)н</i>	1	0,05
<i>-х + бээ-жс</i>	1	0,05
<i>-х + билэ</i>	39	1,95
<i>-х + бээ-в</i>	–	–
<i>-х + бээ-х</i>	–	–
<i>-х + бээ-дг</i>	–	–

менее употребимы только конструкции, в которых налицо контраст между референцией в будущее (форма причастия) и в прошлое (временная форма вспомогательного глагола). Регулярное использование сочетания прошедшего времени и маркеров модальности/будущего времени в целях маркирования ирреальности описываемых событий отмечали многие языковеды [Bybee 1995; Dahl 1997; Lazard 1998; Панова 2004] и др. Ж. Лазар, исследовавший выражение ирреальности в разных языках мира, называет сочетание маркера прошедшего времени с маркером так называемой «виртуальности» наиболее распространенным способом маркирования ирреальности в аподозисе условных предложений. При этом маркер «виртуальности», по Лазару, может относиться к любой грамматической категории, позволяющей представить описываемую ситуацию как нереальную:

Le procédé le plus répandu pour faire exprimer au verbe le sens d'irréel consiste à y associer une marque de passé et une marque de virtuel. J'entends par «virtuel» toute catégorie linguistique impliquant référence à une situation qui est conçue sans être posée comme réelle: ce peut être une situation future, désirée, possible, éventuelle, habituelle, etc. [Lazard 1998: 237–238]¹³.

а. PC.FUT на -x + билэ. Данная форма, самая частотная в этом блоке, выражает вне-временное гипотетическое событие (48); за счет темпоральных наречий либо просто знаний о мире может окказионально появляться привязка к плану будущего (49) или прошлого, при этом отнесение к плану прошлого дает контрафактическое прочтение (50):

(48) *Нань кен чам-ур ишм ора ир-х билэ?*
еще кто ты-DIR так поздно приходить-PC.FUT быть:DIR.EVD
'Кто еще мог бы прийти к тебе так поздно?' [ТА-109].

(49) *Маңдур эдн эн хол-ыг һатл-ш-го билэ.*
завтра они этот река-ACC переправиться-PC.FUT-NEG быть:DIR.EVD
'Завтра они не переправились бы через эту реку'.

(50) *Кевэ-н һар би яһад хуһл-х билэ-в?*
K.-GEN рука:ACC я зачем ломать-PC.FUT быть:DIR.EVD-1SG
'Зачем я сломал бы руку Кеве?' [НМ-19].

Эта же форма употребляется для выражения вежливости (51); оптативное употребление ирреальных форм, позволяющих снять излишнюю категоричность высказывания, – частое явление в языках мира:

(51) *Би буру ги-х уга билэ-в.*
я неверный сказать-PC.FUT NEG быть:DIR.EVD-1SG
'Я не сказал бы, что это неправильно' [ДБ-14].

б. PC.FUT на -x + бэд-с(м)н. При помощи данной конструкции, описывающей контрафактическое событие, отнесенное к плану прошлого, говорящий за счет контраста подчеркивает реальное полностью противоположное положение дел. Финитная форма на -с(м)н, как мы уже знаем, маркирует информационную значимость сообщения и эмоциональную вовлеченность говорящего:

(52) *Тер зөрмг үүлдвр-т орден биш Герой нер*
тот отважный поступок-DAT орден NEG герой имя
өг-х бэд-с-мн.
давать-PC.FUT быть-PC.PRF-AFF

¹³ «Наиболее распространенный способ выражения значения ирреальности у глагола состоит в одновременном использовании маркеров прошедшего времени и виртуальности. Под «виртуальностью» я понимаю любую языковую категорию, отсылающую в той или иной форме к ситуации, которая мыслится без непосредственной привязки к реальности: это может быть ситуация будущая, желательная, возможная, обусловленная, обыкновенная и т.д.»

‘За тот отважный поступок не орден, а звание Героя должны были бы дать’ [БА-19] (контрастирующий факт: человек получил орден, но не звание Героя – обозначен лексически).

- (53) *Теег-т бээ-дг улс альдас орс кел*
 степь-DAT жить-РС.НАВ люди откуда русский язык:ACC
дас-х бээ-с-м-би?
 учить-РС.FUT быть-РС.PRF-AFF-Q

‘Люди, живущие в степи, как бы они, бедняги, выучили русский язык?’ [БА-22] (факт: в степи того времени люди не знали русского, не было ни школ, ни русских учителей).

Описывая аналогичную халха-монгольскую конструкцию с причастием на -х и частицей *сан/сэн* (исторически форма причастия прошедшего времени от исчезнувшего глагола *а-* ‘быть’), Бертагаев указывает, что частица «придает сказуемому значение утвердительной условности, т.е. показывает неперемнную осуществимость действия при определенных объективных и субъективных условиях» [Бертагаев 1964: 154–155]:

- (54) *Хэзээ нег учир-вал хэрг-ийн учр-ыг*
 если один встретиться-CV.COND дело-GEN причина-ACC
мэдэ-х сэн. Ялгуу-сан хайр-ын ивэлтэй
 узнать-РС.FUT PRT ликовать-РС.PRF любимый-GEN ободряющий
дуу-гий нь сонсо-х сон.
 песня-ACC POSS.3 слышать-РС.FUT PRT

‘Если бы он хоть однажды встретился, то узнал бы причины всех этих происшествий и услышал бы победные звонкие песни своей любимой, ободряющие его’ [Бертагаев 1964: 155], глоссирование наше.

в. РС.FUT на -х + бээж. Третья ирреальная форма позволяет описать контрафактическое долженствование в плане прошлого с оттенком сожаления об упущенной возможности; эвиденциальная финитная форма на -ж (косвенная засвидетельствованность с миративным расширением) дает здесь значение ретроспективной переоценки реальных событий с несоответствующим реальности выводом:

- (55) *Анжа-г бэр-ж өг-эд, хуур-х-мн бээ-ж.*
 А.-ACC схватить-CV.COP дать-CV.DISJ покончить-РС.FUT-AFF быть-INDIR.EVD
 ‘Надо было (тогда) схватить Анджу и тем самым покончить с ним’ [ИЛ-50].

- (56) *Нег сум-иг теңг-үр тэв-х-м бээ-ж.*
 один снаряд-ACC небо-DIR отпустить-РС.FUT-AFF быть-INDIR.EVD
 ‘Надо было (тогда) запустить один снаряд в небо’ [ХМ-39].

Все три рассмотренные ирреальные формы можно встретить в аподозисе ирреально-условных предложений, при этом самой частотной является ирреальная форма -х *билэ*, способная передавать как контрафактическое, так и гипотетическое значение (57). Остальные две формы встречаются реже и только в контрафактическом значении:

- (57) *Олн кун бээ-сн бол-хла, ман-ас*
 много человек быть-РС.PRF становится-CV.COND мы-AVL
булт-ш-го билэ, хойр кун бээ-сн
 прятаться-РС.FUT-NEG быть:DIR.EVD два человек быть-РС.PRF
бол-хла, хамдан зул-х бээ-сн.
 становится-CV.COND вместе убежать-РС.FUT быть-РС.PRF

‘Если было бы много людей, то они не прятались бы от нас, если было бы двое, то они бы (однозначно) убежали вдвоем’ [ЖА-54] (факт: слышны были только шаги одного человека).

* * *

Таким образом, сочетание причастия будущего времени с бытийным глаголом в прошедшем времени не передает эвиденциальные / миративные значения, но лежит в основе трех ирреальных форм современного калмыцкого, отличающихся друг от друга следующими характеристиками:

– Самая частотная форма -х *билэ* передает как контрафактические, так и гипотетические события и обслуживает область вежливости;

– *-x бээж* и *-x бээс(м)н* имеют исключительно контрафактические значения, причем различия в их значении во многом обусловлены финитными формами: ретроспективная переоценка прошедших событий с выводом, несоответствующим реальным фактам (*-жэ*), и информационная значимость/эмоциональная вовлеченность (*-с(м)н*).

3.6. Микросистема конструкции «*ps.fut* на *-x + бол-* ‘становиться’»

Таблица 11

Микросистема конструкции *-x бол-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-x + бол-(жа)-на</i>	1	0,05
<i>-x + бол-с(м)н</i>	1	0,05
<i>-x + бол-жэ</i>	–	–
<i>-x + бол-ла</i>	–	–
<i>-x + бол-в</i>	1	0,05
<i>-x + бол-х</i>	1	0,05
<i>-x + бол-дг</i>	–	–

Сочетание причастия будущего времени со вспомогательным глаголом *бол-* ‘становиться’ было зафиксировано в нашем корпусе текстов в четырех разных временных формах, причем все четыре – с эвиденциально-проспективным значением.

а. *ps.fut* на *-x + бол-(жа)-на*. Для калмыцкого языка Санжеев [Санжеев (ред.) 1983: 226] указывает, что «форма с аффиксами *-x(мн)* может выражать и значение потенциальной возможности при наличии полусвязки *бол-* (становиться) в форме настоящего времени, несущей в основном модальный оттенок возможности»:

- (58) *Цагтан шар яман-а арсн чигн тусан*
 время-REFL рыжий коза-GEN шкура даже польза:ACC-REFL
күрг-х-ми бол-жа-на.
 доставлять-*ps.fut-aff* становится-*prog-prs*
 ‘В свое время и шкура рыжей козы может принести пользу’ [Там же: 226], глоссирование наше.

В более ранней сводной грамматике монгольских языков он же пишет, что причастие будущего времени в сочетании с формой имперфектного презенса от *бол-* ‘становиться’ чаще всего выражает действие с оттенком долженствования, необходимости или неизбежности последнего [Санжеев 1963: 199–200], как, например, в бурятском:

- (59) *Хэмнай яба-ха боло-но?*
 кто:POSS.1PL идти-*ps.fut* становится-*prs*
 ‘Кому из нас придется отправляться?’ [Санжеев 1963: 200], глоссирование наше.

Анализ примеров нашего корпуса (1 в первичной выборке, 15 во вторичной) показал, что в данном случае речь идет о конструкции эвиденциального проспектива в провиденциальном значении ([Маслова 2004], ср. также «дестинатив» [Плунгян 2006]): говорящий описывает ситуацию, неизбежное осуществление которой в будущем не зависит от намерения / воли ее участников, а предопределено внешними обстоятельствами («*G* – некоторая совокупность обстоятельств, в н е ш н и х по отношению к субъекту *x* события *L(x)*; в частности, предстоящее участие *x* в событии *L* концептуализируется

как нечто независимое от его намерений и/или текущего состояния» [Маслова 2004: 214]). В данной конструкции эта совокупность обстоятельств задается как наличествующая в расширенном настоящем:

(60) *Хойр көгшин нег негэн хэлэ-лд-эд, эн гер-ин*
 два старик друг друга смотреть-CV.TERM-RECP ЭТОТ ДОМ-GEN
йорал-д суу-х-ми бол-жа-на.
 глубь-DAT сидеть-PC.FUT-AFF становиться-PROG-PRS
 '(Теперь нам,) Двум старикам суждено сидеть в этом доме и смотреть друг на друга'
 [ТА-21].

(61) *Аав эцк хойр-ин-нь эс чад-с-иг эн көвүн*
 дед отец два-GEN-POSS.3 NEG мочь-PC.PRF-ACC ЭТОТ мальчик
күцэ-жэ йов-х бол-жа-на.
 осуществить-CV.COP AUX-PC.FUT становиться-PROG-PRS
 'То, что не успели дед и отец, суждено довести до конца этому мальчику' [ЖА-26].

В определенных условиях эта конструкция реализуется как гипотетический про-спектив, т. е. маркирует «не будущее как таковое, а некоторое положение дел в настоя-щем: а именно сообщается о том, что в момент речи положение дел таково, что оно может привести к возникновению определенной ситуации в будущем. Значение буду-щего времени (в случае если отчет идет от момента речи) <...> возникает тем самым как прагматическая импликация» [Майсак 2000: 21]. При этом Майсак указывает на неслу-чайный характер употребления именно формы настоящего времени вспомогательного глагола перспективных конструкций, что имеет место и в калмыцком:

(62) *Тиигэд эс бол-х азд-аля көвү-д-ин*
 так NEG становиться-PC.FUT непристойный юноша-PL-GEN
үлмэ-д ор-жэ од-х-м бол-жа-на.
 влияние-DAT входить-CV.COP AUX-PC.FUT-AFF становиться-PROG-PRS
 'Вот так и попадают (можно попасть) под влияние непристойных молодых людей' [ТА-71].

(63) *Кун кү дажр-ш уга бол-жа-на.*
 Человек человек:ACC угнетать-PC.FUT NEG становиться-PROG-PRS
 'Человек человека не может (отныне) угнетать' [ЭК-573].

Как видим, гипотетическое прочтение этой формы в калмыцком обусловлено рефе-ренциальным статусом субъекта (неопределенность).

б. PC.FUT на -х + бол-в. Этот вариант эвиденциального проспектива передает инфор-мацию, полученную путем логического умозаключения на основе не наличествующих на момент речи факторов, как в предыдущем случае, а уже совершившихся событий: речь идет о некотором событии, которое понимается как необходимое, предписанное или обусловленное рядом реальных событий в прошлом. Второе существенное отличие данной конструкции – миративность (полученный вывод не соответствует ожиданиям говорящего):

(64) *Одак күүки ир-ш-го бол-в-у?*
 тот самый девушка приходить-PC.FUT-NEG становиться-PST-Q
 '(Так что же, выходит), эта девушка (вообще) больше не придет?' [ЭК-524] (контекст: за ней ходили несколько раз и она все время отказывалась).

(65) *Церг эшелон-ас хар-хларн, hazp-т эрэ*
 полк эшелон-AVL выходить-CV.COND земля-DAT едва
багт-жа-х бол-в.
 помещаться-PROG-PC.FUT становиться-PST
 'Когда полк стал выходить из эшелона, то оказалось, что он едва сможет поместиться на перроне' [ХМ-49].

Мы определяем эту конструкцию как перспектив на базе прямой засвидетельство-ванности с совмещенным миративным значением.

в. PC.FUT на -x + бол-с(м)н. Эта разновидность эвиденциального проспектива базируется не на инференции, а на пересказе (факты, известные из прошлых сообщений). Тем самым временная соотнесенность у данной конструкции та же, что у предыдущей, но они образуют оппозицию за счет эвиденциальных характеристик информационной базы умозаключения; кроме того, финитная форма на -с(м)н дополнительно маркирует информационную значимость / эмоциональную вовлеченность:

- (66) *Арслң эн жыл аав-ан дах-ад Ижл көвә ор-х*
 А. этот год дед-REFL следовать-CV.DISJ Волга берег ехать-PC.FUT
бол-жа-си.
 становится-PROG-PC.PRF
 '(А ведь) Арслан должен был в этом году ехать со своим дедом на берег Волги' [Бл.А-15] (контекст: весь класс на каникулах оставляют на работы в колхозе).

- (67) *Леежн-ә мөрн-ә бодар-иг Утнаси дөрви*
 Л.-GEN лошадь-GEN стоимость-ACC У. четыре
мөр-әр босх-х бол-с-ми.
 лошадь-INS восстановить-PC.FUT становится-PC.PRF-AFF
 'Утнаси должен был (по решению суда) возместить стоимость лошади Лееджи четыремя (своими) лошадьми' [ДБ-16].

Данную конструкцию можно определить как проспектив на ренарративной базе с информационной значимостью / эмоциональной вовлеченностью.

г. PC.FUT на -x + бол-х. Данная разновидность эвиденциального проспектива также является миративной и описывает умозаключение на базе событий, которые только ожидаются в будущем, как ожидание вследствие предшествующих ожиданий (ср. «действие, которое неминуемо совершится и по поводу которого выражается опасение субъекта» [Пюрбеев 2010: 99]):

- (68) *Ода дөчи дууна-д яһж тер ир-х-ми*
 теперь сорок верста-DAT как она приходить-PC.FUT-AFF
бол-х-ви?
 становится-PC.FUT-Q
 'Как же ей теперь придется приезжать за сорок верст?' [БА-35] (контекст: мальчик уезжает в интернат и думает о будущих посещениях матери).

- (69) *Ода мөңг-тә, зун миңһи арслң-та залу терүн-әс-н*
 теперь деньги-СОМ сто тысяча рубль-СОМ мужчина TOT-ABL-REFL
хөрн тав-и-нь өг-ч чад-ш-го
 двадцать пять-ACC-POSS.3 ДАТЬ-CV.COP МОЧЬ-PC.FUT-NEG
бол-жа-х-м-би?
 становится-PROG-PC.FUT-AFF-Q
 '(Что же получается, что) Теперь (он) богатый мужчина, со ста тысячами рублей, не сможет дать из них двадцать пять тысяч?' [ЖА-89] (контекст: после того, как будут осуществлены первоочередные расходы).

Этот тип мы назовем «эвиденциальный постпроспектив» с совмещенным миративным значением.

* * *

Таким образом, на основе комбинации причастия будущего времени со вспомогательным глаголом *бол-* в современном калмыцком образованы четыре эвиденциально-проспективные конструкции, сложным образом противопоставленные друг другу. Финитные временные формы в них соотносят с моментом речи не прогнозируемое событие, а те информационные факторы, на основе которых вынесено проспективное умозаключение; самой частотной здесь является форма (расширенного) настоящего, будущее (постпроспектив, ср. нем. Futur II) встречается значительно реже (всего два примера). В зоне прошедшего дополнительно различается характер информации, лежащей в основе умозаключения: прямая засвидетельствованность или пересказ. Наконец, две конструкции из четырех дополнительно имеют миративное расширение.

Специализированные конструкции *-x бээ-* и *-x бол-*

Структура	Значение
<i>-x + бээ-</i> <i>-x + бээ-сн</i> <i>-x + бээ-жэ</i> <i>-x + билэ</i>	Ирреальное событие – контрафактичность + инф. значимость / эмоциональная вовлеченность говорящего – контрафактичность (долженствование) + сожаление – контрафактичность / гипотетичность / вежливость
<i>-x + бол-(жа)-на</i>	Эвиденциальный проспект – провиденциальный проспект – гипотетический проспект
<i>-x + бол-с(м)н</i>	Проспектив на ренарративной базе + инф. значимость
<i>-x + бол-в</i>	Проспектив на базе прямой засвидетельствованности + миратив
<i>-x + бол-х</i>	Постпроспектив + миратив

3.7. Микросистема конструкции «РС.PRS на *-А + бээ-* ‘быть’»

Таблица 13

Микросистема конструкции *-А бээ-*

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
<i>-А + бээ-нэ</i>	9	0,45
<i>-А + бээ-с(м)н</i>	–	–
<i>-А + бээ-жэ/санжэ</i>	–	–
<i>-А + билэ</i>	1	0,05
<i>-А + бээ-в</i>	–	–
<i>-А + бээ-х</i>	2	0,1
<i>-А + бээ-дэ</i>	–	–

Сочетание причастия настоящего времени со вспомогательным глаголом *бээ-* ‘быть’, которое Гото определяет как континуатив [Гото 2009: 127], зафиксировано в нашем корпусе в трех разных временных формах. Значение двух форм – с показателем настоящего времени и прямой эвиденциальности – прозрачно и выводимо из суммы компонентов:

а. РС.PRS на *-А + бээ-нэ*:

(70) *Дүүн-ин-нь* *бээдл* *энүн-э* *санан-д* *ода* *чиги*
сестра-GEN-POSS.3 вид ЭТОТ-GEN мысли-DAT сейчас даже
бээн-э *бээ-нэ*.
быть-РС.PRS быть-PRS

‘Вид ее младшей сестры до сих пор занимает ее мысли’ [ИЛ-37].

- (71) Эндр куртл көдл-ә бәә-нә.
сегодня до работать-РС.PRS быть-PRS-1SG
'(Он) работает до сих пор' [БА-17].

б. РС.PRS на -А + билә:

- (72) Жирн насн-ан-нь туршарт Бомбржан гес-ән
шестьдесят возраст-GEN-POSS.3 в течение Б. живот-REFL
икәр өлс-к-лго эндр өдр куртл йов-а билә.
сильно голодать-CAUS-CV.NEG сегодня день до идти-РС.PRS быть:DIR.EVD
'Бомбрджан жил шестьдесят лет до настоящего времени, сильно не голодая' [БА-77].

- (73) Ура! Мана кун зооц зөө-жә ир-х
ура наш человек подарок возити-СV.COP приехать-РС.FUT
ги-жә кел-ә бәә-лә-видн.
говорить-СV.COP сказать-РС.PRS быть-DIR.EVD-1PL
'Ура! Мы же (все время) говорили, что наш человек придет с подарком' [ЭК-323].

в. РС.PRS на -А + бәә-х. В отличие от предыдущих данная форма имеет дополнительное эпистемическое значение высокой степени достоверности, при этом значение континуатива сохраняется. Ни миративного, ни эвиденциального значений у этой формы мы не встретили:

- (74) Ямаран кев-әр әмтн-ә седкл-иг авл-х-ан
какой вид-INS люди-GEN душа-ACC завоевать-РС.FUT-REFL
Леежн бас мед-ә бәә-х-го-в?
Л. тоже знать-РС.PRS быть-РС.FUT-NEG-Q
'Каким образом завоевать сердца людей, Лееджин разве не знает?' [ДБ-17].

- (75) Чи нааран [...] ир-жә. Харһ-а бәә-х-видн.
Ты сюда приехать-IMP.2SG-PROG встретиться-РС.PRS быть-РС.FUT-1PL
'Ты сюда [...] приезжай. Мы несомненно будем еще встречаться (и дальше)' [ЭК-104-5].

3.8. Микросистема конструкции «РС.PRS на -А + бол- 'становиться'»

Таблица 14

Микросистема конструкции -А бол-

Структура	Кол-во примеров в сплошной выборке	% текстовых употреблений
-А + бол-на	—	—
-А + бол-с(м)н	—	—
-А + бол-жә	—	—
-А + бол-ла	—	—
-А + бол-в	—	—
-А + бол-х	1	0,05
-А + бол-дг	1	0,05

Сочетание причастия настоящего времени со вспомогательным глаголом бол- 'становиться' было зафиксировано в нашем корпусе лишь в двух формах; в первом случае общее значение композиционально, складывается из значений фазового глагола, хаби-туального причастия на -дг и континуативного значения причастия настоящего времени на -А:

- (76) *Цаһан өвс-эр элвг төлэ-д-нь ик кезэ-н-эс*
 ковыль-INS изобильный причина-DAT-POSS.3 большой когда-GEN-ABL
нааран иигжэ кел-э бол-дг.
 сюда так сказать-PC.PRS становится-PC.HAB
 'Так стали называть с давних пор из-за обилия ковыля' [НМ-10].

Вторая форма идиоматизирована, мы рассматриваем ее как модальную конструкцию предположения (неуверенное предположение о ситуации, начавшейся в некоторый момент в прошлом и продолжающейся в момент речи):

- (77) *Савр Андрей хойр-иг ир-эд һар-си-ас ави*
 С. А. двое-INS приходить-CV.DISJ уходить-PC.PRF-ABL с
чама-г хэлһ-эд зогс-а бол-х.
 ты-ACC смотреть-CV.DISJ стоять-PC.PRS становится-PC.FUT
 'Она (бабушка), наверное, так и стоит (у окна), высматривая тебя, с тех пор как пришли и ушли Савр и Андрей' [ТА-43].

Таким образом, для двух конструкций с причастием настоящего времени и вспомогательными глаголами *бээ-* и *бол-* мы встретили как парадигматические формы с прозрачным композициональным значением, так и идиоматизированные формы с эпистемическими значениями (с причастиями будущего времени *бээх* и *болх*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, для выявления инвентаря эвиденциальных и миративных форм калмыцкого глагола мы провели анализ как финитных форм, так и массива аналитических глагольных конструкций на базе четырех самых частотных причастий в сочетании со вспомогательными глаголами *бээ-* 'быть' и *бол-* 'становиться'. Обнаружилось, что композициональных форм среди них очень мало, большинство являются идиоматизированными, а в сфере эвиденциальности задействованы только конструкции с причастием прошедшего времени на *-си*, будущего времени на *-х* и хабитуального причастия на *-дг*. Все конструкции с причастием настоящего времени на *-А* задействованы в сфере времени / аспекта и модальности; к эвиденциальной / миративной зоне не относятся также две временные конструкции с причастием на *-си* (перфект и плюсквамперфект с разными формами глагола *бээ-*) и три ирреальные конструкции, грамматикализованные из сочетания причастия на *-х* с глаголом *бээ-*.

К системе эвиденциальности / миративности в калмыцком мы относим две синтетические формы *-ла* и *-жэ* (из них первая отрицания не присоединяет вообще, а со второй оно используется очень редко) и большое количество аналитических глагольных конструкций на базе причастий. При этом обнаружили следующие группы: 1) прямая засвидетельствованность с двумя конструкциями, 2) косвенная засвидетельствованность, включающая четыре микроблока: а) общая косвенная засвидетельствованность с тремя конструкциями (индиректив с вариантами инферентив и ренарратив), б) специализированный инферентив (две конструкции), в) презумптив (две конструкции), г) эвиденциальный проспектив (четыре конструкции).

Прямая засвидетельствованность передается помимо основного синтетического показателя *-ла*, не употребляющегося с отрицанием, еще специальной конструкцией *-си болдг*. Они противопоставлены друг другу как нейтральная (*-ла*) и информационно / эмоционально нагруженная (*-си болдг*). Сюда же примыкает, с одной стороны, композициональная форма *-дг билэ*, где прямую засвидетельствованность повторяющихся действий маркирует показатель *-ла* вспомогательного глагола, с другой же – идиоматизированная отрицательная конструкция *-си уга билэ*, выражающая подчеркнутую достоверность и эмоциональную вовлеченность говорящего.

Общая косвенная засвидетельствованность (индиректив) передается двумя формами: синтетической на *-жэ* и аналитической *-си бээжэ* (с синонимическим вариантом *-си санжэ*). Обе они часто имеют миративное прочтение, при этом сообщаемая информация

получена чаще всего в результате анализа некоторых наблюдаемых фактов и логического умозаключения на их базе (инферентив), но также и от третьих лиц (пересказ / ренарратив). Презумптивное значение у этих форм невозможно. Различие между ними состоит в длительности временного интервала между реконструированным событием и сообщением о нем (аналогично соотношению перфект : плюсквамперфект). Сюда же примыкает композициональная конструкция с хабитуальным причастием + *бээж* (с синонимическим вариантом *-дг санж*), передающая повторяющиеся или длительные события, причем эвиденциальный компонент в общее композициональное значение приносит именно показатель *-ж*.

В качестве отдельных специализированных блоков подсистемы косвенной засвидетельствованности выступают инферентивные и презумптивные конструкции. В группу инферентивных входят две специальные идиоматизированные конструкции с хабитуальным причастием и с причастием прошедшего времени + элемент *бол-(жа)-на*; они противопоставлены временной референцией: ретроспективный инферентив (*-си бол-(жа)-на*) выражает реинтерпретацию или реконструкцию событий в прошлом, неожиданную для говорящего, а синхронный инферентив (*-дг бол-(жа)-на*) ориентирован на происходящие или повторяющиеся события в плане расширенного настоящего (в том числе для внутреннего времени нарратива).

К презумптивным относятся две конструкции, противопоставленные друг другу на основе (не)определенности и временной соотнесенности описываемых событий: на основании своих знаний о мире говорящий сообщает в первом случае о возможных конкретных событиях, завершенных в прошлом (*-си болх*), тогда как во втором – о неопределенных событиях (расширенного) настоящего (*-дг болх*). Первая конструкция отличается также особой информативной нагрузкой и эмоциональной вовлеченностью говорящего.

Блок эвиденциально-проспективных конструкций грамматикализован на базе сочетания причастия будущего времени и вспомогательного глагола *бол-* и включает 1) простой эвиденциальный проспектив с гипотетическим и провиденциальным прочтением, 2) проспектив на ренарративной базе с расширением «информационная значимость», 3) проспектив на базе прямой засвидетельствованности и 4) постпроспектив, последние два с митаривным расширением. Эти четыре проспективные конструкции различаются финитными временными формами, задающими временную референцию для той информационной базы, на основе которой вынесено логическое умозаключение о предстоящем событии; эта база представляет собой либо синхронно наличествующие факторы (*-х бол-(жа)-на*), либо факторы, лежащие в сфере прошлого, с дальнейшим разграничением информации, полученной от третьих лиц (*-х бол-с(м)н*), и прямо засвидетельствованных (*-х бол-в*), либо факторы, которые сами только ожидаются в будущем (*-х бол-х*).

На стыке эвиденциальности и модальности находится конструкция *-си болв*, выражающая неуверенную субъективную интерпретацию непосредственно воспринятого.

Таким образом, к эвиденциальной системе калмыцкого языка относятся две синтетические формы на *-ла* и *-ж*, а также одиннадцать специальных аналитических глагольных конструкций и три парадигматические формы с композициональным значением, в состав которых входят эвиденциальные показатели *-ла* и *-ж*. Обращают на себя внимание два факта: во-первых, многие представленные здесь эвиденциальные формы совмещают по два элементарных эвиденциальных значения (как, например, проспектив на базе прямого восприятия и т.д.), во-вторых, на фоне такой мощной дифференциации на удивление бедной оказалась зона пересказывательности. Мы полагаем, что это значение может быть представлено конструкциями на базе вспомогательного глагола *гов-*, которые тем самым должны стать объектом дополнительного исследования; после выявления и описания конструкций этого типа можно будет представить эвиденциальную систему калмыцкого языка в целом.

Из десяти специальных конструкций четыре имеют совмещенное митаривное значение: две инферентивные (*-си бол(жа)на* и *-дг бол(жа)на*) и две проспективные кон-

струкции (-х болв и -х болх); кроме того, две композиционные формы с эвиденциальным компонентом -ж (-сн бээж и -дг бээж) также могут дополнительно выражать миративное значение. Это значение передает и миративная частица -ж, которая присоединяется к сказуемым именного типа, в том числе к причастиям. Таким образом, в калмыцком языке миративность, во-первых, имеет специальное выражение в именном сказуемом, а во-вторых, регулярно выступает в качестве семантического расширения в сфере косвенной засвидетельствованности, но не имеет специализированных глагольных форм.

Минимум три формы – -ж, -дг болна и -дг билэ – несут дополнительные дискурсивные функции, анализ которых должен стать следующим шагом исследования калмыцких эвиденциальных форм.

ПРИЛОЖЕНИЕ

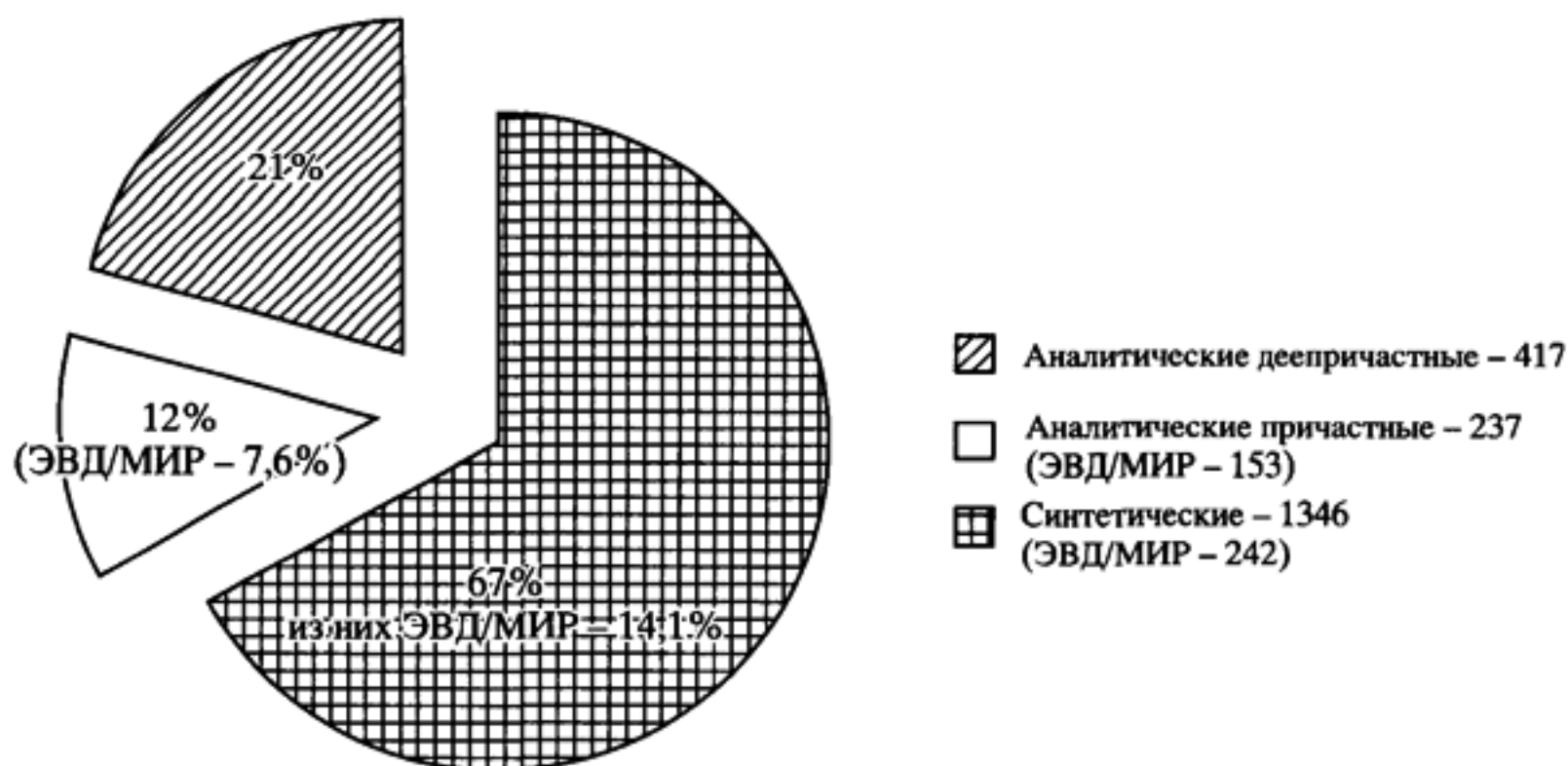

Рис. 1. Финитные глагольные сказуемые калмыцкого языка

СОКРАЩЕНИЯ

ABL	исходный падеж	INS	творительный падеж
ACC	винительный падеж	KOP	«Kopula» [Ibid.: 250]
AFF	подтвердительная частица	NA	«Narrativ» [Ibid.: 250]
AUX	вспомогательный глагол	NEG	отрицательная частица
CAUS	побудительный залог	NPF	«nomen perfecti» [Ibid.: 250]
CCO	«converbum coniunctivum» [Bittigau 2003: 249]	ORD	порядковые числительные
COM	совместный падеж	PASS	пассивный залог
COMPL	законченный вид	PC.FUT	причастие будущего времени
COP	соединительный падеж	PC.HAB	хабитуальное причастие
CV.COND	условное деепричастие	PC.POT	причастие возможности
CV.COP	соединительное деепричастие	PC.PRF	причастие прошедшего времени
CV.DISJ	разделительное деепричастие	PC.PRS	причастие настоящего времени
CV.MOD	слитное деепричастие	PL	множественное число
CV.NEG	отрицательное деепричастие	PLR	показатель глагольной множественности
CV.TERM	предельное деепричастие	POSS	лично-притяжательная частица
DAT	дательно-местный падеж	PROG	длительный вид
DL	«Dativ-Lokativ» [Ibid.: 250]	PRS	настоящее время
EMPH	эмфатическая частица	PRT.INDIR.EVD	частица косвенной засвидетельство- ванности
DIR	направительный падеж	PST	простое прошедшее время
DIR.EVD	прямая засвидетельствованность	Q	вопросительная частица
INDIR.EVD	косвенная засвидетельствованность	RECP	взаимный залог
FUT	будущее время	REFL	возвратная частица
GEN	родительный падеж	REM	«Pronomen der Ferndeixis» [Ibid.: 251]
IMP	повелительное наклонение	sg	единственное число

КОРПУС ТЕКСТОВ

БА	<i>Бадмин Алексей.</i> Мукөвүн. Элиста, 1988.
Бл.А	<i>Балакан Алексей.</i> Күн болх баһасн. Элиста, 1976.
ББ	<i>Басҗа Баатр.</i> Бумбин орн. Элиста, 1981.
БН	<i>Буурла Николай.</i> Шавта насн // Теегин герл. 2003. № 1.
ДБ	<i>Дорҗин Басң.</i> Эзн. Элиста, 1981.
ЖА	<i>Жимбин Андрей.</i> Күүнэ жирһл ним. Элиста, 1990.
ЖЯ	<i>Жамбин Ярослав.</i> Му уга – сэн уга. Элиста, 1983.
ИЛ	<i>Инҗин Лиҗ.</i> Ольдан күүкн. Элиста, 1972.
НМ	<i>Нармин Морхаж.</i> Сунһгдсн үүдэврмүдин хураңу. 2-гч боть. Элиста, 1987.
СБ	<i>Саңһҗин Бося.</i> Шуурһн. Элиста, 1983.
ТА	<i>Тачин Анҗа.</i> Буурлдан үнр. Элиста, 1986.
ХМ	<i>Хоньна Михаил.</i> Чи медхмч, Смоленскин һазр. Элиста, 1974.
ЭК	<i>Эрнҗэнэ Константин.</i> Һалан хадһл. Элиста, 1979.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1999 – *Н.Д. Арутюнова.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Бертагаев 1964 – *Т.А. Бертагаев.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964.
- Бобровников 1849 – *А.А. Бобровников.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Бондарко 1976 – *А.В. Бондарко.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.

- Гото 2009 – *К.В. Гото*. Система финитных форм прошедшего времени // С.С. Сай, В.В. Баранова, Н.В. Сердобольская (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. V. Ч. 2. 2009.
- Дораева 1979 – *Р.П. Дораева*. Прошедшее результативное время в современном калмыцком языке // Актуальные проблемы калмыцкой филологии. Элиста, 1979.
- Майсак 2000 – *Т.А. Майсак*. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // ВЯ. 2000. № 1.
- Майсак, Татевосов 2000 – *Т.А. Майсак, С.Г. Татевосов*. Пространство говорящего в категориях говорящего, или Чего нельзя сказать о себе самом // ВЯ. 2000. № 5.
- Маслова 2004 – *Е.С. Маслова*. К типологии проспектива: категория провиденциалиса в юкагирских языках // Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Мельчук 1998 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.
- Мулаева 2006 – *Н.М. Мулаева*. Лексико-грамматические средства выражения модальности в калмыцком языке (возможность, необходимость, достоверность): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006.
- Недялков, Яхонтов 1983 – *В.П. Недялков, С.Е. Яхонтов*. Типология результативных конструкций // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Ницолова 2003 – *Р. Ницолова*. Семантическая гиперкатегория «Характеристика говорящим сообщаемой информации» и ее связь с временем и лицом глагола // В.С. Храковский (ред.). Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2003.
- Панова 2004 – *Ю.Н. Панова*. Ирреалис в персидском языке: прошедшее время + // Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2004 – *В.А. Плунгян*. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Плунгян 2006 – *В.А. Плунгян*. К описанию армянской глагольной парадигмы: «темпоральная подвижность» и перфектив // Армянский гуманитарный вестник. 2006. № 1.
- Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Пюрбеев 2010 – *Г.Ц. Пюрбеев*. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 2010.
- Сай 2009 – *С.С. Сай*. Грамматический очерк калмыцкого языка // С.С. Сай, В.В. Баранова, Н.В. Сердобольская (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. V. Ч. 2. СПб., 2009.
- Санжеев 1963 – *Г.Д. Санжеев*. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
- Санжеев (ред.) 1983 – *Г.Д. Санжеев* (ред.). Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
- Скрибник, Озонова 2007 – *Е.К. Скрибник, А. Озонова*. Средства выражения эвиденциальности и миративности в алтайском языке // В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Харчевникова 1996 – *Р.П. Харчевникова*. Система глагола в современном литературном калмыцком языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.
- Храковский 2007 – *В.С. Храковский*. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Цыдыпов 1972 – *Ц.Ц. Цыдыпов*. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
- Aikhenvald 2004 – *A. Aikhenvald*. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Birtalan 2003 – *Á. Birtalan*. Oirat // J. Janhunen (ed.). The Mongolic languages. London; New York, 2003.
- Bittigau 2003 – *K.R. Bittigau*. Mongolische Grammatik. Entwurf einer Funktionalen Grammatik (FG) des modernen, literarischen Chalchamongolischen. Wiesbaden, 2003.
- Bläsing 2003 – *U. Bläsing*. Kalmuck // J. Janhunen (ed.). The Mongolic languages. London; New York, 2003.
- Bybee 1995 – *J. Bybee*. The semantic development of past tense in English // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). Modality in grammar and discourse. Amsterdam, 1995.
- Chafe, Nichols (eds.) 1986 – *W. Chafe, J. Nichols* (eds.). Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Norwood (New Jersey), 1986.

- Curnow 2000 – *T.J. Curnow*. Why 'first / non-first person' is not grammaticalized mirativity // K. Allen, J. Henderson (eds.). Proceedings of ALS2k, the 2000 Conference of the Australian linguistic society // <http://www.als.asn.au>. 2000.
- Dahl 1997 – *Ö. Dahl*. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). On conditionals again. Amsterdam, 1997.
- DeLancey 1997 – *S. DeLancey*. Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // Linguistic typology. 1997. № 1.
- Evans 2010 – *N. Evans*. The grammar of expectation. Handout from the seminar at the LMU Munich, 8 January 2010.
- Givón 1982 – *T. Givón*. Tense-aspect-modality: the Creole prototype and beyond // P. Hopper (ed.). Tense-aspect: Between semantics and pragmatics. Amsterdam, 1982.
- Guentchéva (ed.) 1996 – *Z. Guentchéva* (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.
- Guentchéva et al. 1994 – *Z. Guentchéva, A. Donabédian, M. Meydan, R. Ramus*. Interactions entre le médiatif et la personne // Faits de langues. 1994. № 3.
- Harris 1982 – *M. Harris*. The 'past simple' and the 'present perfect' in Romance // N. Vincent, M. Harris (eds.). Studies in the Romance verb. Essays offered to Joe Cremona on the occasion of his 60th birthday. London; Canberra, 1982.
- Hugjiltu 2003 – *Wu Hugjiltu*. Bonan // J. Janhunen (ed.). The Mongolic languages. London; New York, 2003.
- Ifantidou 2001 – *E. Ifantidou*. Evidentials and relevance. Amsterdam, 2001.
- Johanson, Utas 2000 – *L. Johanson, B. Utas*. Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages. Berlin; New York, 2000.
- Lazard 1998 – *G. Lazard*. L'expression de l'irréel: essai de typologie // L. Kulikov, H. Vater (eds.). Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen, 1998.
- Lazard 1999 – *G. Lazard*. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? // Linguistic typology. 1999. № 3.
- Letuchiy 2008 – *A. Letuchiy*. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность. // B. Wiemer, V.A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. München; Wien, 2008.
- Poppe 1970 – *N. Poppe*. Mongolian language handbook. Washington, 1970.
- Plungian 2001 – *V.A. Plungian*. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of pragmatics. 2001. № 33.
- Ramstedt 1902 – *G.J. Ramstedt*. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors, 1902.
- Skribnik 2003 – *E. Skribnik*. Buryat // J. Janhunen (ed.). The Mongolic languages. London; New York, 2003.
- Skribnik 2009 – *E. Skribnik*. Mirativity and the non-finite verb. Тезисы доклада на конференции: ALT VIII, Berkeley, 23–26 July 2009 (<http://lsa2009.berkeley.edu/alt8/program.html>).
- Skribnik, Seesing 2012 – *E. Skribnik, O. Seesing*. Kalmückische analytische Verbalkonstruktionen mit dem Perfektpartizip: Evidentialis und Mirativ // Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februar 2012. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264. Helsinki, 2012.
- Slater 2003 – *K. Slater*. A Grammar of Mangghuer. London, 2003.
- Sperber, Wilson 1986 – *D. Sperber, D. Wilson*. Relevance: communication and cognition. Cambridge, 1986.
- Street 2009 – *J.C. Street*. On the three past-tense endings of early Middle Mongolian // Ural-Altische Jahrbücher. Neue Folge. Bd. 23. Wiesbaden, 2009.
- Svantesson 2003 – *J.-O. Svantesson*. Khalkha // J. Janhunen (ed.). The Mongolic languages. London; New York, 2003.
- Willett 1988 – *T. Willett*. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in language. 1988. № 12.

Сведения об авторах:

Елена Константиновна Скрибник
Ludwig-Maximilians-Universität München
skribnik@lmu.de

Ольга Алексеевна Зезинг
Ludwig-Maximilians-Universität München
olga.seesing@web.de

© 2012 г. А.С. КАСЬЯН

**ОТРАЖЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ФОНЕМЫ *Ы
В СТАРОПСКОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ РАЗГОВОРНИКА Т. ФЕННЕ
КАК АРХАИЗМ***

В первой части статьи рассматриваются способы графической передачи рефлексов праславянской фонемы *ы в русско-нижненемецком торговом разговорнике, отражающем диалект Пскова начала XVII в. Предлагается следующая интерпретация фонетических рефлексов *ы: [ui] ~ [ü] в позиции после губных согласных, [ɨ] – в остальных позициях. Во второй части статьи анализируются основные случаи огубленной рефлексии фонемы *ы в славянских языках. Автор показывает, что реконструкция дифтонга *ui как стадии, предшествующей монофтонгу *i, является наиболее экономичным и системным решением.

1. ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО *Ы В РАЗГОВОРНИКЕ Т. ФЕННЕ¹

Русско-нижненемецкий разговорник, датированный 1607 г., был составлен с практическими целями ганзейским купцом Тённисом Фенне в Пскове; см. издания памятника [TF] и [Hendriks, Schaeken 2008a], текстологическое и лингвистическое исследование [Hendriks 2011]. Текст рукописи представляет собой русские слова, фразы, иногда небольшие тексты, переданные латиницей и сопровождаемые нижненемецким переводом².

* Я благодарен моим коллегам М.А. Живлову, И.Б. Иткину и Ф.Р. Минлосу (Москва), внимательно прочитавшим рукопись статьи и высказавшим ряд ценных и содержательных уточнений, исправлений и дополнений. Также за дискуссии по некоторым частным моментам я благодарю Н.А. Бондарко (Санкт-Петербург) и всех участников VII Международного семинара по балтославянской акцентологии (Москва, 07–09.07.2011), где эта статья была впервые представлена в виде доклада.

В тексте все реконструкции записываются латиницей, за исключением одной праславянской фонемы, фонетическая реализация которой и является темой исследования. Во избежание двусмысленности или же излишней громоздкости формулировок эта праславянская фонема часто записывается как *ы.

¹ Ниже ради технического удобства авторство памятника приписывается самому Т. Фенне, несмотря на то, что, конечно, двадцатилетний любекский купец был скорее только заказчиком разговорника, а имя настоящего автора (видимо, соотечественника Фенне) до нас не дошло [Hendriks 2011: 29 ff., 297 ff.]. Опять же ради удобства и сохранения традиции этот исторический персонаж именуется Фенне, хотя предпочтительное чтение его фамилии – Фонне (Fonne), см. [Ibid.: 297 ff.].

² Кроме латиницы, Фенне использовал также и кириллицу. В особенности это касается занимающего значительную часть рукописи тематического словаря (л. 31–184), где почти для каждого слова Фенне дает и латинскую, и кириллическую запись. Статус форм, исполненных кириллицей, не вполне ясен. Есть основания полагать, что такие формы смешанно отражают как фонетический облик русских слов в данном диалекте, так и стандартизованную (наддиалектную) старорусскую орфографию, а часто, вероятно, являются просто результатом механического пересчета из уже готовой латинской транскрипции. Ниже по этой и по некоторым другим причинам кириллические формы исключены из рассмотрения.

Имеются веские основания считать, что текст разговорника не является полностью гомогенным. Видимо, Фенне при работе над рукописью не только пользовался услугами некоего информанта – носителя языка, но и обращался к аналогичным словарям и разговорникам, составленным его предшественниками; см. об этом [Hendriks, Schaeken 2008b; Hendriks 2011: 57 ff., 298], а также [Bolek 1997; Хорошкевич 2000; Минлос 2001]. Тем не менее в массе своей формы и фразы, записанные Фенне, явно отражают один диалект, принадлежавший к псковско-новгородской группе (ср., например, частое окончание *nom. sg. m. -e* [Schaeken 1992], спорадическое *Kl < *Tl* [Hendriks 2011: 131 ff.] и некоторые другие характерные черты [Галинская 2002: 87]).

Базовые, т.е. наиболее частотные, соответствия между нормализованной кириллической записью и интересующей нас частью латинского алфавита Фенне таковы³:

в	ff / v ~ u
у	u / v
ю	u ~ ü
и	i
[i̇]	i ~ ÿ
ы	ÿ ~ i / ui ~ ü ~ u ~ üi

Что касается передачи *v*, то общая тенденция такова: в позиции перед согласным (любым) и на конце слова выписывается *ff*; в позиции перед гласным употребляются буквы *v*, реже *u* и еще реже *w* (подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки настоящей работы, см. также [Hendriks 2011: 89 ff.]).

Нормальной (ожидаемой) функцией букв *u* и *ü* у Фенне является передача русских [u] («у»), [ü] («ю») и [v] («в», где буква *u* конкурирует с буквой *v* и совсем редкой *w* без какого-либо бросающегося в глаза правила распределения). Приведем статистику по использованию букв *u* и *ü* для передачи [u] («у») и [ü] («ю»):

- *u* для «у» (*passim* в неначальной позиции⁴)
- *ü* для «у» (1×?)
- *u* для «ю» (*passim*; например, *ludÿ* «люди»)
- *ü* для «ю» (22×; например, *vgrÿm* «угрюм»)

В нижненемецком тексте Фенне использует букву *ÿ* еще более редко (15×) и непоследовательно, но обычно для форм Фенне с буквой *ÿ* имеются современные нижненемецкие диалектные соответствия с огласовкой вида [ü]. Например, *dÿnn* «тонкий» (совр. н.-нем. *dünne*, *dönn*, совр. в.-нем. *dünn*), *bestÿr* «препятствовать» (совр. н.-нем. *stören*, совр. в.-нем. *steuern*) и т. п., см. также [Prowatke 1988: 127–128]. Такое смешение ганзейской орфографии (где буква *ÿ* стандартно не использовалась) и верхненемецкой нормы (с обычным употреблением *ü* для [ü]) объясняется поздним характером памят-

³ Знак «~» в таблице означает, что какое-либо очевидное распределение между графическими вариантами отсутствует. Знак «/» обозначает наличие распределения или очевидной тенденции к распределению.

⁴ В начале слова для [u] «у» используется латинское *v*, что совпадает с аналогичной дистрибуцией в средненемецком тексте, где [u] обычно передается как *v* в начальной позиции и как *u* в неначальной [Prowatke 1988: 122 ff.]. Так как орфография нижненемецкого текста была для Фенне очевидным образом первична, нет оснований видеть в регулярных написаниях вроде *vmeiu* «умею» отражение псковско-гдовского диалектного перехода *uC- > wC-* (например, *вмею*, см. о таких формах [Галинская 2002: 98, с лит.]), вопреки [Глускина, Большакова 1988]; другие контраргументы см. в [Hendriks 2011: 133–134].

ника. Очевидно, что буква *ÿ* означала для Фенне в первую очередь звук типа [ü], т.е. достаточно близкий эквивалент русского [ü] «ю».

Нормальной функцией буквы *ÿ* (простая буква *y* используется только в записи нескольких текстов на латинском и польском языках в начале и конце рукописи) в орфографии Фенне является передача [ɨ], [i] и весьма редко [i]⁵ без какого-либо бросающегося в глаза распределения с буквой *i*. Примеры на *ÿ* многочисленны: *maÿ* «май» (месяц) 35.7, *korovÿi* «коровьи» 111.6, *tÿ* «ты» *passim*, *polÿn* «попынь» 65.19, *prityÿ* «прийти» 203.16 и т. п. Сюда же примыкают частотные случаи вроде *romÿislenÿ* «помысленный» 401.7 или *belÿi* «белые» 112.4, где лигатура *ÿ* (< *i + j*) случайно выступает в своей исторической функции как [ɨi], или же *taÿt* «таить» 331.14, где *ÿ* = [ii]. Можно сказать, что в целом Фенне старался использовать *ÿ* для записи звуков / комбинаций звуков типа [i], но не собственно [i]. В нижненемецком тексте схожая ситуация: стандартная функция буквы *ÿ* – передача [i] и [ɨ], см. [Prowatke 1988: 119–120, 126, 128–129, 142].

В свою очередь, нормальной (ожидаемой) функцией сочетания букв *u/ü* с *i/ÿ* является передача [ui] «уй», [uii] «уи», [üi] «юй», [vi] «ви» (о передаче сочетания «вы» см. ниже). Примеры многочисленны: *ruschuii* «русскую», *nogui pottka* «ногуй-птица» (грифон), *romiluit* «помилует», *musquitin* «москвитин» (москвич), *louitt* «ловить» и т. д.

В нижненемецком тексте Фенне использует сочетание *u/ü* с *i/ÿ* редко: *ui* (12×), *uÿ* (1×). Во всех случаях подобное сочетание передает [wi]: например, *scheuich* «ветхий» (совр. н.-нем. *scheevsch*, совр. в.-нем. *schäbig*), *suluige* «сам» (совр. н.-нем. *sülvig*, совр. в.-нем. *selbig*) и т. п.⁶

Что же касается *y*, то в диалекте, описанном Фенне, славянское **y* в общем случае дает монофтонг вида [ɨ], но в позиции после губных согласных – дифтонг вида [ui].

Графически **y* после губных согласных передается следующим образом (не учитываются императивные формы глагола *быть*, о которых см. ниже):

- *ui* (135×, 18 морфем⁷; например, *buik* «бык»)
- *ü* (66×, 6 морфем⁸; например, *kabüla* «кобыла»)
- *u* (50×, 9 морфем⁹; например, *tulno* «мыльна» 'баня')
- *üi* (19×, 5 морфем¹⁰; например, *müita* «мыта» 'налог')
- *uÿ* (3×, 3 морфемы¹¹; например, *kabuÿ* «кабы»)
- *ÿÿ* (1×; исправление *mÿÿser müisel* «мысль»)

Очевидных правил распределения между перечисленными графическими вариантами не прослеживается, хотя некоторые закономерности можно вывести: например, перед следующим смягченным согласным или на конце слова чаще выписывается ди-

⁵ О *ÿ* = [i] см. [Крысько 2006: 101] (со статистически неверным утверждением об «обычности» *ÿ* в значении ударного [i] не в соседстве с [i]).

⁶ В ранней средненижненемецкой графике буквенное сочетание *ui* может использоваться для передачи *ÿ* [Peters 1973: 86], но это, конечно, не случай Фенне (хотя см. ниже раздел исключений о редком графическом *ui* на месте русск. «у»/«ю»).

⁷ *мысл-/мышл-* («мыслить» и т. д.), *мыт-* («мытарь»), *смык-/измык-* («смычник», «змычен»), *быстр-* («быстр»), *пыл-* («пыль»), *мыш-* («мышь»), *бык-* («бык»), *копыт-* («копыто»), *вы-* (приставка), *быг-* («выбыгмо» 'высушенный лен'), *мы-* («мыться»), *мыл-* («мыло»), *бы-* («быть» и т. д.), *быт-* («убыток»), *-бы* («как бы» и т. д.), *мы* (местоим.), *вы* (местоим.), а также *плы-* («проплывать» 1×).

⁸ *кобыл-* («кобыла» и т. д.), *бык-* («быковинный»), *бы-* («был», «добывать» и т. д.), *быт-* («убыток» и т. д.), *обыч-* («обычай» и т. д.), *шпын-* («шпынь»).

⁹ *мысл-/мышл-* («промысел» и т. д.), *мыт-* («промыта» 'пеня'), *мы-* («рукомыйник»), *мыл-* («мыльна»), *бы-* («быть» и т. д.), *быт-* («убыток» и т. д.), *обыч-* («обычай» и т. д.), *мы* (местоим.), *пыт-* («пытаю» и т. д.).

¹⁰ *мысл-* («мысль» и т. д.), *мыт-* («мыта»), *мы-* («мыть»), *бы-* («сбыть» и т. д.), *-бы* («что бы» и т. д.).

¹¹ *измык-* («измыкать»), *-бы-* («забыть»), *-бы* («кабы»).

фтонг, чем монофтонг¹². Видимо, все эти графические варианты отражают одну и ту же дифтонгоидную фонему вида [ui], которая может стягиваться во что-то вроде [ü] в определенных сегментных, акцентных или фразовых позициях или же при беглом произношении. Ниже эта фонема будет обозначаться как /ui/.

В других позициях (т. е. не после губных согласных) *ы передается как *i* или *ÿ* (passim; например: *sin* «сын», *tÿ* «ты» и т. п.).

Указанное выше правило рефлексии *ы как /ui/ (т. е. [ui] или [ü]) проводится в орфографии Фенне весьма последовательно (со статистической точки зрения), однако есть и ряд исключений:

1) нелабиализованный рефлекс *ы после губных:

- местоименная форма *мы* чаще пишется как *mÿ* (59×) – против регулярных *mi* (14×), *mi* (1×). Вероятное объяснение: базисное местоимение *mÿ* было для Фенне орфограммой, усвоенной из каких-либо письменных источников, которыми купец пользовался при изучении русского языка¹³. На орфографический характер написания *mÿ* недвусмысленно указывает тот факт, что при высокой частотности *mÿ* Фенне ни разу не использует статистически ожидаемое написание ***mi*.

- корень *мык-* ('открыть, закрыть') всегда выписывается через *mi*: *ne samikai* «не замыкай» (1×), *samikatt* «замыкать» (1×), *otominuta* «отомыкнута» (отомкнута) (1×), *otomine* «отомыкни» (отомкни) (1×). Такая последовательность в передаче данного корня (отсутствие написаний *mÿ-*) могла бы говорить о его особом фонетическом облике – *мик-*, хотя никакие другие источники русского языка как будто не подтверждают здесь огласовку *i*¹⁴.

- энклитическая частица *бы* в составе союза «чтобы» в половине случаев выписывается через *i/ÿ*: *tztobi* (4×), *stobi* (1×), *tzto bÿ* (1×). Ср. регулярные формы: *chto büi* (1×), *sztobüi* (1×), *stobüi* (1×), *tztobui* (2×), *stobui* (1×).

- Форма *popÿtat* «попытать» (1×). Но ср. регулярные *putaies* «пытаешь» (2×), *putalli* «пытал» (4×), *putai* «пытай» (2×), *putaia* «пытаю» (sic, 1×), *poputat* «попытать» (2×), *vÿputal* «выпытал» (1×).

2) лабиализованный рефлекс *ы не после губных:

- *lus* «лыс» (1×) в сочетании *konni lus* (ср.-н.-нем. *de perde bleß* 'белая отметина на лбу у лошади', см. [Schiller, Lübben 1875–1881, 1: 356]). Псковск. *lus*, видимо, представляет собой субстантив м. р. *лыс* 'белое пятно на лбу животного', производное от русск. диал. *лысый* 'имеющий светлое пятно на голове или морде' [ПОС 17: 251] (это существительное как будто не отмечено в других русских источниках именно с таким значением, но имеет точные параллели в ряде славянских языков: серб.-хорв. *lís*, польск. диал. *lys* и др. [ЭССЯ 17: 48]). То есть *konni lus* = *конный / конный лыс* (см. [ПОС 15: 167] о прилагательном *конный / конный* в функции литературного *конский*)¹⁵.

- *golusniva* 'проплешина (на беличьей шкуре)' (1×). В [Зализняк 1998: 251] интерпретируется как *голызнива* (ср. диал. уральск. *голызина* 'проплешина на меховой

¹² Наблюдение И.Б. Иткина (устное сообщение).

¹³ Об образованности Фенне, его интересе к грамматике и вообще об общей системности его мышления свидетельствуют «грамматический» раздел разговорника (л. 131–184) и грамматические таблицы на л. 131–132, 145–155, 457, 545–566, сопровождаемые латинской номенклатурой. «Грамматические» разделы присутствуют и в других известных разговорниках, восходящих к тому же протографу, однако же они более краткие, чем у Фенне (см. [Hendriks, Schaecken 2008b: 222–224]), и при отсутствии контраргументов можно считать, что автором «грамматического» раздела был в значительной степени сам Фенне.

¹⁴ Интересно, что у Фенне этот корень противопоставляется второму русскому корню *мык-* 'теребить', последний регулярно выписывается с [ui] < *ы: *smuitzenik* «смычник» 'скрипач' (1×), *smuitzen* «измычен» 'помят, потаскан' (1×), *smiÿkatt* «измыкать» (1×).

¹⁵ В [TF 3: 136] предлагается интерпретация *лысь* (ж. р.), что явно хуже и морфологически, и синтаксически. В [TF 2: 54] *konni lus* интерпретируется как *конь лыс* (сочетание с прилагательным), что также неудачно.

шкуре' и прочие производные от *голыз-* [СРНГ 6: 345]), однако, наверное, можно предположить и исходную форму *голушнива* от **голуха* или **голуша* (в конечном итоге к тому же корню *гол-* 'голый').

- *malumi* «малыми» (1×).
- смешением падежей объясняются написания *toi tzeni* «той цены» (4×) и *besz meru, bes meru* «без меры» (2×). Иногда встречающееся написание итеративного суффикса *-ыва-* как *-ива-* также явно отражает морфологию, а не фонетику: *otmanuvat* «обманывать» (2×), *skasival* «сказывал» (5×) – суффикс здесь должен интерпретироваться как [ova] (буква *и* на месте *о* очень часто встречается у Фенне), ср. *otzenovat* «оценивать» 390.9.

3) графическое *ui* на месте русск. «у» ~ «ю» (8×):

- для «у» после губных: *besz tuiki* «без муки» (1×), *vuitri* «в утре» 'утром' (1×), *puiste* «пуст» (1×), *viszbui* «в избу» (1×).
- для «ю» в различных позициях: *kluitza* «ключа» (1×), *ffzui notz* «в сию ночь» (1×), *bluil* «блюл» (2×).

4) другие случаи:

- *ot tzenui* «от цены» (1×) – очевидная форма **ot tzeni*, искаженная под влиянием формы асс. sg. *tzeni*, неоднократно повторяемой в этой части разговорника.

Не должны считаться исключениями следующие системные случаи:

- /ui/ (т.е. графическое *ui, üi, ü*) на месте русск. «у» в императивной форме глагола *быть* (и императивных формах соответствующих префиксальных глаголов): *buit* «будь» (4×), *buitt* «будь» (3×), *büit* «будь» (1×), *sabuidi* «забудь» (1×), *sabuitt* «забудь» (1×), *dabüt* «добудь» (2×). При этом формы настоящего (т.е. будущего) времени от этих глаголов выписываются через регулярное *u*: *budu* «буду» (11×), *budes* «будешь» (4×), *budett* «будет» (6×), *budet* «будет» (53×), *buden* «будет» (sic; 1×), *bude* «будет» (4×), *budem* «будем» (2×), *budeti* «будете» (1×), *budut* «будут» (1×), *sabudett* «забудет» (1×), *sbudis* «сбудешь» (1×), *sbuditzi* «сбудется» (1×), *dabudu* «добуду» (6×), *dabudes* «добудешь» (1×), *pribudet* «прибудет» (1×). Такое статистическое распределение по грамматическим формам говорит о том, что в случае императивов вида *buit* «будь» мы имеем дело не с ошибками Фенне, а с неким морфологическим процессом: императив *будь* выровнял свою огласовку по вокализму инфинитива *быть* (если принять, что конечный *-i* уже отпал и в инфинитиве *быть*, и в императиве *будь*, то можно считать, что у бытийного глагола в функции императива использовался инфинитив). Наконец, упомянем императивную форму *sabuidi* «забудь» (1×), которая, как теперь видно, представляет собой не стандартное *забудь*, а *забыдь* (о частотной передаче **ы* буквой *и* с фонетическим значением [ü] см. выше)¹⁶.
- превалирующее написание *vü* (passim) или *vi* (18×) на месте русского «вы»: *vüdra* «выдра», *vüsoko* «высоко», *visokumliff* «высокоумлив», *vinum* «в ином» и т. п. Поскольку в орфографии Фенне буква *v* использовалась и для передачи [u] перед

¹⁶ По данным [ПОС], императивы *быдь* и *быдьте* употребляются и в современном псковском диалекте. В первую очередь они характерны для формул «будь добр / дорогой / золотой» (формы вежливой просьбы) и «будь здоров». Примеры на *быдь добрый / добре / доп / добренький, быдьте добры / добрыми* см. в [ПОС 9: 84, 90], а также в других статьях: *быть добрый, выреш мне волосы 'подстриги меня'* [ПОС 6: 49], *быдь добрая, дай граблiшак 'грабли'* [ПОС 7: 168], *быть дърага, дай троицку 'трёшку?'* [ПОС 9: 166], *Колинька, быть ты золотой, скампасируй 'прокомпостируй' мне билет* [ПОС 13: 94] и т. д. Примеры на *быдь здоров!* см. в [ПОС 12: 302, 304]. В иных контекстах: *а таперь, быть хыть нишиий, могиш выучыцца 'получить образование?'* [ПОС 2: 238], *ня быть я, што буду ф такой мзги 'грязи' жыть* [ПОС 18: 216]. Также частотна огласовка *ы* в морфеме *-нибудь*, образующей неопределенные местоимения, ср. *кто-нибыдь* [ПОС 16: 307], *коли-небыть* [ПОС 14: 375], *гди-нибыдь* [ПОС 4: 33 sub *вишеньюг*] и т. п. Употребление таких императивов преимущественно в формульных выражениях и застывших морфологических контекстах должно говорить об архаизме, а не об инновации.

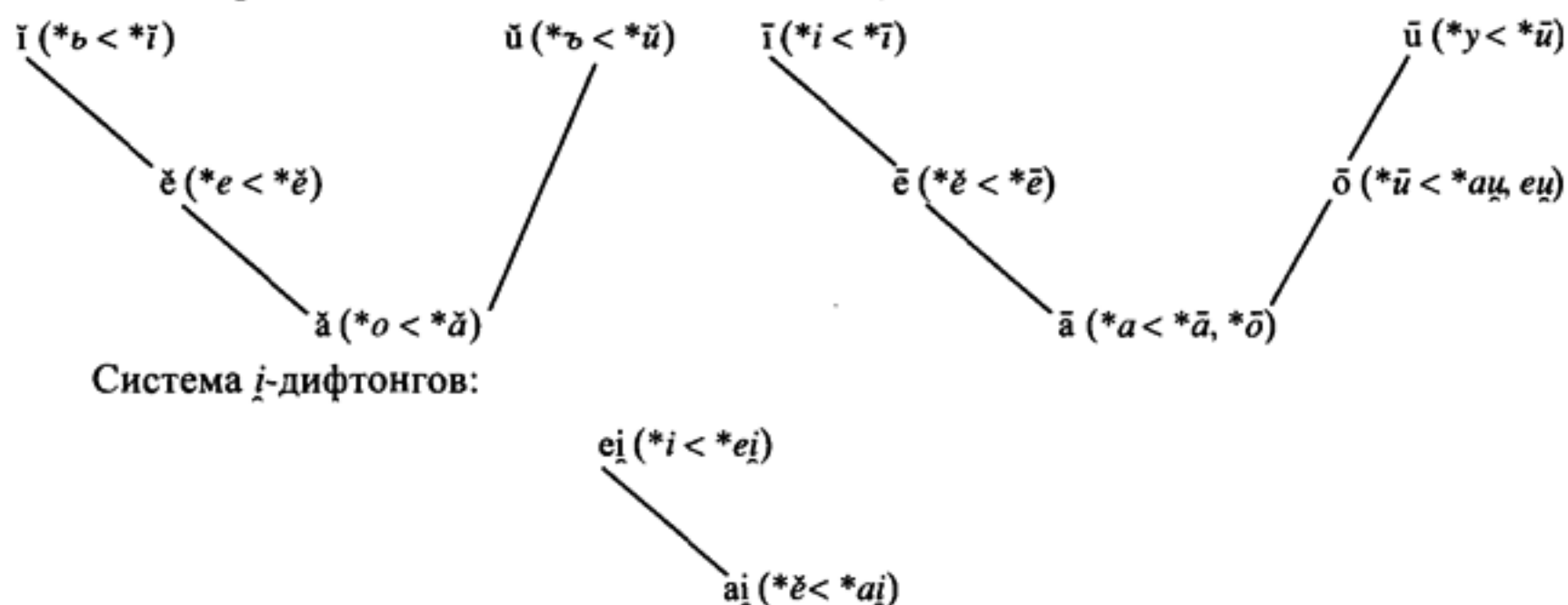
гласной, то нет нужды считать, что в позиции после [w] рефлекс *ы имел неогубленный характер. Ср. и редкие написания через *vui/wui* (4×): *vuipregai* «выпрягай», *viikinut* «выкинем», *vui* «вы», *wiibuikta* «выбыгмо». Логично предположить, что губной компонент [ui] перед [w] звучал более слабо, сливаясь с предшествующим сонантом, и Фенне считал плеонастическим выписывать в таких случаях *vui*.

- передача именных флексий gen. sg. f., nom. pl., acc. pl. через букву *i* или *ŷ* в основах на губные: *rŷbi* «рыбы» (gen. sg.), *dumi* «думы» (gen. sg.), *subŷ* «зубы» (nom. pl.), *krupi* «крупы» (nom. pl.) и т. п. Можно считать, что у всех именных основ уже общилась «наддиалектная» флексия *-ы*.

2. МЕСТО ФОНЕМЫ *Ы В СИСТЕМЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО ВОКАЛИЗМА

Представляется, что славистика накопила уже достаточно данных, чтобы переформулировать традиционную систему праславянского вокализма¹⁷ на момент перед выделением так называемых кривичей в отдельный диалектный кластер (т.е. на начало – середину 1-го тыс. н. э.¹⁸).

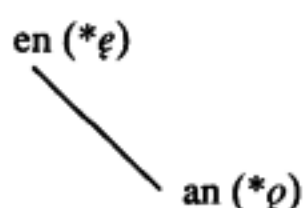
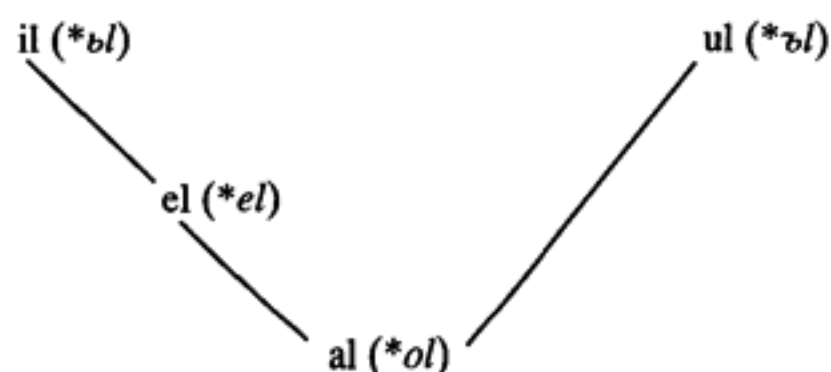
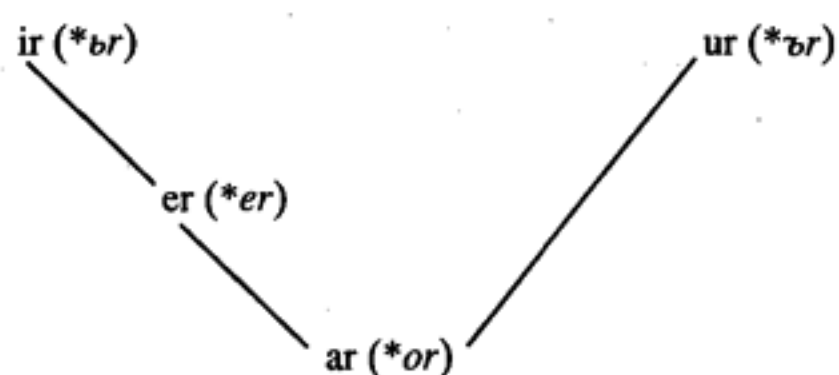
Фонологически система праславянских монофтонгов состоит из двух почти симметричных треугольников стандартного вида, противопоставленных по признаку долготы–краткости (в скобках указаны традиционные славистические обозначения, а после знака перехода – балто-славянские этимоны).

¹⁷ Традиционные таблицы праславянских гласных фонем см., например, в [Нахтигал 1963: 65] или [Sussex, Cubberley 2006: 111].

¹⁸ Продуктивной представляется гипотеза о том, что древнейшие славянские языковые контакты с прибалтийско-финскими племенами (в [Николаев, Хелимский 1990/2000: 331] предлагается дата VI–VII вв. н. э. или несколько позже; в [Кулешов 2010] – VII–X вв. н. э.) отражают уже специфические «пракривичские» фонетические или морфологические черты, что, однако, сегодня нуждается в дополнительном обосновании. Речь обычно идет о различии старых *o*- и *u*-основ (> прибалт.-финск. **-a* vs. **-u*), отсутствии «второй» палатализации и рефлексации **Tl* как *Kl*. Необходимо иметь в виду, что, строго говоря, все эти феномены могут быть объяснены и исходя из непосредственно «общеславянского» языкового состояния. Передача темы у славянских *o*-основ (точнее: у **ǎ*-основ) как прибалт.-финск. **-a* точно соответствует праславянской фонетике; изоглосса «второй» палатализации производит впечатление позднего и не общеславянского явления (от сценария В. Вермеера следует, видимо, отказаться, см. ниже сноску 25), а развитие *Tl* > *Kl* имело место и внутри собственно прибалтийско-финских, как показывает материал германских заимствований, см. [SSA 2: 185 sub *tuula*]. В связи с последним утверждением интересно отметить, что исходя из теории языковых контактов это развитие (внутри более обширной «циркумбалтийской» изоглоссы *Tl* > *Kl*) можно было бы считать прибалтийско-финским явлением, усвоенным «пракривичским» диалектом в процессе перехода субстратных прибалтийско-финских племен на соответствующий восточнославянский язык (подробнее о теоретическом аспекте контактов между финно-угорскими и славянскими языками см. [Thomason, Kaufman 1988: 238–251]).

Системно как дифтонги следует трактовать сочетания вида *VR*:

Схожие (но не идентичные) формулировки праславянских монофтонгов предлагались еще в середине прошлого века, см. [Mareš 1956; 1965] и в особенности [Kiparsky 1963: 82] (хотя В. Кипарский постулировал подобную систему для «прарусского», а не праславянского как такового). Далее об этом см. [Shevelov 1964], многочисленные статьи Г. Хольцера, например [Holzer 2003], [Кулешов 2010] и обзор литературы в [Ваахтера 2009: 69 и сл.]. Фактически идентичная вышеприведенной табличная интерпретация уже дается в новой исторической грамматике сербохорватского языка [Matasović 2008: 113].

Комментарии к схемам

2.1. Легко видеть, что в предлагаемой выше формулировке праславянская система гласных обладает не слишком существенными отличиями от вокализма балто-славянской эпохи. Фонологически значимыми инновациями являются совпадение долгих $*\bar{o}$ и $*\bar{a}$ в неогубленном $*\bar{a}$ ¹⁹, стяжение *и*-дифтонгов в $*\bar{o}$, а также упрощения в подсистеме сочетаний *VN*: балто-слав. $*in, it, en, et >$ слав. $*en$, балто-слав. $*in, it, an, at >$ слав. $*an$.

2.2. Статус редких фонем $*\bar{r}$ (окончание gen. pl.), $*\bar{a}$ ($>$ «кривичское» окончание nom. sg. m. $-e$ у старых $*o$ -основ) и $*\bar{e}$ (носовой ять) дискуссионен. Так как эти фонемы постулируются в первую очередь для объяснения некоторых флексий именной парадигмы, представляется более правильным не усложнять фонемный инвентарь праславянского языка, а реконструировать для данных флексий некие сочетания вида *VC#*, которые упростились различными путями уже в отдельных славянских диалектах как следствие ареальной изоглоссы «открытых слогов».

¹⁹ В раннем праславянском, впрочем, оппозиция между континуантами балто-славянских $*\bar{o}$ и $*\bar{a}$ еще присутствовала [В. Дыбо 2004: 96 и сл.].

2.3. Долгота монофтонгов. Типология вокалических систем с противопоставлением по долготе подсказывает, что вряд ли различия между кратким и долгим треугольниками сводились только к количественным характеристикам. Видимо, существовали и тембровые различия (например, краткие гласные артикулировались ближе к центру). Но главный вес в **фонологической** оппозиции имело именно бинарное противопоставление по долготе.

Такая квантитативная формулировка вокализма поддерживается:

- 1) внешним сравнением (ср., например, слияние и.-е. **ǫ*, **ǭ* > **ǭ* в ближайших к славянской семьях – балтийской, индоиранской, германской);
- 2) внутренней славянской морфонологией (например, вокалические пары, образующиеся при ступени продления) и акцентной реконструкцией (см. многочисленные работы В.А. Дыбо, например [В. Дыбо и др. 1990; 1993]);
- 3) данными заимствований между древними славянскими и соседними языками. См. [Kiparsky 1934; 1975], беглые обзоры в [Shevelev 1964: 152 ff.; Holzer 2002: 553], а также [Vaillant 1964: 31 ff.; Ваахтера 2009: 72]. Подробнее о заимствованиях из германских языков в славянские и в обратном направлении см. [Kiparsky 1934; Bellmann 2004; Pronk-Tiethoff 2010, с лит.]; из паннонского в старовенгерский – [Хелимский 1988/2000; Stachowski 2009]; из восточнославянских в прибалтийско-финские – [Kalima 1956; Кулешов 2010; Plöger 1973; Bjørnflaten 2006; Holzer 2006; Kallio 2006]; между восточнославянскими и балтийскими – [Skardžius 1931; Holzer 2006, с лит.]; из тюркского в южнославянский – [А. Дыбо 2011]; из славянского в среднегреческий – [Vasmer 1941/1970; Kiparsky 1934: 124 ff.; Тохтасьев 1998; Тохтасьев (в печати); Skach 2008; Budziszewska 1991]; из славянского в раннеалбанский – [Svane 1992; Ylli 1997; 2000; Orel 1998];
- 4) стяжение *ь + о > а* в берестяных грамотах и других памятниках псковско-новгородского ареала, т.е. случаи с проклитиками вроде *в асьмыи* «в восьмой», см. [Зализняк 1993: 260–263; 2004: 74] (возможно, через промежуточную стадию *о + о*, которая также отмечена в псковско-новгородских источниках).

Есть и другие примеры, автор не ставит целью обозреть все прямые или косвенные свидетельства.

В истории отдельных славянских языков долготные различия утрачивались, а основной фонологический вес переносился на тембровые характеристики. Процесс этот, однако, носил постепенный характер и протекал в славянских диалектах не синхронно. Заимствования из тюркского или в старовенгерский показывают, что квантитативная характеристика была главным фонологическим признаком в некоторых восточно- и южнославянских диалектах еще в начале 2-го тыс. н. э. Можно предположить, хотя это и нуждается в отдельном обосновании, что в каких-то языках процесс утраты старого квантитативного противопоставления следовал за падением «редуцированных» (которые были в абсолютном измерении сверхкраткими – закрытые гласные стандартно имеют более краткое произношение, чем средние или открытые).

2.4. *i*-дифтонги. Во всех известных славянских языках рефлексы дифтонгов **ai* и **ei* совпали с рефлексами **ē* и **ī*, однако особый фонологический статус праславянских дифтонгов **ai* и **ei* подтверждается несколькими группами фактов.

- 1) Как продемонстрировано в [Кулешов 2010], в «раннекривичском» диалекте (2-я пол. 1-го тыс. н. э.) рефлекс дифтонга **ei* имел вид *ē*, противопоставляясь, с одной стороны, закрытому *ī* (< **ī*), а с другой, открытому *ē* (< **ē*, **ai*). Такая тройная оппозиция передних долгих монофтонгов *ī* : *ē* : *ē* следует из передачи восточнославянских заимствований в прибалтийско-финских языках. Ср. примеры

В.С. Кулешова²⁰: прибалт.-финск. **sīvat:a* 'домашний скот'²¹ (~ русск. *живот*) : прибалт.-финск. **mēro* 'мир, община'²² (~ русск. *мир*) : прибалт.-финск. **mārā* 'мера'²³ (~ русск. *мера*) и т. п.²⁴

- 2) В заимствованиях из готского (1-я пол. 1-го тыс. н. э.) гот. *ai* регулярно адаптируется как звук, совпадающий со славянским континуантом балто-славянского дифтонга **ai* [Kiparsky 1934: 285–286; Shevelev 1964: 289].
- 3) Засвидетельствованные псковско-новгородские диалекты [Николаев 1988: 141 и сл.; Зализняк 2004: 41 и сл.] и, вероятно, некоторые славянские формы в среднегреческих текстах 2-й пол. 1-го тыс. н. э. [Тохтасьев 1998: 46] показывают, что «вторая» палатализация не была праславянским (общеславянским) процессом. Иными словами, дифтонг **ai* длительное время сохранял свою непереднюю артикуляцию, не вызывая регрессивного смягчения заднеязычных, а после повсеместного стяжения **ai* в долгий передний монофтонг возникшая изоглосса упереднения новообразовавшихся смягченных заднеязычных («вторая» палатализация), видимо, захватила только основную часть славянской территории, не затронув «пракривичский» диалект²⁵.

²⁰ Необходимо пояснить, что здесь и далее приводимые вслед за [Кулешов 2010] прибалтийско-финские реконструкции являются фантомными. С точки зрения хронологии и особенно ввиду фрагментарной представленности данных слов в современных прибалтийско-финских языках и не всегда регулярных фонетических соответствий правильнее было бы считать, что мы имеем дело не с заимствованиями непосредственно в прибалтийско-финский праязык как таковой, а с несколько более поздними лексическими проникновениями, распространявшимися по цепочке из одного прибалтийско-финского диалекта в другой. Однако базовая прибалтийско-финская система фонетических соответствий в данной группе слов до известной степени действует, что делает отчасти оправданным в этом пункте изложения давать ради краткости прибалтийско-финский материал в виде реконструкций, а не набора современных форм из отдельных языков.

²¹ Формы см. в [SSA 3: 178; Kalima 1956: 39].

²² Формы см. в [SSA 2: 166; Kalima 1956: 39].

²³ Формы см. в [SSA 2: 196; Kalima 1956: 38].

²⁴ Характерные широкие рефлексы *ъ* в современных «кривичских» диалектах [Николаев 1990: 55, 60] (отраженные и в письменных памятниках 2-й половины 2-го тыс. [Галинская 2002: 84 и сл.]) объясняются исходным противопоставлением трех передних гласных в системе «пракривичского» вокализма.

²⁵ Решающим доводом в пользу такого сценария была бы представительная подборка поздних заимствований с исходными заднеязычными перед передними гласными, но не перед **ai*, где псковско-новгородские варианты сохраняли бы *k, g, x*, а другие славянские диалекты имели бы *c, ʒ, s'*. Здесь подразумеваются формы вроде гапакса асс. sg. *къркъвъ* 'церковь' в новгородской минее XIII в., РНБ, Соф. 204, 68 лиц. [Срезневский 1893–1903, 1: 1341] (удивительно, но как раз в бытовых берестяных грамотах основа **къркъзы* ~ **къркы* до сих пор не отмечена). Контекст флексии *pot. sg. m. -e*, к сожалению, не является вполне доказательным, так как нам неизвестно, в какой момент развития псковско-новгородских диалектов эта фонема стала смягчающей. Теоретически можно считать, что в конце 1-го – начале 2-го тыс. данная флексия имела вид несмягчающего [э], лишь позже совпав с частотной фонемой /e/ (особое поведение группы *ТьrT* перед данной флексией или написание самой флексии через *-а* однозначно указывают на смягчение предшествующей согласной, по крайней мере, уже в XIV в. [Зализняк 2004: 75–76, 102], в современных же диалектах это окончание выглядит как [-'é] / [-'э], см., например, материал в [Honselaar 1997]).

В. Вермеер (см. в особенности [Vermeer 2000: 17 ff.], а также [Зализняк 2004: 45, 47]) полагает, что «вторая» и «третья» палатализации представляли собой единый процесс, а отсутствие эффекта «второй» палатализации в псковско-новгородских диалектах объясняет тем, что «пракривичский» на тот момент еще удерживал дифтонг **ai*. Несмотря на отсутствие положительных свидетельств одномоментности «второй» и «третьей» палатализаций, сценарий Вермеера, безусловно, весьма экономично описывает славянское развитие. Тем не менее сформулируем более полно один из аргументов Г. Ланта [Lunt 1989] против точки зрения Вермеера: заимствования из «пракривичского» в прибалтийско-финские показывают, что во 2-й пол. 1-го тыс. н. э. **ai* и **ē* уже совпали в переднем монофтонге (> прибалт.-финск. **ā*), ни одного указания на сохранение **ai* в данном корпусе примеров не находится. Таким образом, по Вермееру, «вторую» палатализацию (предшествующую дифтонгизации **ai*) следовало бы удревять и относить, по крайней

- 4) Некоторые разрозненные иноязычные свидетельства указывают на то, что *i*-дифтонги сохраняли свой дифтонгический характер еще во 2-й половине (или даже в конце) 1-го тыс. н. э., см. [Shevelov 1964: 289].

2.5. **ǫ* (*u*-дифтонги). Во всех известных славянских языках основным рефлексом дифтонгов **au* и **eu* является монофтонг верхнего подъема [u] ([ū]), однако ряд фактов указывает на то, что раннепраславянские *u*-дифтонги стягивались в долгий монофтонг, который первоначально был ближе к кардинальному гласному *ō*, чем к *ī*.

- 1) Все тот же пласт восточнославянских заимствований в прибалтийско-финские (2-я пол. 1-го тыс. н. э.) показывает, что в «раннекривичском» диалекте рефлекс *u*-дифтонгов имел вид *ō*, противопоставляясь закрытому *ī* (= **ы*, о чем см. ниже 2.6). Например, прибалт.-финск. **kōta* ‘крестный’²⁶ (~ русск. *кум*), прибалт.-финск. **jōta* ‘блюдо’ (~ русск. *блюдо*) и т.д., примеры достаточно многочисленны, см. [Kalima 1956: 42] и в особенности [Кулешов 2010]. Такая же субституция наблюдается и при обратном направлении заимствования (русск. *Сумь* < прибалт.-финск. **sōmi*²⁷).
- 2) Запись *iopan* ‘жупан’ в документах Кремсмонстерского монастыря (территория современной Австрии, 777 г.) [Holzer 2001: 40; Skach 2008: 132].
- 3) В германских заимствованиях, по крайней мере, до середины 1-го тыс. н. э. (а, вероятно, и во 2-й пол. 1-го тыс.) герм. **ō* регулярно адаптируется как звук, совпадающий со славянским континуантом балто-славянского дифтонга **au*, см. [Kiparsky 1934: 285] (например, русск. *мур-ин*, польск. *murz-yn* ‘мавр’ и т.д. < др.в.нем. *mōr*).
- 4) Аналогично и в заимствованиях из балканской латыни (2-я пол. 1-го тыс.) *ō* языка-источника адаптируется как звук, совпадающий со славянским континуантом балто-славянского дифтонга **au*, см. [Shevelov 1965: 276].

Интересно, что иноязычный дифтонг вида *au/ou* мог адаптироваться как слав. **ō* еще и во 2-й пол. 1-го тыс. н. э. Речь, видимо, идет о трех случаях:

- 1) Современные словенские топонимы *Ptuj*, продолжающий лат. *Poetovio* [Snoj 2009: 336], и *Batuje*, продолжающий латинизированный топоним неясного происхождения, известный из источников XI в. как *Batavia*, *Buttavia* [Ibid.: 53]²⁸.
- 2) Древнерусский и современный гидроним *Лу́га* (река в Ленинградской и Новгородской областях), передающий прибалтийско-финские формы вида водск. *Laugēz*, финск. *Laukaa*- [Kallio 2006: 160; Holzer 2006: 135, с лит.] (вероятно, 2-я пол. 1-го тыс. н. э.).
- 3) Одно позднее (сер. 1-го тыс. н. э. или позднее) германское заимствование в славянские: польск. *lug*, русск. *луг*, *луга* ‘щелок’ и т.д. < др.-в.-нем. *louga* ‘то же’ [Kiparsky 1934: 248, 286].

мере, к 1-й половине 1-го тыс. н. э., что сталкивается с серьезными хронологическими трудностями. Напротив, о «третьей» палатализации как о позиционно обусловленном общеславянском процессе см. [В. Дыбо 2004: 83–95; Lunt 1981]. Довод Г. Хольцера (см. [Skach 2008: 98, с лит.]) о позднем характере «третьей» палатализации – словенский топоним *Logátec* из латинизированного *Longaticum*, заимствование 2-й пол. 1-го тыс. н. э. [Snoj 2009: 243] – не является в полной мере убедительным, так как словенский исход *-tec*, герм. *-tca* может быть легко объяснен как адаптация иноязычной формы к продуктивной суффиксальной модели.

²⁶ Формы см. в [SSA 1: 440; Kalima 1956: 42].

²⁷ Формы см. в [SSA 3: 215].

²⁸ Г. Хольцер (см., например [Holzer 2001: 39–40] и далее [Skach 2008: 131, с лит.]), видимо, полагает, что написание *Batavia* отражает реальное словенское произношение XI в., и на основании этого вышеуказанный автор, очевидно, относит стяжение славянских *u*-дифтонгов > *ō* к началу 2-го тыс. н. э. (sic!), по крайней мере, для некоторых областей славянской территории. На самом деле нет никаких аргументов против того, чтобы считать *Batavia*, *Buttavia* традиционными латинскими написаниями.

Объясняется это, очевидно, должно тем, что [ō] воспринималось славянами как наиболее близкий эквивалент фонотактически запрещенным сочетаниям [au] / [ou]²⁹.

Отметим, что среднегреческий материал почти не дает случаев, где слав. *ō (из *u*-дифтонгов) соответствовало бы греч. [o]. Напротив, в большинстве примеров слав. *ō (из *u*-дифтонгов) передается как [u] (ou), см. [Vasmer 1941/1970: 275–276.]. По всей видимости, все такие формы представляют собой поздние заимствования (2-е тыс. н. э.), проникшие в греческий язык после славянского сдвига *ō* > *ū* (о чем см. 2.6.3). Отметим три примера передачи слав. *ō как греч. [o] (во всех случаях графически ω), причем древность одного из них не вызывает сомнений:

- 1) этноним οἱ Ῥῶς ‘Русь’. Теоретически огласовку [o] у этой формы можно считать вторичной, т. к. несклоняемое существительное Ῥῶς и его производные устойчиво пишутся только через омегу, что допускает теорию о контаминации (по крайней мере, графической) с ветхозаветным именем Ρωσ, см. [Тохтасьев (в печати): § 11.3, с лит.];
- 2) топоним Στρώμη с различными вариантами основы ~ русск. *струмень*, словен. *strúmen* ‘поток’ и т. д. [Vasmer 1941/1970: 239; Skach 2008: 132];
- 3) топоним Σωχός = *Сухо* [Vasmer 1941/1970: 239]. Теоретически и в двух последних случаях устойчивая омега может указывать на какую-либо контаминацию – графическую, если не фонетическую (впрочем, о подозрительно частотной омеге в передаче иноязычных форм см. [Тохтасьев (в печати): § 11.1, 1.1.1]).

Кроме того, некоторые авторы предполагают, что славянские *u*-дифтонги сохраняли свой дифтонгический статус еще в конце 1-го и даже начале 2-го тыс. н. э. Однако приводимые в связи с этим доводы слишком слабы и, видимо, должны быть исключены из аргументации. Речь идет о следующих феноменах.

- 1) Словенский топоним *Batuje*, соответствующий латинизированному *Batavia* (XI в.), о чем см. выше сноску 28.
- 2) Глаголическая лигатура Ѣ (> кириллическое ѣ), которая может быть объяснена как подражание греческой орфографии.
- 3) Что касается прибалтийско-финского примера Т.-Р. Вийтсо, то, если прибалт.-финск. **hauki* (из более раннего **šauki*) ‘щука’³⁰ действительно продолжает общеславянское слово для ‘щуки’ (см. [Koivulehto 2006: 180–181; Kallio 2006: 159]), заимствование произошло чрезвычайно рано, так как **hauki* относится к непродуктивному типу *e*-основ (характерному для древнейшего слоя балтизмов 1-го тыс. до н. э., но не для более поздних восточнославянизмов), кроме того, *-k-* вместо ожидаемой геминаты *-kk-* как субститут славянского интервокального глухого не имеет прямого объяснения (М.А. Живлов, устное сообщение).

2.6. *ū (= *y). Видимо, основными свидетельствами того, что фонема **y* длительное время сохраняла свой исконный облик [ū], могут считаться следующие факты (см. также [Shevelov 1964: 379 и сл.]).

- 1) Некоторые заимствования из южнославянского в среднегреческий, например, новогреч. λούκα ‘лыко’, карούτα ‘корыто’, μαρούλα ‘холм (< могила)’ [Vasmer 1941/1970: 277]; о топонимах с этим же эффектом см. [Skach 2008: 147 ff.]; о сред.-греч. υ [ū] вместо ου в подобных случаях см. [Тохтасьев (в печати): § 8.1.1] с лит. На относительно древнюю датировку этих форм (видимо, 2-я пол. 1-го тыс. н. э.) указывает сохранение квантитативных оппозиций в славянском языке-источнике: греч. α на месте славянского краткого. Показательны здесь более

²⁹ Однако в южнославянской области среднегреческие сочетания вида *au* (где *u* = [β] или даже [v]), не являющиеся собственно дифтонгами, стандартно адаптируются в книжных заимствованиях как двуслоговые сочетания с *w* или *ij*, ср. ст.-слав. Пъвъгоуѣтъ < Αὐγουστος, Пъвъкъ (при варианте Пъвъкъ) < Παῦλος и т. п. [Vaillant 1964: 76].

³⁰ Формы см. в [SSA 1: 147].

поздние заимствования вроде корѣта 'корыто', мотѣка 'мотыга' уже с греч. *ι* на месте слав. **ы* и греч. *ο* на месте славянского краткого.

- 2) По данным словенской топонимики, *ī*, равно как и закрытое *ǫ* балканской латыни, во 2-й пол. 1-го тыс. адаптировались как слав. **ы*, ср. совр. словен. *Mirje* < лат. *mīrus* 'стена' [Snoj 2009: 263], *Krmin* < лат. *Cormōnes* [Ibid.: 216] и т. п., см. материал в [Press 1986: 165; Shevelov 1964: 380].
- 3) Германизированный топоним *Rūbinicha* (XI в.; в XIII в. *Raubnich*, совр. *Raming* на р. Штайр) = **Рыбьника* [Reiffenstein 2003: 2898], где на древность исходной формы могло бы указывать отсутствие «третьей» палатализации³¹.
- 4) Два заимствования из «кривичского» в прибалтийско-финские, где слав. **ы* передается как *и*, см. [Кулешов 2010: 351; Kalima 1956: 41]: олонецк. *lútt'šū* 'толстый комель банного веника', вепс. *luč* 'das Untere des Kohlwickels' ~ русск. *лыч*; вепс. *tugl*, эст. *tugl, togl, mügl*, финск. *tuula* 'щелок' ~ русск. *мыло*. Вопреки [Кулешов 2010], доказательный статус этих двух изоглосс несколько сомнителен по следующим причинам. Во-первых, приведенные прибалтийско-финские формы указывают скорее на исходный краткий **й*, а не долгий **ī*, или же не позволяют различить краткий и долгий³². Во-вторых, неясно и время заимствования. Прибалт.-финск. **Kl* может восходить как к кластеру вида **Tl* (см. выше сноску 18), что автоматически относит слово для 'щелока' к древнейшей эпохе контактов (2-я пол. 1-го тыс. н. э.), так и к собственно кластеру вида **Kl*, а рефлекс слав. **Tl* как *Kl* известны в псковско-новгородских диалектах и по сей день [Николаев 1989: 192 и сл.; 1990: 55, 58 и сл.] (хотя предполагаемая форма **мыгло* как-будто нигде не зафиксирована).

Более многочисленны и показательны свидетельства артикуляции слав. **ы* как дифтонга вида [ui] или же [uǐ]. Эти свидетельства происходят из различных языков восточно-, западно- и южнославянского ареалов и относятся к концу 1-го и ко 2-му тыс. н. э. (подробнее о некоторых приводимых ниже данных см. [Shevelov 1964: 377 ff.; Vaillant 1950: 118–119; 1964: 28; Press 1986]).

Славянские системы с огубленным рефлексом **ы* можно разделить на две группы. В первую группу (2.6.1) входят системы, где губная артикуляция **ы* отмечается во всех (или почти во всех) сегментных позициях. Во вторую группу (2.6.2) – системы с губной артикуляцией **ы* только в позиции после губных согласных.

2.6.1. Случаи с огубленным рефлексом **ы* во всех или в большей части сегментных позиций.

- 1) Обозначение рефлекса **ы* как *йī* в древнейшей славянской системе письма (глаголическое *ѡѢ* ~ *ѡѢ* > кириллическое *ы* ~ *ѣ*; о некоторых палеографических и фонетических аспектах см. [Vrana 1964])³³.
- 2) Одно среднегреческое заимствование в южнославянский: ст.-слав. *дѡвѣдѣ* < **дѡвѣдѣ* < *Δαυίδ* [Vaillant 1964: 28].
- 3) Одно заимствование из тюркского (булгарского) в южнославянский: ст.-слав. *вѣим* 'господин' < тюрк. **bojla* 'высокий титул' (реконструкция А.В. Дыбо, уст-

³¹ О «третьей» палатализации ср. выше сноску 25.

³² В [Кулешов 2010: 351] приводятся виртуальные прибалт.-финск. реконструкции **lūs̥ta* и **tūk̥la* соответственно, которые нуждаются в отдельном обосновании.

³³ Но вряд ли показательными здесь являются крайне редкие написания с кириллическим *о* на месте *ы* вроде *ѡзѡкомъ* «языком» Сав. 1426 (исправление по соскобленному), *помѡкнѣтъ ѡ* «помыслится» Изб. 1073 16, отмечаемые, впрочем, еще Фр. Миклошичем [Miklosich 1898: 156]. Например, их можно вслед за [Карский 1928: 205] объяснять как механическую подстановку *о* на место *ѣ*.

ное сообщение)³⁴ – пример на позицию после губного, хотя этот случай системно примыкает к двум предыдущим пунктам.

- 4) Восточнославянские заимствования в балтийские языки (основные случаи, видимо, относятся к 1-му – 1-й пол. 2-го тыс.): например, литов. *tuĩlas* ‘мыло’, литов. *kuilà* ‘грыжа’ (при позднейшем заимствованном варианте *kylà* уже с русским смягчением *кы > ку*), литов. *kuilỹs* / лтш. *kuĩlis* / прусск. *tuylis* ‘хряк’ (при позднейшем заимствованном варианте лтш. *ķĩlis*; ср. русск. диал. *киляк*, *килун*), др.-прусс. *waldwico* ‘рыцарь (< владыка)’ и т. п. [Skardžius 1931; Shevelov 1965: 377, 379; Vaillant 1950: 118–119].
- 5) В севернорусской топонимике прибалтийско-финского происхождения прибалт.-финск. *ü* часто передается через русск. *ы*, хотя есть и случаи передачи через русск. *ю* [ü], см. [СТРС 1: 138–140]. Видимо, как предполагается А.К. Матвеевым, варианты с *ы* и *ю* распределены, в частности, хронологически: первый тип адаптации характерен для более древних заимствований. Ср. гидроним *Сырвей* в пинежской писцовой книге XVII в., соответствующий современному повторно заимствованному *Сюрей* (бассейн Юлы) [СТРС 1: 139], или древнюю и укоренившуюся в русских диалектах этнонимическую основу *зырян-/сырян-* < финск. *syryjä* (где *y = ü*), карел. *syryjä*, ижор. *sürjä* и т. п.³⁵ ‘край, сторона’ [Материалы 2004: 119–120].
- 6) Английская транскрипция севернорусского диалекта г. Холмогоры (Архангельская область) в «*Dictionariolum Russico-Anglicum*» Ричарда Джемса, 1618–1619 гг. О **ы* у Джемса см. [Ларин 2002: 188–190]. После губных согласных как под ударением, так и в безударной позиции **ы* обычно рефлексивует как дифтонг вида [ui] (графически *ui, ui, iu, uee, oi*): например, *tiu* «мы», *vuee* «вы», *grĩbuĩ* «грибы», *buĩdra* «выдра», *puĩtai* «пытай», *lapui* «лапы» (nom. pl.). Реже **ы* может давать монофтонг вида [u] (графически *ou, ʊ, o*): например, *obʊge* «обычай». После остальных твердых согласных (т.е. не шипящих и не *к, г, х*) как под ударением, так и в безударной позиции **ы* имеет облик дифтонга (графически *ui, ei*), заднего губного монофтонга (графически *u, ʊ, o*) или упережденного неогубленного монофтонга (графически *ĩ, i, e, ee*). Упережденный неогубленный монофтонг встречается несколько чаще, чем огубленный рефлекс, правила распределения не прослеживаются. Примеры на огубленный рефлекс: *lhuic* «лык» ‘лыко’, *rubenic* «рыбник». Пример на неогубленный *ĩ*-дифтонг: *teisich* «тысяч<a>». Примеры на неогубленный монофтонг: *tĩma tĩsitch* «миллион» (sic!), *rize* «ризы» (nom. pl.).
- 7) Французская транскрипция севернорусского диалекта (район нынешнего Архангельска) в «Парижском словаре московитов», 1586 г. Этот диалект относился к тому же кластеру, что и диалект «*Dictionariolum Russico-Anglicum*» Р. Джемса, и правила рефлексии **ы* в двух памятниках примерно совпадают. Как указано в [Ларин 2002: 32], после губных согласных как под ударением, так и в безударной позиции **ы* обычно рефлексивует как дифтонг вида [ui]: например, *bouycq* «бык», *bouel, boil* «был», *mouilla* «мыла» (gen. sg.), *voymou* «вымой», *pattcovoy* «подковы» (nom. pl.). После остальных твердых согласных (т.е. не шипящих и не *к, г, х*) под ударением в позиции фразового выделения **ы* имеет облик *ĩ*-дифтонга (графически *au*³⁶, *eu, oul*³⁷): например, *tay, tey* «ты», *daynyee* «дыни» (nom. pl.),

³⁴ Согласно [А. Дубо 2007], слово принадлежит к древнейшему слою болгаризмов, проникавших в восточнославянскую область уже как элементы южнославянского литературного языка.

³⁵ Формы см. в [SSA 3: 231].

³⁶ Отметим, что нормальной (ожидаемой) функцией буквенного сочетания *au* является передача рус. [ai], [ei] [Ларин 2002: 31], например, *bollochaye* «большая», *gouesseday* «гвоздей».

³⁷ Обозначение [i] буквой *l* в конце слова изредка встречается в памятнике [Ларин 2002: 33, 36]. Это или особенность перцепции оглушенного [i], или же ошибки того писца, чья копия послужила протографом двух известных списков «Парижского словаря московитов» (смещение *l* и *i*).

rouduol «руды» (nom. pl.). В других позициях *ы представляла собой монофтонг, который передается как *e, y, i*, например, *costi ribya* «кость рыба», *coudy darogua* «куды дорога?», *rosse* «розы» (nom. pl.).

- 8) Данные старомосковского диалекта согласно описаниям иностранцев. Немец Г.В. Лудольф, автор «Grammatica Russica» (Оксфорд, 1696; комментированное переиздание грамматики с русским переводом см. в [Ларин 2002]), транскрибирует в русском алфавите «ы» как латинское *ui* [Ларин 2002: 550] и эксплицитно поясняет: «Sonus litera *y* non nisi viva voce exprimi potest, est instar diphthongi ex *u* et *i* compositæ» (ср., например, *нынѣ* – *nuine* и т. п.)³⁸. Француз Ж. Сойе, автор «Grammaire et methode russes et françoises» (1724; переиздание см. в [Успенский (ред.) 1987]), точно так же транскрибирует букву «ы» *jerui* (sic!) как *ui* и характеризует ее как «une diphtongue composée d'*u* et *i*» (с. 6–7, 9). Немец А. Шлёцер, автор «Rusische Sprachlehre» (1760-е гг.), объясняет «ы» как *yi* [Булич (ред.) 1904: 16–17]³⁹.
- 9) Схожее указание В.Е. Адодурова (носителя русского языка, ориентированного, скорее всего, на тот же старомосковский диалект), что русская буква «ы» читается как краткое или слитное *ui/uy*: так в его грамматическом очерке на немецком языке 1731 г. (с. 5, см. издание в [Unbegaun 1969]), в русской версии грамматики (1730-е гг.) и в приписываемой ему «Заметке о транскрипции», см. [Успенский 1975: 37].

2.6.2. Случаи с огубленным рефлексом *ы только в позиции после губных согласных.

- 10) Обозначение *ы как *ui* и, вероятно, *ugi* [uj] после губных согласных в древнейшем славянском памятнике, записанном латиницей, – Фрейзингенских отрывках (древнесловенский язык, рубеж X–XI вв.), точнее, во втором из трех текстов: *tui* 158v.32, 159r.7, 160r.2 «мы» (местоим.), *buiti* 159r.8, *bui* 158v.8 «быть» (inf, aor.), *neimugi* 158v.5 «не имы/не имый» (part. nom. sg. m.). А также просто через *u*: *muzlite* 159v.16 «мыслите» (impv.). При этом в отрывках № 1 и № 3 после губных наблюдаются «нормальные» написания через *i*: *biti* 78r.7, 160v.21, *bih* 78r.12, 78r.13, 161r.6 «быть» (inf, aor.), *pomislenie* 161r.29–30, *pomislenia* 160v.29 «помышление», *zimizla* 161r.15 «смысла» (gen.), *u zpitnih* 160v.33 «в спытных» «в напрасных»⁴⁰.
- 11) Передача имени хорватского князя Вышеслава как VVISSASCLAV в латинской надписи на купели, датируемой VIII или IX в.; см. [Matijević Sokol 2007].
- 12) Относительно недавние восточнославянские заимствования в прибалтийско-финских языках, где после губных согласных *y* передается как *ui* или (в первом слого) *u*⁴¹. Вепсский: *tuil* «мыло», *vuigonk* «лесосплав», *vuišk* «вышка», *vuivod* «дымоход», *dobuc* «добыча» (формы по [Hämäläinen, Andrejev 1936]), *kaput* «копыто» [Kalima 1956: 41], топоним *Muiz* < русск. *мыза* [Mullonen 2007: 165]⁴².

³⁸ Впрочем, как отмечается в [Ларин 2002: 530], для безударной позиции было характерно и монофтонгическое произношение вида [ɨ], что следует из нередкого смешения букв «ы» и «и», ср., например, *женцини* (nom. pl.) или *дыны* «дыни» (nom. pl.); статистика таких написаний требует дальнейшего изучения.

³⁹ Я благодарю Б.А. Успенского и анонимного рецензента моей рукописи за указание на грамматику Ж. Сойе и А. Шлёцера.

⁴⁰ Видимо, во всех трех отрывках графически двусмысленны формы с *ы после [w]: *uvignan* (№ 2 158v.9) «выгнан» (part. pass.), *v<i>* (№ 1 78v.10) «вы» (местоим.), *miloztiuvi* (№ 1 78r.2, 78r.11), *miloztivi* (№ 1 78r.21), *miloztivui* (№ 1 78v.5; № 3 161r.26) «милостивый» (nom. sg. m.).

⁴¹ В прибалтийско-финских языках ударение стандартно фиксировано на первом слого, чем, видимо, и объясняется такая разница в адаптации иноязычной фонемы.

⁴² От таких случаев надо отличать заимствованные вепсские глаголы вроде вепс. *divui-das* «дивиться», где *vui* не является субститутом русск. *ви*. Вепсские глаголы на *-ui-* регулярно происходят из русских глаголов на *-ова-*, а вепс. *ui* является закономерной адаптацией русской основы настоящего времени (И.Б. Иткин, устное сообщение). В частности, источником *divui-das* было не литературное *дивиться*, а диалектное *дивоваться*, *дивуюсь*.

Карельский: *tuila* 'мыло'. Водский: *meila* 'мыло'. Финский: *vuitti* 'доля, пай' (< русск. *выть*)⁴³. И тому подобное.

- 13) Аналогичная субституция наблюдается и при противоположном направлении заимствования, ср. эст. *mõis*, ливск. *moizə* и т.д.⁴⁴ 'имение, поместье, двор' адаптированные как русск. *мыза* (1-я пол. 2-го тыс. или ранее) и лтш. *mižza* 'имение, поместье'.
- 14) Записи топонимов (и, реже, антропонимов) западнославянского ареала первых веков 2-го тыс., вроде *Gostomuizli* = **Гостомысл-* (IX в.), *Buitsow* вместо *Bydżow* (Богемия, XII в.), *Fiustrize*, *Buitfrice* = **Быстрица* (XII–XIII вв.) и т. п., в этом же ряду *Bruile* = **Брылы* (XIII в.), см. [Shevelov 1964: 377; Press 1986: 11–20; Schwarz 1929; Holzer 1995: 70].
- 15) Рефлексация **ы* как [ui] ~ [ü] после губных согласных в старопсковском диалекте по данным русско-нижненемецкого разговорника Т. Фенне, нач. XVII в. (о чем см. выше раздел 1). Схожие системы частично отражены и в двух «псковско»-верхненемецких разговорниках того же времени: «Einn Russisch Buch» Томаса Шрове, кон. XVI в. (издание [Fałowski, Witkowski 1992; Fałowski 1997]; ср., например, 22v.4 *buÿll* «был») и анонимной «Ein Rusch Boeck...», сер. XVI в. (издание [Fałowski 1994; 1996]; ср., например, 61r.18 *pributeck* «прибыток»).

Автор не ставит целью собрать все прямые или косвенные свидетельства⁴⁵. Задача данного списка – продемонстрировать диалектную и хронологическую разнородность наблюдаемых случаев.

2.6.3. Конечно, можно было бы реконструировать праславянское **ы* в виде **ɨ* (традиционное **у*) и считать, что все вышеперечисленные случаи рефлексации **ы* как [ui] ~ [ü] – не связанные между собой инновации в отдельных славянских языках и диалектах⁴⁶ (см. развернутую дискуссию в [Shevelov 1964: 377 ff.], где автор взвешивает неко-

⁴³ Есть основания предполагать, что на предшествующем этапе эти восточнославянские диалекты относились к системам с рефлексом вида *ii* во всех сегментных позициях: ср. топонимы типа русск. *Кипень*, чья праформа **Кыльнь* была адаптирована как финск. *Kuippinna* [Кирсанов 2007].

⁴⁴ Формы см. в [SSA 2: 169].

⁴⁵ От подобных примеров следует отличать полабскую рефлексацию **ы* как *oi* [Lehr-Spławiński 1929: 47], так как это развитие является частью вторичного полабского процесса дифтонгизации долгих узких гласных в позиции вторичной (лехитской?) долготы, ср. аналогично слав. **ī* > полаб. *ai*, слав. **ō* (из *u*-дифтонгов) > *ū* > полаб. *au/ai*, при кратких монофтонгических рефлексах всех трех фонем в позиции вторичной (лехитской?) краткости [Lehr-Spławiński 1929: 44 ff.].

В число рассматриваемых выше систем неоправданно включать и современный русский литературный язык. В научной литературе иногда можно встретить утверждение, что *ы* является дифтонгом со вторым компонентом [i], однако в действительности современное литературное *ы*, видимо, уже представляет собой стандартный монофтонг, близкий к [ɨ] в нотации IPA, см. [Князев 2012].

⁴⁶ Или же иноязычную передачу славянского **ы* как [ui] можно было бы считать нормальной адаптацией звука [ɨ], отсутствующего в языке-реципиенте (так, например, см. [Press 1986: 103] для западнославянских данных). В отдельных случаях такое объяснение могло бы быть принято (ср. примеры в [Kiparsky 1963: 79], в которых современное русское [ɨ] передается как финское *ii* в позиции после губных, например, фамилия *Громыко* > финск. *Gromuiko*). Однако эта интерпретация никак не проходит для всего комплекса приведенных выше случаев. Отмечу и следующее. Как указал мой коллега, имеющий богатый опыт преподавания русского языка носителям других языков (англичанам, французам, китайцам, вьетнамцам и др.), современное русское литературное [ɨ] стандартно смешивается с [i], но никогда не воспринимается иностранцами как [ui]. На это же указывает и [Брызгунова 1963: 41–43], которая, однако, отмечает, что изредка [ɨ] может апперцироваться как [u]/[o] (у арабских студентов) и, действительно, у носителей некоторых немецких диалектов русское [ɨ] в конечной позиции может передаваться как [oi]. Тем не менее все

торые аргументы, но не приходит к окончательному выводу, и подробный обзор мнений в [Press 1986: 217 ff.]⁴⁷). Тем не менее представляется, что реконструкция дифтонга **ui* как промежуточной стадии между праславянским **ī* и более поздним [i] имеет ряд преимуществ перед традиционной точкой зрения.

- 1) Ряд древнейших свидетельств (по крайней мере, с IX в.) указывает на дифтонгический характер рефлексов **ы*, однако современные языки в массе своей имеют монофтонгический рефлекс⁴⁸, что говорит о тенденции монофтонгизировать **ы*, распространявшейся по славянской территории. Ввиду этого естественнее было бы не реконструировать зигзагообразный процесс $\bar{i} > \bar{y} > ui > i$, а принять более экономный сценарий, т.е. предположить, что исходной точкой в позднепраславянском развитии был именно дифтонг вида [ui], схематически: $\bar{i} > ui > i$.
- 2) Переход $\bar{i} > ui$ не является типологически тривиальным развитием (в отличие, скажем, от стяжения дифтонга в долгий монофтонг), поэтому естественнее было бы считать, что такой переход произошел в истории славянских языков единожды.

Вероятно, исходя из имеющихся фактов следует считать, что изоглосса дифтонгизации $\bar{i} > ui$ начала быстро распространяться по славянской территории во 2-й пол. 1-го тыс. н.э. (т.е. уже после обособления «кривичского» диалектного кластера) и в результате захватила все или почти все славянские диалекты. Важно, что вышеперечисленные данные как будто не позволяют дать какую-либо диалектную привязку развитию $\bar{i} > ui$ и тем самым приписать явлению локальный статус.

Можно предложить и некоторые системные предпосылки такой дифтонгизации. Приведенные в начале раздела 2 подсистемы кратких и долгих монофтонгов несимметричны: долгий треугольник имеет на одну фонему больше, чем краткий. Это нарушает типологическую фреквенталию (но, конечно, не универсалию), говорящую о том, что подсистема долгих гласных обычно не превосходит по своему составу подсистему кратких гласных, см. [Кодзасов, Кривнова 2001: 431]⁴⁹.

это типологически изолированные и случайные феномены, которыми нельзя объяснять наблюдаемую славянскую систему.

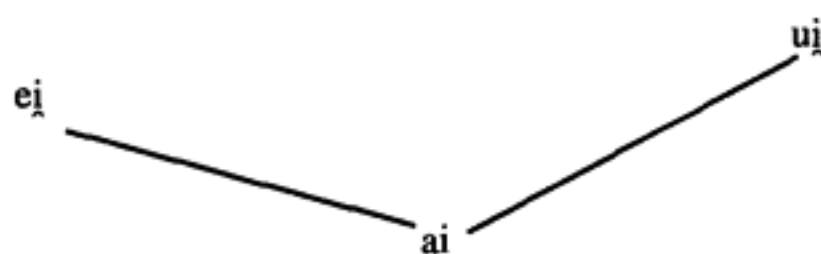
Рассмотрим в качестве другой типологической параллели адаптацию азербайджанских и русских заимствований со звуком [i] ~ [ш] в тех языках лезгинской группы, которые в системе своего вокализма не имеют фонемы вида /i/. Это в первую очередь табасаранский (с диалектами), агульский (с диалектами) и арчинский языки. В них, как и в прочие языки региона, активно проникают лексические заимствования из азербайджанского (скорее всего, в основном из кубинского диалекта – процесс последних веков) и из русского (в основном из литературного варианта, XX в.). Как продемонстрировано в [Тадинова 2006: 134–138], в азербайджанизмах [ш] ~ [i] языка-источника стандартно передается как [i], например, азерб. *gатыр* ‘мул, лошак’ > табасар. *vatir*, агул. *q:atir* ‘мул, лошак’ и т. п. Сплошной просмотр сводного словаря [Комри, Халилов 2010] показал, что это правило действует, а примеры Р.А. Тадиновой могут быть умножены, например, азерб. *гыраг* ‘край, оконечность’ > табасар. *virav*, агул. *q:irav* ‘берег, край’. Конечно, как справедливо отмечено в [Тадинова 2006], от этой группы случаев следует отличать заимствования с [u] в первом слове вроде табасар., агул. *baluv* ‘рыба’, которое в действительности отражает не литературное азерб. *балыг* ‘рыба’, а диалектную форму с сохранением этимологической огубленности *baluy*. Аналогичным образом и в арчинском языке недавние русизмы последовательно имеют [i] на месте русск. [i]: *ašibk:a* ‘ошибка’, *kasink:a* ‘косынка’, *matácik* ‘мотоцикл’, *mišina* ‘машина’, *pisirka* ‘посылка’, *poróstin* ‘простыня’ [Кибрик и др. 1977: 50 и сл.]. Гипотетические примеры с передачей русск. [i] через [ui] или [u] не обнаруживаются.

⁴⁷ Кажется, первым, кто предложил дифтонгическую интерпретацию **ы*, был Фр. Миклошич.

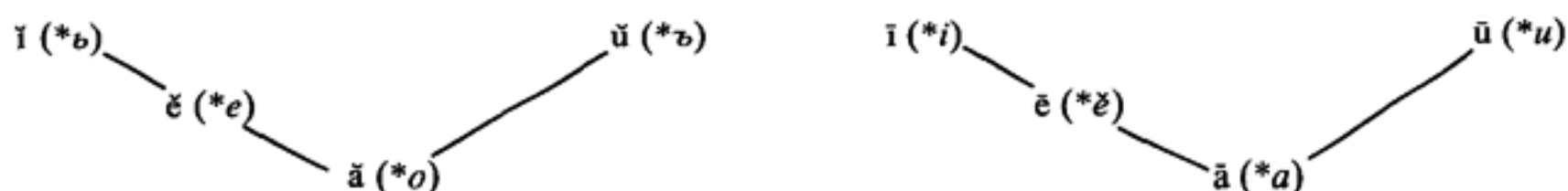
⁴⁸ Подробнее о типовых рефлексах **ы* в отдельных славянских языках см. [Press 1977; 1986].

⁴⁹ Вероятно, наиболее частое исключение из данной закономерности составляют языки, в которых краткие шваобразные гласные являются маркированными членами в квантитативной оппозиции (образуя треугольник с двумя степенями подъема $i \sim e \sim u$, противопоставленный развитию треугольнику долгих гласных с тремя или четырьмя степенями подъема), но это явно не случай праславянского.

В результате вокалической перестройки фонема * \bar{y} была вытеснена в треугольник i -дифтонгов, который в итоге приобрел следующий вид (в тех диалектах, где $a\bar{i}$ и $e\bar{i}$ не успели стянуться в монофтонги, если таковые диалекты еще оставались на тот момент):

После элиминации монофтонга * \bar{y} старое * \bar{o} (из u -дифтонгов) передвинулось в [ū], заполняя освободившуюся клетку. Процесс этот прошел повсеместно и явно очень быстро (кон. 1-го тыс. н. э.), в результате чего треугольники кратких и длинных монофтонгов приняли симметричный и типологически нормальный вид (в скобках дается традиционная славистическая нотация):

Можно предположить, что следующий этап развития * y начался в начале 2-го тыс. н. э., когда возникла изоглосса монофтонгизации $ui > i$. Однако эта изоглосса распространялась по славянским диалектам медленно (на некоторых частях восточнославянской территории дифтонг ui сохранялся еще во 2-й пол. 2 тыс.), и иногда переход был контекстно обусловлен (во многих диалектах огубленный рефлекс дольше удерживался в позиции после губных согласных⁵⁰).

Схематически описанный выше сценарий (общий для всех или почти для всех славянских диалектов) можно представить так:

1-я пол. 1-го тыс.	\bar{y}	u -дифтонги
	↓	↓
2-я пол. 1-го тыс.	\bar{y}	\bar{o}
	↓	↓
конец 1-го тыс.	ui	\bar{y}
	↓	
2-е тыс.	i	

Неясным остается статус диалектов, где * y в итоге рефлексивует и не как i , и не как ui . Речь идет, по крайней мере, о следующих системах.

- 1) В ряде украинских диалектов Закарпатья * y дает средне- или заднеязычный огубленный гласный (отличный от [u] и [o]) во всех позициях или только после губных и заднеязычных согласных, см. [Шевельов 2002: 110–111] и далее [Press 1986: 115 и сл., с лит.]. Важно, что такой огубленный рефлекс не является недавней инновацией, а отражает довольно древнее состояние, как видно из написаний топонимов и антропонимов в грамотах с той же диалектной привязкой, ср. примеры Ю. Шевелева, иллюстрирующие позицию после губных и заднеязычных: *Mogula*, *Mikuta* (XIII в.), *Kobulnicha* (XV в.).

⁵⁰ Специально укажу, что объяснение частотного рефлекса [ui] ~ [ū] ~ [u] в позиции после губных как результата вторичной ассимиляции из [i] кажется, на первый взгляд, самоочевидным. Однако же предположение о позиции после губных согласных как о позиции ретенции, где губной компонент гласного поддерживался предшествующим согласным, имеет не меньшую объяснительную силу.

2) В восточнополесских диалектах рефлексy *ы и *и*-дифтонгов совпадают в звуке вида [u] в позиции после губных согласных: *бáбу* (nom. pl.), *мúло*, *привúкну* «привыкну» и т.п. [Лекомцева, Толстая 1968: 53]. Аналогичные примеры из других юго-западных белорусских диалектов см. [Press 1986: 126 и сл., с лит.].

3) В берестяных грамотах и некоторых других памятниках псковско-новгородского ареала, а также в современных псковских диалектах на месте *ы в позиции после губных согласных спорадически отражается звук вида [u]: *воудоро* «выдр» (XIII в.) и т. п., см. [Зализняк 2004: 74].

Для таких случаев можно предлагать различные теоретические сценарии той или иной степени достоверности:

- наблюдаемый рефлекс *ы представляет собой архаизм, являясь непосредственным континуантом *ÿ (т.е. данные диалекты оказались незатронуты изоглоссами дифтонгизации в *ui* и монофтонгизации в *i*);
- наблюдаемый рефлекс *ы развился из стадии *ui;
- наблюдаемый рефлекс *ы развился уже из *i (например, в позиции после губных согласных, как в восточнополесских диалектах).

Также важно отметить, что зафиксированные системы с огубленным рефлексом *ы (см. 2.6.1–2.6.2) могут иметь колебания между дифтонгической и монофтонгической реализацией данной фонемы: например, *ui* ~ *ÿ* у Фенне (2.6.2 п. 15), *ui* ~ *и* у Джемса (2.6.1 п. 6), *ui* ~ *и* в вепсских русизмах (2.6.2 п. 12). В этих случаях дифтонг [ui] явно первичен, и мы имеем дело или со вторичным стяжением [ui] > [ÿ], или с несовершенством графики и особенностями перцепции славянской речи у иностранцев, или с фонетическими особенностями языка-реципиента (как в вепсском, где *ui* и *и* распределены в зависимости от вепсского ударения).

Предложенному выше принципиальному сценарию развития праславянской фонемы *ы, наверное, можно найти контрпримеры в виде отдельных слов или форм⁵¹, однако представляется, что приведенная схема экономично описывает совокупность основных славянских данных с системной точки зрения.

Приложение. Списки релевантных форм из разговорника Т. Фенне

1. Передача русск. *у*, *ю*.

ÿ = ю, 20×

vgrÿm «угрюм» 45.22

blÿda «блюдо» 97.6

prelÿbodioustouo «прелюбодейство» 42.1

lÿbo «любо» 188.9, 340.17, 345.5, 355.2, 355.3, 356.17, 361.15, 399.18

⁵¹ Например, неясным случаем оказывается общеславянское слово 'плата, пошлина' (ст.-слав. *мыто*, русск. *мыто*, чеш. *mýto* и т.д.), в котором традиционно видят относительно позднее заимствование из др.-в.-нем. **mÿta* 'пошлина' [ЭССЯ 21: 81; Kiparsky 1934: 250, 285], где др.-в.-нем. форма реконструируется на основании ср.-в.-нем. (баварского) *maut* 'пошлина' и совр.-в.-нем. *Maut*. Ситуация, однако, представляется более сложной, так как ср.-в.-нем. *maut* по своей фонетике не является регулярным продолжением герм. **mōtō* (> гот. *mota* 'tax', др.-швед. *mōt* 'measure', др.-англ. *mōt* 'toll, tax' и регулярное ср.-в.-нем. *muoze* 'miller's pay' [Orel 2003: 274]). Славянские и средневерхненемецкие формы, а также сред.-лат. *muta* 'пошлина', очевидно, отражают бродячий экономический термин, причем в узко локализованном ср.-в.-нем. (баварском) *maut* следует видеть скорее славянизм последних веков 1-го тысячелетия (*terminus post quem* определяется отсутствием передвижения *t* > *zz* в ср.-в.-нем. форме). Первоначальным источником термина, вероятно, является какая-либо германская форма, продолжающая герм. **mōtō*, однако это вряд ли гот. *mota*, так как в готских заимствованиях *ō* регулярно адаптируется как слав. **ō* (из *и*-дифтонов) [Kiparsky 1934: 285]. И. Райффенштайн [Reiffenstein 2003: 2899] предполагает, что источником была позднеготская форма с уже суженным долгим гласным – **mÿta* – и, соответственно, предлагает сценарии: позднеготский (конец 1-го тыс.) > баварский > славянский или позднеготский > славянский (конец 1-го тыс.) > баварский (оба решения ведут к хронологическим трудностям).

lübe «любо» 428.16
ne lübe «не любо» 249.12
polübitz «полюбится» 334.6
blüdi «блюда» (imv.) 190.9
blüduš «блюдусь» 220.1
blüdušzi «блюдутся» 475.17
blüdušzis «блюдучись» (деепр.) 419.14
lüdi «люди» 411.2, 475.17

ui = ю, 4×

kluitza «ключа» 104.2
ffzui notz «в сю ночь» 193.19
bluil «блюл» 294.13, 390.2

u = ю, passim

obütziu «обычаю» 141.2
ludi «люди» 412.6 bis
ludÿ «люди» 289.15
luboff «любовь» 471.13
.....

ü = y, 1×

iszbü «избу» 192.16

ui = y, 4×

viszbui «в избу» 203.16
besz muiki «без муки» 240.4
vuitri «в утре» 'утром' 259.8
puiste «пуст» (nom. sg. m.) 352.22

2. Передача русск. *ы* после губных согласных.

ui = ы (после губных согласных), 135×

muisset «мыслить» 566.5
smuishliff «смышлив» 45.7
promuishlen «промышлен» 45.9
promuischlenik «промышленник» 51.17
opromuislaiett «опромышляет» 223.10
promuisset «промыслит» 171.8
smuisset «смыслить» 235.16
smuisset «смыслить» 284.1
peremuisset «перемыслить» 284.1
smuislitÿ «смысли ты» 280.11
rosmuislil «размыслил» 311.21
promuislai «промышляй» 492.12
bes muisle «без мысли» 479.18
muitar «мытарь» 53.3
smuitzenik «смычник» 'скрипач' 54.11
smuitzen «измычен» 'помят, потаскан' (о товаре), *измыкать* 'измучить' [СРНГ 12: 152] 339.16, 431.21
buister «быстрь» 'быстрина' 60.23
puil «пыль» 64.14
muisch «мышь» 70.9
buik «бык» 75.5
kapuita «копыта» 77.6
vuipregai «выпрягай» 79.18
vuikinut «выкинем» 262.15
wuibuikta «выбыгмо» ('высушенный лен', ср. диал. *выбыгивать* 'просыхать на ветру' [СРНГ 5: 250] + редкий консонантный суффикс **то*) 117.17

muilo «мыло» 114.19
muitze paritze «мыться париться» 163.8
buil «был» 208.16, 281.6, 291.2, 306.11, 306.16, 313.7, 320.1, 326.9, 330.17, 354.11, 359.3, 368.2, 368.11, 395.7, 404.16, 417.21, 424.15, 470.20, 486.3 bis, 493.11, 498.11
buill «был» 197.20, 197.21, 211.5, 232.19, 238.16, 241.12, 243.6, 243.17, 243.18, 246.20, 300.4
builo «было» 197.3, 238.15, 266.6, 284.7, 410.9, 416.20, 463.16
buili «были» 202.6, 267.12
buit «быть» 249.5, 249.8, 296.4, 313.8, 349.15, 354.12, 378.1, 385.10, 501.14
buitt «быть» 210.1, 221.1, 237.22
buiti «быть» 268.2, 269.8
dabuit «добыть» 213.15, 251.10, 297.11, 401.10
dabuil «добыл» 420.15
sbuitt «сбыть» 213.15
ssabuil «забыл» 355.19
sabuill «забыл» 207.16
vbuitok «убыток» 248.15
kabui «кабы» 158.1, 282.18, 284.1, 284.7, 313.7, 322.1, 327.10, 354.12, 359.2, 362.18, 365.16, 372.2, 380.17, 410.9, 415.11, 416.20, 430.2
kabbui «кабы» 250.12
kack bui «как бы» 197.3
tak bui «так бы» 291.13
tztobui «чтобы» 334.16, 428.18
stobui «чтобы» 335.5
ias bui «я бы» 365.17, 415.11
on bui «он бы» 372.2
tui «мы» 202.6, 206.8, 214.15, 217.15, 226.5, 246.20, 247.7, 259.8, 262.15, 265.1, 277.10, 284.7, 292.5, 320.9
vui «вы» 247.21
probluiwat «проплывать» 94.9

üi = ы (после губных согласных), 19×

müisel «мысль» 141.7
romüislenü «помысленный» 401.7
müita «мыта» 'налог' 365.7
müit «мыть» 167.15
sbüit «сбыть» 177.17
büil «был» 320.13, 328.16, 340.11, 374.19, 378.12, 387.1, 433.9
chto büi «чтобы» 338.17
sztobüi «чтобы» 389.10
stobüi «чтобы» 418.1
ias büi «я бы» 359.3, 380.18, 425.1
tibüi «ты бы» 269.5

uÿ = ы (после губных согласных), 3×

smuÿkatt «измыкать» 245.12
sabuÿt «забыть» 175.10
kabuÿ «кабы» 425.1

üÿ = ы (после губных согласных), 1×

müÿser müisel «мысль» 141.7

ü = ы (после губных согласных), 66×

kabüla «кобыла» 76.20
kabülnik «кобыльник» 'конокрад' 389.4
bükovinÿi koszi «быковинные кожи» 111.8
dobüvat «добывать» 165.14
büll «был» 207.9, 221.8, 221.16, 229.9
bül «был» 289.16, 388.17, 401.6, 404.12, 404.15, 412.2, 412.16, 414.19, 415.10, 416.20, 424.6, 430.2, 433.8

būla «была» 405.12, 416.11, 430.3, 434.19
būlo «было» 334.17, 349.15, 362.19, 393.9, 417.13
būlob «было б» 322.2, 327.11
būli «были» 202.9
būly «были» 289.15
būtt «быть» 206.7
sabül «забыл» 394.18
dabüt «добыть» 472.5, 475.19
sbüt «сбыть» 472.5
pribütka «прибытка» 296.20
vbütok «убыток» 318.12, 396.7, 396.8, 405.16, 429.10, 479.7
vbütka «убытка» 297.7, 419.6, 419.21, 429.5, 435.7, 477.11
vbütoka «убытка» 318.17
vbütke «убытке» 419.18
obütki «убытки» 356.12
pribütka «прибытка» 419.18
obützea «обычая» 220.13
obütziu «обычаю» 141.2
obützeu «обычаю» 246.2
obützeiu «обычаю» 340.12, 359.3, 362.2, 406.10, 458.12
poobützeul «по обычаю ль» 336.14
spün «шпынь» 490.14

u = y (после губных согласных), 50×

promuszall «промысел» 229.19
promuszal «промысел» 472.3
promusla «промысла» 243.6
promuslaei «промышляю» 433.15
promuto «промыта» 'пеня' 382.21
rukamuiinik «рукомыйник» 'умывальник' 99.4
mulno «мыльна» 'баня' 95.14, 196.8
mulnu «мыльну» 'баня' 196.11
butt «быть» 206.3, 210.1
budi «быть» 269.2
bulo «было» 267.4
buvat «бывать» 232.11
buvall «бывал» 260.2
buall «бывал» 215.14, 217.8
dabuvatt «добывать» 253.2
dabuvat «добывать» 424.13
dabuvaiu «добываю» 423.5
dabuvaies «добываешь» 401.2
dabuvai «добывай» 281.12
robuvaiu «побываю» 238.2
pribuvaiet «прибывает» 238.22
vbutok «убыток» 237.7, 248.18, 318.14
vbutka «убытка» 296.20, 382.1
pributok «прибыток» 318.17
pributka «с прибытка» 297.8, 318.14
obutzeu «обычаю» 213.11, 338.8, 458.8
obutzeiu «обычаю» 372.8, 476.15
tu «мы» 292.1
putaia «пытаю» (sic) 199.12
putaies «пытаешь» 200.5, 204.16
putai «пытай» 194.11, 218.10
putal «пытал» 212.13, 316.16, 418.6, 460.6
poputat «попытать» 231.2, 498.8
vūputal «выпытал» 381.16

vŷ = вы, passim

vŷ... «вы...» (приставка) *passim* (например, 184)

vŷdra «выдра» 74.7

vŷdri «выдры» 108.13

lasurevŷm «лазуревым» 128.1

vŷsoko «высоко» 133.3

.....

vi = вы, 18×

vibledock «выблядок» 42.4

visokumliff «высокоумлив» 45.21

visokumliue «высокоумливе» 201.19

vischegorod «вышегород» 50.14

viszbui «в избу» 203.16

vinuiu «в иную» 223.1, 223.5, 232.21

vinum «в ином» 339.6

vinupori «в ину пору» 370.16

vinuiu «в иную» 392.1

vinoŷ verete «в иное время» 442.19

svikli «свыкле» 'свык' 236.12

svikl «свык» 370.8

prŷvikli «привыкле» 'привык' 236.12

privikl «привык» 370.8

vikinu «выкину» 314.14

vibirat «выбирать» 439.7

mŷ = мы, 59×

mŷ «мы» 146.7, 146.14, 147.7, 147.13, 149.7, 202.9, 262.7, 266.1, 267.16, 268.1, 268.2, 268.3, 268.15, 269.1, 269.3, 269.7, 269.8, 297.17, 298.6, 298.9, 299.11, 299.12, 301.7, 302.1, 303.12, 308.18, 310.1, 314.13, 320.9, 323.17, 336.1, 337.1, 338.11, 335.1, 355.9, 336.1, 358.13, 365.2, 366.15, 368.11, 375.8, 389.10 (*ŷ < u*), 392.19, 394.6, 394.7, 402.11, 408.11, 408.12, 410.3, 412.7, 414.3, 417.8, 417.9, 422.12, 430.12, 438.15, 463.9, 463.14, 476.9

mi = мы, 4×

ne samikai «не замыкай» 205.5

samikatt «замыкать» 205.6

otominuta «отомыкнута» 'отомкнута' 311.1

otomine «отомыкни» 'отомкни' 311.3

Отдельные нерегулярные случаи (после губных согласных), 7×

tzto bŷ «чтобы» 267.2

tzto bi «чтобы» 266.5, 266.20, 267.3, 269.7

stobi «чтобы» 269.1

popŷtat «попытать» 175.4

3. Корень *буд-* у глагола *быть*.

Формы императива, 13×

bŷit «будь» 398.12

sabuidi «забудь» 189.4

sabuitt «забудь» 197.17

buit «будь» 237.15 bis, 245.2, 252.11

buitt «будь» 226.1, 227.15, 228.6

dabŷt «добудь» 329.14, 413.9

sabudi «забудь» 197.11

Остальные формы, 94×

budu «буду» 206.1, 206.5, 219.18, 220.6, 221.17, 341.17, 380.13, 414.15, 416.16, 426.17, 432.15

budes «будешь» 196.14, 221.13, 300.3, 363.2

budett «будет» 191.18, 209.15, 213.17, 218.14, 239.1, 259.5
budet «будет» 192.20, 238.5, 241.22, 257.21, 262.16, 266.4, 269.9, 275.17, 276.3, 278.12, 288.3, 296.15, 297.3, 300.16, 304.18, 305.17, 306.7, 307.2, 310.2, 315.4, 318.14, 319.1, 322.16, 323.8, 323.9, 331.2, 334.10, 335.20, 343.15, 352.19, 355.10, 356.2, 358.9, 363.11, 364.2, 366.11, 366.12, 368.18, 381.2, 386.5, 389.15, 395.8, 396.3, 397.13, 406.16, 419.18, 441.6, 463.10, 472.9, 474.9, 477.11, 481.16, 491.1
buden «будет» (sic) 482.2
bude «будет» 259.4, 279.15, 302.3, 335.20
budem «будем» 217.15, 323.17
budeti «будете» 499.6
budut «будут» 479.12
sabudett «забудет» 239.2
sbudis «сбудешь» 437.20
sbuditzi «сбудется» 230.8
dabudu «добуду» 290.3, 317.13, 328.8, 329.10, 409.4, 409.15
dabudes «добудешь» 242.20
pribudet «прибудет» 441.17

4. Некоторые именные флексии (у основ на губные).

vi
takovi «таковой» 'таковой' (nom. sg. m.) 207.9
kakovi «каковы» (nom. pl. f.) 219.13
novi «новы» 'новые' (acc. pl. f.) 274.17
chlevi «хлевы» (acc. pl.) 420.1

uŷ
meruŷ «мервы» (gen. sg.) 313.20

bi
rŷbi «рыбы» (nom. pl.) 132.16
rŷbi «рыбы» (gen. sg.) 258.2
ribi «рыбы» (gen. sg.) 194.15, 481.9
pallribi «пал-рыбы» 'камбала' (nom. pl.) 72.4
gubi «губы» (nom. pl.) 86.18
gubi «губы» (acc. pl.) 491.14

bŷ
subŷ «зубы» (nom. pl.) 86.21, 87.8
bes subŷ «без зубов» (acc. pl.?) 482.10
rŷbŷ «рыбы» (acc. pl.) 223.1

bui
besz bosz̄bui «без божбы» 208.1

pi
krupi «крупы» (nom. pl.) 64.17
kurpi «курпы» 'башмаки' (nom. pl.) 90.15

mi
dumi «думы» (gen. sg.) 316.10
ffzaimi «взаймы» 359.18

mŷ
timŷ «тимы» 'сафьян' (nom. pl.) 112.9

5. Огубленный рефлекс *ы не после губных согласных.

u = ы

lus «лыс» 78.3
golusniva «голузнива» (или «голушнива»?) 109.7
malumi «малыми» 316.3
toi tzenü «той цены» 315.1, 389.15, 395.12, 432.4
besz meru «без меры» 319.9
bes meru «без меры» 410.17–18
skasuväl «сказывал» 229.6, 306.16, 342.3, 353.16, 385.11
omanuvat «обманывать» 179.9, 470.8

ui = ы

ot tzenüi «от цены» 376.1

6. Использование некоторых букв в немецком тексте.

ui, 12×

suluige «сам» (совр. н.-нем. *sülvig*, совр. в.-нем. *selbig*) 13.17, 261.20
Dauit «Давид» 48.15
hauig «ястреб» (совр. н.-нем. *Hawik*, *Haavk*, совр. в.-нем. *Habicht*) 67.14
greuinges «барсучий» 'роющий' (совр. н.-нем. *grawen*, совр. в.-нем. *graben*) 111.16
quicksuluert «ртуть» (совр. н.-нем. *Quicksilver*, совр. в.-нем. *Quecksilber*) 120.2
vnhouisch «грубый» (совр. в.-нем. *unhöflich*) 226.3
priiilegia «привилегии» 269.13
scheuich «ветхий» (совр. н.-нем. *scheevsch*, совр. в.-нем. *schäbig*) 282.2, 314.17
houisch «подобаяющий» (совр. в.-нем. *höfisch*) 296.2
quidt «свободный» (совр. н.-нем. *quitt*) 437.21

uÿ, 1×

quÿdt «свободный» 480.6

üi, не отмечено

üÿ, не отмечено

ü, 15×

düt «это, то» (совр. н.-нем. *düt*, *dut*, совр. в.-нем. *dieses*) 1.1
leüte «люди» (совр. н.-нем. *Lüd*, *Lüüd*, совр. в.-нем. *Leute*) 7.4, *lüde* 434.2
für «для» (совр. н.-нем. *för*, *füar*, совр. в.-нем. *für*) 7.7
güdt «хороший» (совр. н.-нем. *gaut*, *goot*, *geot*, совр. в.-нем. *gut*) 14.25
mit tüchtenn «непристойно» (sic?) 89.18, ср. *skoronszkoï* «скоромный» = *tuchtich* 45.20
dünn «тонкий» (совр. н.-нем. *dünne*, *dönn*, совр. в.-нем. *dünn*) 133.9
dün «жидкий» (совр. в.-нем. *dünn*) 135.5
dünner «более жидкий» (совр. в.-нем. *dünner*) 135.6
bedüden «выучить/истолковать» (совр. н.-нем. *düden*, *bedüdden*, совр. в.-нем. *bedeuten*) 180.3
bestür «препятствовать» (совр. н.-нем. *stüren*, совр. в.-нем. *steuern*) 333.4, *bestüredt* 333.17, ср. написание в предыдущей строке: *besturen* 333.16
tühe «тащи» (совр. н.-нем. *tochen*, *tehn*, совр. в.-нем. *ziehen*) 345.13
lüeg «лги» (совр. н.-нем. *lögen*, *loegen*, *leegen*, *legen*, совр. в.-нем. *lügen*) 363.5
büstu «ты есть» (совр. н.-нем. *büst*, совр. в.-нем. *bist*) 431.11, ср. написание через несколько строк ниже: *bust* 431.16

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брызгунова 1963 – Е.А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
Булич (ред.) 1904 – С.К. Булич (ред.). A. Schlözer. Ruzsische Sprachlehre [А. Шлёцер. Русская грамматика]. Ч. 1–2. СПб., 1904.
Ваахтера 2009 – Й.М. Ваахтера. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области. Helsinki, 2009.

- Галинская 2002 – *Е.А. Галинская*. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
- Глускина, Большакова 1988 – *С.М. Глускина, Н.В. Большакова*. Разговорник Т. Фенне как источник для изучения псковского диалекта XVII века // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988.
- А. Дыбо 2011 – *А.В. Дыбо*. Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М., 2011.
- В. Дыбо 2004 – *В.А. Дыбо*. В защиту некоторых забытых или отвергнутых положений сравнительно-исторической фонетики славянских языков // Славянский вестник. 2004. № 2.
- В. Дыбо и др. 1990 – *В.А. Дыбо, Г.И. Замятина, С.Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- В. Дыбо и др. 1993 – *В.А. Дыбо, Г.И. Замятина, С.Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии: Словарь. Вып. 1: Непроизводные основы мужского рода. М., 1993.
- Зализняк 1993 – *А.А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Зализняк 1998 – *А.А. Зализняк*. Из наблюдений над «Разговорником» Фенне // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998.
- Зализняк 2004 – *А.А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Карский 1928 – *Е.Ф. Карский*. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
- Кибрик и др. 1977 – *А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловяникова, Д.С. Самедов*. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1: Лексика, фонетика. М., 1977.
- Кирсанов 2007 – *Н.О. Кирсанов*. Предшественники *ы* в русской топонимике Ингерманландии // *Linguistica uralica*. 2007. Т. 43. № 3.
- Князев 2012 – *С.В. Князев*. Дифтонг? Дифтонгоид? Монофтонг? О неоднородности [ы] в современном русском языке // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». 21–24 марта 2012 г. М., 2012.
- Кодзасов, Кривнова 2001 – *С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова*. Общая фонетика. М., 2001.
- Комри, Халилов 2010 – *Б. Комри, М. Халилов*. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Сопоставление основной лексики. Лейпциг; Махачкала, 2010. [*B. Comrie, M. Khalilov. Dictionary of languages and dialects of the peoples of the Northern Caucasus. Comparison of the basic lexicon. Leipzig; Makhachkala, 2010.*]
- Крысько 2006 – *В.Б. Крысько*. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. 2-е изд. М., 2006.
- Кулешов 2010 – *В.С. Кулешов*. Вокализм ранних славянских заимствований в прибалтийско-финских языках и реконструкция вокалической системы северно-словенского диалекта // V. Ju. Gusev, A. Widmer, A. Klein (eds.). *Gedenkschrift für Eugen A. Helimski (= Finnisch-Ugrische Mitteilungen, Bd. 32/33, Jahrgang 2008/2009)*. Hamburg, 2010.
- Ларин 2002 – *Б.А. Ларин*. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
- Лекомцева, Толстая 1968 – *М.И. Лекомцева, С.М. Толстая*. Фонологический комментарий к полесским диалектам // Полесье. Лингвистика, археология, топонимика. М., 1968.
- Материалы 2004 – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1: А–И / Под ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург, 2004.
- Минлос 2001 – *Ф.Р. Минлос*. Немецко-русский разговорник Т. Фенне (1607 г.) // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. Материалы науч. конф. Петрозаводск, 2001.
- Нахтигал 1963 – *Р. Нахтигал*. Славянские языки. М., 1963.
- Николаев 1988 – *С.Л. Николаев*. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1: Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.
- Николаев 1989 – *С.Л. Николаев*. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1: Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.
- Николаев 1990 – *С.Л. Николаев*. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.
- Николаев, Хелимский 1990/2000 – *С.Л. Николаев, Е.А. Хелимский*. Славянские (новгородско-псковские) заимствования в прибалтийско-финских языках: *-a* и *-i* в рефлексах имен мужского рода // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.

- [Первая публ. в: *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Ч. 1. М., 1990.]
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 1–. Л., 1967–.
- Срезневский 1893–1903 – *И.И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1903.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–. М., 1965–.
- СТРС – *А.К. Матвеев*. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. 1–3. Екатеринбург, 2001–2007.
- Тадинова 2006 – *Р.А. Тадинова*. Тюркские лексические заимствования в системе северокавказских языков: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2006.
- Тохтасьев 1998 – *С.Р. Тохтасьев*. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2: Славянские языки. СПб., 1998.
- Тохтасьев (в печати) – *С.Р. Тохтасьев*. Язык трактата *De Administrando Imperio* и его иноязычная лексика, в печати⁵².
- Успенский 1975 – *В.А. Успенский*. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносский период отечественной русистики. М., 1975.
- Успенский (ред.) 1987 – *J. Sohler*. Grammaire et methode russes et françoises, 1724 / Факсимильное изд. под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. Bd. 1–2. München, 1987.
- Хелимский 1988/2000 – *Е.А. Хелимский*. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. [Первая публ. в: *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Докл. советской делегации*. М., 1988.]
- Хорошкевич 2000 – *А.Л. Хорошкевич*. К истории создания немецко-русских словарей-разговорников Томаса Шrove и Тенниса Фенне // *Slavia orientalis*. 2000. V. 49. № 1.
- Шевельов 2002 – *Ю. Шевельов*. Історична фонологія української мови. Харків, 2002.
- ЭСЯ – Этимологический словарь славянских языков. Т. 1–. М., 1974–.
- Bellmann 2004 – *G. Bellmann*. Slawisch-Deutsch (Schwerpunkte) // W. Besch et al. (eds.). Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. Aufl. 4. Teilband. Berlin; New York, 2004.
- Bjørnflaten 2006 – *J.I. Bjørnflaten*. Chronologies of the Slavicization of Northern Russia mirrored by Slavic loanwords in Finnic and Baltic // *Slavica Helsingiensia*. 2006. 27.
- Bolek 1997 – *A. Bolek*. Czy Tönnies Fenne zasuguje na miano pionera slawistyki? // A. Bolek et al. (eds.). Słowianie wschodni. Między językiem a kulturą. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Wiesławowi Witkowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Kraków, 1997.
- Budziszewska 1991 – *W. Budziszewska*. Zapożyczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich. Warszawa, 1991.
- A. Dybo 2007 – *A.V. Dybo*. The phonetic features of Bulgar languages from the data of loan-words // Invited lecture at the Permanent international altaistics conference (PIAC), 50th Meeting, 2007, Kazan.
- Fałowski 1994 – *A. Fałowski*. Ein Rusch Boeck. Ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994.
- Fałowski 1996 – *A. Fałowski*. «Ein Rusch Boeck...». Rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa. Kraków, 1996.
- Fałowski 1997 – *A. Fałowski*. «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Część 2. Transliteracja tekstu. Indeks wyrazów i form rosyjskich. Kraków, 1997.
- Fałowski, Witkowski 1992 – *A. Fałowski, W. Witkowski*. «Einn Russisch Buch» by Thomas Schroue. The 16th-century Russian-German dictionary and phrase-book. Part one. Introduction. Photocopies. Cracow, 1992.
- Hämäläinen, Andrejev 1936 – *M.M. Hämäläinen, F.A. Andrejev*. Vepsa-venähine vajehnik. Leningrad, 1936.
- Hendriks 2011 – *P. Hendriks*. Innovation in tradition. Tönnies Fenne's Russian-German phrasebook (Pskov, 1607). Doctoral thesis, Leiden university centre for linguistics, 7 September 2011.

⁵² Готовящийся комментарий к новому изданию русского перевода сочинения Константина VII Багрянородного «Об управлении империей».

- Hendriks, Schaeken 2008a – P. Hendriks, J. Schaeken. Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian, Pskov 1607. An electronic text edition. Version 1.1 (July 2008) // <http://www.schaeken.nl>
- Hendriks, Schaeken 2008b – P. Hendriks, J. Schaeken. On the composition and language of three early Modern Russian-German phrasebooks // Dutch contributions to the Fourteenth international congress of Slavists, Ohrid: Linguistics. Amsterdam; New York, 2008.
- Holzer 1995 – G. Holzer. Die Einheitlichkeit des Slavischen um 600 n. Chr. und ihr Zerfall // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1995. 41.
- Holzer 2001 – G. Holzer. Zur Lautgeschichte des baltisch-slavischen Areals // Wiener slavistisches Jahrbuch. 2001. 47.
- Holzer 2002 – G. Holzer. Urslawisch // M. Okuka (ed.). Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt, 2002.
- Holzer 2003 – G. Holzer. Urslavische Phonologie // Wiener slavistisches Jahrbuch. 2003. 49.
- Holzer 2006 – G. Holzer. Methodologische Überlegungen zur Auswertung der slavisch-baltischen und slavisch-finnischen Lehnbeziehungen für die slavische Siedlungs- und Lautgeschichte // Slavica Helsingiensia. 2006. 27.
- Honselaar 1997 – Z. Honselaar. Следы окончания е и. ед. муж. о-склонения в одном современном гдовском говоре // R Ling. 1997. V. 21. № 3.
- Kalima 1956 – J. Kalima. Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. Berlin, 1956.
- Kallio 2006 – P. Kallio. On the earliest Slavic loanwords in Finnic // Slavica Helsingiensia. 2006. 27.
- Kiparsky 1934 – V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.
- Kiparsky 1963 – V. Kiparsky. Russische historische Grammatik. T. 1: Die Entwicklung des Lautsystems. Heidelberg, 1963.
- Kiparsky 1975 – V. Kiparsky. Russische historische Grammatik. T. 3: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.
- Koivulehto 2006 – J. Koivulehto. Wie alt sind die Kontakte zwischen Finnisch-Ugrisch und Balto-Slavisch? // Slavica Helsingiensia. 2006. 27.
- Lehr-Splawiński 1929 – T. Lehr-Splawiński. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.
- Lunt 1981 – H.G. Lunt. The progressive palatalization of Common Slavic. Skopje, 1981.
- Lunt 1989 – H.G. Lunt. The progressive palatalization [of] early Slavic: Evidence from Novgorod // Folia linguistica historica. 1989. V. 10. № 1—2.
- Mareš 1956 – F.V. Mareš. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty // Slavia. 1956. 25.
- Mareš 1965 – F.V. Mareš. The origin of the Slavic phonological system and its development up to the end of Slavic language unity. Ann Arbor, 1965.
- Matasović 2008 – R. Matasović. Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 2008.
- Matijević Sokol 2007 – M. Matijević Sokol. Krsni zdenac hrvata. Paleografsko-epigrafska raščlamba natpisa s krstionice kneza Višeslava // Croatica christiana periodica. 2007. 59.
- Miklosich 1898 – Fr. Miklosich. Altslovenische Lautlehre. 3. Aufl. Wien, 1878.
- Mullonen 2007 – I. Mullonen. Ancient place names of Obonež'e in the context of ethnic and linguistic contacts // Slavica Helsingiensia. 2007. 32.
- Orel 1998 – V. Orel. Albanian etymological dictionary. Leiden, 1998.
- Orel 2003 – V. Orel. A handbook of Germanic etymology. Leiden, 2003.
- Peters 1973 – R. Peters. Mittelniederdeutsche Sprache // J. Goossens (Hrsg.). Niederdeutsch. Sprache und Literatur. Eine Einführung. Bd. 1: Sprache. Neumünster, 1973.
- Plöger 1973 – A. Plöger. Die russischen Lehnwörter der finnischen Schriftsprache. Wiesbaden, 1973.
- Press 1977 – J.I. Press. The place of the vowel y in the development of the Slavonic languages // The Slavonic and East European review. 1977. V. 55. № 4.
- Press 1986 – J.I. Press. Aspects of the phonology of the Slavonic language. The vowel y and the consonantal correlation of palatalization. Amsterdam, 1986.
- Pronk-Tiethoff 2010 – S. Pronk-Tiethoff. Semantička polja germanskih posuđenica u praslavenskoj // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2010. V. 36. № 2.
- Prowatke 1988 – Chr. Prowatke. Zur graphematischen Analyse historischer schriftlicher Überlieferungen // H.J. Gernert (Hsg.). Untersuchungen zum «Russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch» des Tönnies Fenne, Pskov 1607. Ein Beitrag zur deutschen Sprachgeschichte. Berlin, 1988.
- Reiffenstein 2003 – I. Reiffenstein. Aspekte einer Sprachgeschichte des Bayerisch-Österreichischen bis zum Beginn der frühen Neuzeit // W. Besch et al. (eds.). Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur

- Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. Aufl. 3. Teilband. Berlin; New York, 2003.
- Schaeken 1992 – *J. Schaeken*. Zum nordrussischen Nominativ Singular auf *-e* im Gesprächsbuch des Tönnies Fenne (Pskov 1607) // *Studies in Slavic and general linguistics*. 1992. 17.
- Schiller, Lübben 1875–1881 – *K. Schiller, A. Lübben*. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. 1–6. Bremen, 1875–1881.
- Schwarz 1929 – *E. Schwarz*. Zur Chronologie von *asl. ū > y* // *Archiv für slavische Philologie*. 42. 1929.
- Shevelov 1964 – *G. Shevelov*. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.
- Skach 2008 – *E. Skach*. Die Lautgeschichte des frühen Slavischen in Griechenland im Lichte der Lehnbeziehungen. Ph.D. diss. Wien, 2008.
- Skardžius 1931 – *P. Skardžius*. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. Kaunas, 1931.
- Stachowski 2009 – *M. Stachowski*. Eugen Helimskis Materialien zur Erforschung der ältesten slawisch-ungarischen Sprachkontakte // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2009. V. 14.
- Snoj 2009 – *M. Snoj*. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana, 2009.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- Sussex, Cubberley 2006 – *R. Sussex, P. Cubberley*. The Slavic languages. Cambridge, 2006.
- Svane 1992 – *G. Svane*. Slavische Lehnwörter im Albanischen. Aarhus, 1992.
- TF – Tönnies Fenne's Low German manual of Spoken Russian. Pskov 1607. V. 1: *L.L. Hammerich et al.* Facsimile copy (Copenhagen, 1961). V. 2: *L.L. Hammerich, R. Jakobson*. Transliteration and translation (Copenhagen, 1970). V. 3: *A.H. van den Baar*. Russian-Low German glossary (Copenhagen, 1985). V. 4: *H.J. Gernentz*. Mittelniederdeutsch-neuhochdeutsches Wörterbuch zum russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch (Copenhagen, 1986).
- Thomason, Kaufman 1988 – *S.G. Thomason, T. Kaufman*. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley, 1988.
- Unbegaun 1969 – *B.O. Unbegaun*. Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts: Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung. München, 1969.
- Vaillant 1950 – *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. T. 1: Phonétique. Paris, 1950.
- Vaillant 1964 – *A. Vaillant*. Manuel de vieux slave. T. 1: Grammaire. Paris, 1964.
- Vrana 1964 – *J. Vrana*. Glagoljski grafemi Ѡ-Ѣ, ѠѠ-ѢѢ i njihova ćiriljska transkripcija // *Slavia*. 1964. V. 33. № 2.
- Vasmer 1941/1970 – *M. Vasmer*. Die Slaven in Griechenland. Verlag der Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1941. (Zentral Antiquariat der Deutschen Demokratischen Republik. Leipzig, 1970.)
- Vermeer 2000 – *W. Vermeer*. On the status of the earliest Russian isogloss: four untenable and three questionable reasons for separating the progressive and the second regressive palatalization of Common Slavic // *RLing*. 2000. V. 24. № 1.
- Ylli 1997 – *Xh. Ylli*. Das slavische Lehngut im Albanischen. 1. Teil: Lehnwörter. München, 1997.
- Ylli 2000 – *Xh. Ylli*. Das slavische Lehngut im Albanischen. 2. Teil: Ortsnamen. München, 2000.

Сведения об авторе:

Алексей Сергеевич Касьян
 Институт языкознания РАН,
 Центр компаративистики ИВКА РГГУ
 a.kassian@gmail.com

© 2012 г. Н.К. БОГОМОЛОВА

**ЛИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКЕ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАТОР И ЕГО АДРЕСАТ В СТРУКТУРЕ
СИТУАЦИИ***

Статья посвящена исследованию морфологии, семантики и прагматики глагольных согласовательных показателей в табасаранском языке (нахско-дагестанская семья, Хивский и Табасаранский районы Республики Дагестан) на материале говора сел. Межгюль (Хивский район, южное наречие). В статье показано, что, вопреки сложившемуся в научной литературе мнению, показатели при финитном глаголе (как субъектные, так и объектные) не могут рассматриваться как результат чисто синтаксических механизмов переноса лично-числовых признаков субъекта или объекта, а представляют собой способ управления вниманием адресата и отражают концептуализацию участника ситуации – лица как ее центральной фигуры.

В отличие от большинства других дагестанских языков, в табасаранском языке представлено личное глагольное согласование [Услар 1979; Магомедов 1955; Магомедов 1965: 205–215; Ханмагомедов 1970: 64–102; Кибрик, Селезнев 1982]. Согласование глагола по лицу в табасаранском языке состоит в том, что если в предложении есть местоимение первого или второго лица, то оно дублируется в глагольной словоформе, причем согласоваться может любой аргумент глагола. Ср. следующие примеры:

- (1) *uzu dumu ar'-ur-za.*
я это делать-FUT-1SG:AG
'Я это сделаю'.
- (2) *duvu uzu derben.ʒi-z aχ-ur-zu.*
он: ERG я Дербент-DAT <NN>уносить-FUT-1SG:PAT
'Он отвезет меня в Дербент'.
- (3) *uzu-z gasul b-a'<r>q:-un-zu-z.*
я-DAT Расул PF-<NN>видеть-PFT-1SG-DAT
'Я Расула видел'.
- (4) *ma'hamad.ʒi jiz χu'ni hič'ik'-n-iz.*
Магомед(ERG) мой корова <N>красть-PFT-1SG:GEN
'Магомед мою корову украл'.
- (5) *mama uzu-q lič-ur-zu-q.*
мама я-POST ходить-FUT-1SG-POST
'Мама будет искать меня'.

В примере (1) местоимение первого лица единственного числа *uzu* согласуется с глаголом при помощи личного показателя *-za*, который, помимо лица и числа аргумента, указывает также на его морфологический падеж (номинатив), синтаксическую (субъект) и семантическую (агенса) роли. В примере (3) то же местоимение в дательном

* Большую помощь при работе над статьей мне оказали замечания рецензента, благодаря которым некоторые разделы были переработаны и улучшены. Я хочу также выразить благодарность Диме Ганенкову и Тимуру Майсаку, внимательно прочитавшим текст статьи и высказавшим ряд конструктивных замечаний и предложений. Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 12-34-01255 и МК-291.2012.6.

падеже вызывает показатель *-ziz* при глаголе 'видеть', согласующийся с ним в лице, числе и падеже. Примеры (2), (4) и (5) демонстрируют возможность согласования глагола с одним из своих не-субъектных аргументов (на примере местоимения первого лица единственного числа): в примере (2) показатель *-zi* обозначает местоименный номинативный аргумент с ролью пациента, в примере (4) посессивное местоимение при объекте согласуется с глаголом при помощи показателя *-jiz* и, наконец, в примере (5) показатель *-ziq* указывает на согласование с местоимением в одном из локативных падежей, постэссиве.

В сфере личного согласования табасаранский язык, с одной стороны, отличается от близкородственных агульского и лезгинского языков, где личное согласование отсутствует, а с другой стороны, превосходит по своей сложности те немногие дагестанские языки, где оно представлено (даргинский, лакский, удинский, ахвахский).

Глагольное согласование характерно, по всей видимости, для всех табасаранских диалектов и говоров. В говорах тех сел, где мы проводили полевые исследования (а их около десяти), согласование во многом ведет себя одинаково: схожи и правила появления личных показателей при глаголе, и семантика согласования. Тем не менее при сборе материала мы не обнаружили говоров, где парадигмы личного согласования полностью бы совпадали. Различие между диалектами связано как с морфологией глагольных согласовательных аффиксов, так и с колебаниями в области семантики.

Предварительные сведения о глагольном согласовании в табасаранском языке были даны уже в [Услар 1979; Магометов 1955; 1965; Ханмагомедов 1970; Генко 2005¹], однако впервые его системное описание было представлено в работе [Кибрик, Селезнев 1982], написанной по результатам экспедиции МГУ 1979 года в сел. Дюбек (Табасаранский район, северное наречие) с привлечением данных говоров сел. Хив и Кандик (оба Хивский район, южное наречие). Краткое описание системы личного согласования в сел. Кандик было опубликовано в [Кибрик 2003].

В настоящей статье рассматривается личное согласование в говоре сел. Межгюль (Хивский район Республики Дагестан)². Этот говор не только территориально, но и по языковым признакам относится к южному наречию табасаранского языка (о диалектных различиях см. [Магометов 1965; Генко 2005]) и значительно отличается от говоров северного Табасарана. До настоящего времени этот говор не подвергался непосредственному изучению. Вместе с тем наша цель в этой статье состоит не только и не столько в том, чтобы описать саму по себе систему согласования в говоре сел. Межгюль, но и в том, чтобы рассмотреть на ее примере наиболее интересные и проблемные точки в области личного согласования в табасаранском языке в целом.

Разделы 1 и 2 дают общее представление о личном глагольном согласовании в табасаранском языке: здесь рассматривается система личных местоимений первого и второго лица и соответствующие им личные глагольные показатели, а также базовые правила личного согласования. Раздел 3 посвящен морфологическому анализу личных глагольных аффиксов в говоре сел. Межгюль. Анализ демонстрирует недостаточность морфологических данных для объяснения существующих запретов в области согласо-

¹ Диалектологический очерк табасаранского языка был написан А.Н. Генко в 1934–1935 гг., однако опубликован значительно позже, в 2005 г.

² Мы приносим огромную благодарность Шахвеледу, Марисат и Марине Мирзакеримовым (с. Межгюль) за большой и кропотливый труд при работе над многочисленными анкетами и переводами, за искреннее желание помочь нам и за гостеприимный прием, который мы всегда находим в их доме. Неоценимый вклад в нашу работу внес Тажир Гаджимагомедов (с. Джули Табасаранского района Республики Дагестан). Работа с ним всегда оказывается не только плодотворным изучением грамматики табасаранского языка, но и просто приятным общением. Его уникальная способность тонко анализировать языковые данные позволила нам глубже проникнуть и понять многие грамматические явления в области личного согласования. Огромную благодарность за организацию наших занятий мы выражаем также его жене Наиде.

вания. Далее в статье рассматривается семантика и прагматика личного глагольного согласования. В разделе 4 анализируется связь личного согласования с информационной структурой предложения. Раздел 5 составляет центральный фрагмент статьи: здесь выделяются релевантные семантические параметры, такие как тип ситуации и тип говорящего, определяющие обязательность согласования, а также обсуждаются дискурсивные условия, при которых возникает факультативное согласование. В заключение приводятся основные выводы о свойствах личных глагольных показателей.

1. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ И ГЛАГОЛЬНЫЕ СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ

Сначала кратко рассмотрим общеизвестные факты, связанные с личным согласованием в табасаранском языке. Как показано уже в [Магомедов 1965; Ханмагомедов 1970; Генко 2005; Кибрик, Селезнев 1982], в табасаранском языке глагол согласуется только с местоимениями первого и второго лица, тогда как местоимение третьего лица не вызывает согласования. Так, в примере (6) показатель *-za* контролируется местоимением первого лица единственного числа, в примере (7) показатель *-va* указывает на местоименный субъект второго лица единственного числа, а в примере (8) личный показатель отсутствует³.

- (6) *uzu gasul* *в-u¹<г>χ-un-za.*
 я Расул PF-<NN>беречь-PFT-1SG
 'Я спас Расула'.
- (7) *uvu gasul* *в-u¹<г>χ-un-va.*
 ты Расул PF-<NN>беречь-PFT-2SG
 'Ты спас Расула'.
- (8) *gasul.i murad* *в-u¹<г>χ-nu.*
 Расул(ERG) Мурад PF-<NN>беречь-PFT
 'Расул спас Мурада'.

Глагольные личные маркеры по своему происхождению являются местоимениями, сохраняя до настоящего времени очевидную связь с ними. Они дублируют форму местоимения, контролирующего согласование, включая также и его падежное оформление. В сел. Межгюль инвентарь личных местоимений включает пять единиц: два в единственном числе и три во множественном, см. (9).

(9)	SG	PL	
1	<i>uzu</i>	INCL	<i>uxu</i>
		EXCL	<i>uʃu</i>
2	<i>uvu</i>		<i>uʃu</i>

Падежная парадигма местоимений в целом имеет тот же набор форм, что и парадигма существительных. Местоимения, как и существительные, имеют грамматические падежи (генитив и датив) и характерную для дагестанских языков разработанную систему локативных форм, маркирующих положение или перемещение объекта по отношению к выбранному ориентиру.

Единственным отличием местоименной парадигмы является неразличение форм номинатива и эргатива. В целом табасаранский язык является морфологически эргативным, то есть субъект непереходного глагола и объект переходного глагола здесь немаркированы, а субъект переходного глагола оформляется эргативным падежом. Однако у местоимений для выражения всех трех основных грамматических ролей (субъект и объект переходного глагола, субъект непереходного глагола) используется немаркированная основа. Ср. оформление субъекта переходного глагола *ap'uz* 'делать' и субъекта

³ Обсуждение того, следует ли данную ситуацию рассматривать как отсутствие согласования или же как нулевое согласование, см. в [Кибрик, Селезнев 1982].

непереходного глагола *vu¹z* ‘приходить’ у существительных, примеры (10)–(11), и местоимений, примеры (12)–(13).

- (10) *gasul.i dumu v-ap'-nu.*
 Расул(ERG) это PF-делать-PFT
 ‘Расул это сделал’.
- (11) *gasul va-f-nu.*
 Расул PF-приходить-PFT
 ‘Расул пришел’.
- (12) *uzu dumu v-ap'-un-za.*
 я это PF-делать-PFT-1SG
 ‘Я это сделал’.
- (13) *uzu va-f-un-za.*
 я PF-приходить-PFT-1SG
 ‘Я пришел’.

В первом приближении морфология глагольного согласования устроена достаточно просто: к финитной глагольной словоформе присоединяется форма местоимения первого или второго лица с усеченной начальной гласной. Причем ограничений на согласование, связанных с ролью или падежным маркированием местоимения, не существует, то есть согласование при глаголе может контролировать практически любая местоименная форма. Примеры местоименных падежных форм и соответствующих им глагольных согласовательных показателей см. в таблице 1 (о распределении вариантов номинативного показателя см. ниже).

Таблица 1

Местоимения и согласовательные показатели 2SG

	‘ты’	глагольный аффикс 2SG	примеры
NOM	<i>uvu</i>	<i>-va -vu</i>	(14), (15)
DAT	<i>uvu-z</i>	<i>-vu-z</i>	(16)
APUD(-ESS)	<i>uvu-x</i>	<i>-vu-x</i>	(17)
POST(-ESS)	<i>uvu-q</i>	<i>-vu-q</i>	(18)
APUD-LAT	<i>uvu-x-na</i>	<i>-uvu-x-na</i>	(19)
APUD-LAT-DIR	<i>uvu-x-in-ži</i>	<i>-vu-x-in-ži</i>	(20)

- (14) *uvu dumu ap'-ur-va.*
 ты это делать-FUT-2SG
 ‘Ты сделаешь это’.
- (15) *uvu ka<г>c'-un-vu.*
 ты <NN>пачкаться-PFT-2SG
 ‘Ты испачкался’.
- (16) *durar.i uvu-z nik: tuv-un-vu-z.*
 они(ERG) ты-DAT молоко давать-PFT-2SG-DAT
 ‘Они дали тебе молока’.
- (17) *uvu-x k'ak'ar x-a-vu-x.*
 ты-APUD нож APUD-быть-2SG-APUD
 ‘У тебя с собой есть нож’.
- (18) *bal.i uvu-q qra¹q-u¹r-vu-q.*
 мальчик(ERG) ты-POST слушать-FUT-2SG-POST
 ‘Мальчик будет тебя слушаться’.
- (19) *gasul.i uvu-x-na va-f-un-vu-x-na.*
 Расул(ERG) ты-APUD-LAT PF-приходить-2SG-APUD-LAT
 ‘Расул приходил к тебе’.

- (20) žaq'-ar uvu-x-in-ži t'i<r>χ-ur-vu-x-in-ži.
 птица-PL ты-APUD-LAT-DIR <NN>лететь-FUT-2SG-APUD-LAT-DIR
 'Птицы прилетят к тебе'.

Как видно из примеров (14) и (15), при непереходном глаголе используются два разных субъектных показателя: с конечным гласным *-a* или же с конечным гласным *-и*. Такое расщепленное маркирование субъекта непереходного глагола характерно для всех говоров южного наречия (см. [Магометов 1965; Ханмагомедов 1970; Кибрик 2003; Генко 2005]) и имеет семантическую мотивацию. Показатели с конечным *-a* обозначают агентивный субъект при глаголах типа 'идти', 'бежать', 'работать' (тот же показатель используется для маркирования субъекта переходного глагола), тогда как показатели с конечным *-и* указывают на субъект, не контролирующий протекание ситуации (например, при глаголах 'падать', 'заблудиться', 'гореть', 'умирать'). Ряд глаголов допускает параллельное употребление обоих показателей, обычно с соответствующим различием в семантике (например, 'падать случайно' и 'падать нарочно').

Особенностью, отличающей табасаранский язык от других нахско-дагестанских языков, является то, что глагол имеет две морфологические согласовательные позиции: если в предложении имеется два аргумента первого и второго лица, то при определенных условиях глагол может принимать два личных показателя, контролируемых этими местоименными аргументами:

- (21) uzu uvu k-u<r>χ-un-za-vu.
 я ты PF-<NN>беречь-PFT-1SG-2SG
 'Я тебя спас'.

2. ТИПЫ ЛИЧНОГО СОГЛАСОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Как показано в существующей литературе [Кибрик, Селезнев 1982], личное согласование в табасаранском языке бывает двух типов: обязательное и факультативное. В первом приближении тип согласования определяется синтаксической ролью местоимения-контролера. В говоре сел. Межгюль личное местоимение первого или второго лица в позиции субъекта всегда вызывает глагольное согласование, независимо от его семантической роли и, соответственно, падежа, которым оформляется субъектный аргумент. Так, например, согласовательным аффиксом маркируется агентивный субъект при переходном глаголе (22), дативный субъект экспериенциального предиката (23) и локативный субъект при глаголе 'мочь' (24); отсутствие согласовательного показателя при глаголе делает эти предложения неграмматичными.

- (22) uzu rasul k_oč'al k-ap'-un-za || *k-ap'-nu.
 я Расул обман PF-делать-PFT-1SG PF-делать-PFT
 'Я обманул Расула'.
- (23) uzu-z ku<r> k-aq:-un-zu-z || *k-aq:-nu.
 я-DAT заяц PF-<N>видеть-PFT-1SG-DAT PF-<N>видеть-PFT
 'Я увидел зайца'.
- (24) uz-x-an ku<r> b-is-uz šul-zu-x-an || *šul-u.
 я-APUD-ELAT заяц N-хватать-INF мочь-1SG-APUD-ELAT мочь-COP
 'Я могу поймать зайца'.

Этот тип согласования в [Кибрик, Селезнев 1982] был назван синтаксическим в отличие от необязательного, семантического, согласования. В дальнейшем, в разделе, посвященном семантике, мы вернемся к этому типу и покажем, что иногда, в достаточно специфических контекстах, обязательность субъектного согласования может нарушаться.

В отличие от субъекта, местоимение, занимающее позицию второго аргумента, может как контролировать согласование при глаголе, так и обходиться без него. Как вид-

но из следующих примеров, наличие согласования с не-субъектным аргументом или его отсутствие не влияет на грамматичность предложения: оба варианта признаются допустимыми. Ниже мы подробно рассмотрим условия, при которых возникает не-субъектное согласование.

- (25) gasul.i uzu-z k_očal в-ар'-ну || в-ар'-ун-зу-з.
 Расул(ERG) я-DAT обман PF-делать-PFT PF-делать-PFT-1SG-DAT
 'Расул меня обманул'.

Совмещение обоих возможных типов согласования происходит в том случае, если в предложении оба аргумента являются личными местоимениями. Поскольку согласование со вторым личным аргументом факультативно, и в этом случае возможны два варианта: только (обязательное) согласование с субъектным аргументом (26) и одновременное согласование с обоими личными аргументами (27).

- (26) uzu uvu в-у¹<г>χ-ун-за.
 я ты PF-<NN>беречь-PFT-1SG
 'Я тебя спас'.
- (27) uzu uvu в-у¹<г>χ-ун-за-ву.
 я ты PF-<NN>беречь-PFT-1SG-2SG
 'Я тебя спас'.

Следует отметить, что, хотя в устной речи согласование с не-субъектным аргументом (как при личном субъекте, так и при субъекте третьего лица) – явление нередкое, в принципе оно не предсказуемо, в том смысле что нет каких-либо формальных средств, которые его бы «предвещали». Интересно также и то, что в подавляющем большинстве случаев носители языка практически не улавливают каких-либо смысловых различий между предложениями типа (26) только с субъектным согласованием и предложениями типа (27), где глагол имеет два личных показателя.

Отметим при этом, что двойное согласование невозможно в рефлексивных конструкциях, где оба аргумента выражены одним и тем же местоимением (ср. «запрет на рефлексив» в [Кибрик, Селезнев 1982]):

- (28) *uzu uzu в-у¹<г>χ-ун-за-зу.
 я я PF-<NN>беречь-PFT-1SG:AG-1SG:PAT
 'Я спасся'.

Личное согласование выглядит еще более интригующим, если принять во внимание тот факт, что в говоре сел. Межгюль, как и во многих других табасаранских говорах, наблюдаются существенные ограничения на двойное согласование: оно возможно только в том случае, когда субъектом является первое лицо, и, напротив, запрещено при субъекте второго лица. Иными словами, если в комбинации лиц 1–2 согласование с двумя местоимениями разрешено, а в некоторых случаях является и более предпочтительным, то в сочетании лиц 2–1 возможно только субъектное согласование, а согласование с не-субъектным аргументом полностью отвергается:

- (29) uvu uzu-z k_umek ар'-ур-ва(*-зу-з).
 ты я-DAT помощь делать-FUT-2SG:AG-(1SG-DAT)
 'Ты мне поможешь'.

Этот факт табасаранского личного согласования был впервые зафиксирован в работе [Кибрик, Селезнев 1982], где было предложено его морфологическое объяснение, а именно: показатель субъекта первого лица размещается в первой морфологической позиции в глагольной словоформе, тогда как субъект второго лица, равно как и не-субъектные аргументы, занимает вторую морфологическую позицию. Тем самым двойное согласование при субъекте второго лица оказывается невозможным, поскольку оба по-

казателя в этом случае вступают в конфликт, претендуя на один и тот же согласовательный слот. Приоритет в этом конфликте имеет субъектный показатель, имеющий обязательный характер. Для того чтобы выяснить, насколько хорошо морфологический подход объясняет это ограничение, в следующем разделе мы более подробно рассмотрим морфологию согласовательных аффиксов в межгюльском говоре.

3. МОРФОЛОГИЯ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Приведенные выше примеры показывают, что глагол имеет две морфологические позиции, поскольку способен принимать не более двух согласовательных аффиксов. Наличие в глаголе двух морфологических ячеек дает возможность трех вариантов размещения аффикса в глагольной словоформе: (а) личный показатель находится в первой позиции, (б) личный показатель занимает вторую позицию при незаполненной первой позиции, и (в) личные показатели заполняют обе позиции.

Для того чтобы продемонстрировать, в какой позиции находится тот или иной согласовательный аффикс, очевидно, необходимо проверить его морфологическую сочетаемость с другими показателями. Если за каким-либо согласовательным аффиксом находится другой согласовательный показатель, то этот аффикс находится в первой позиции. Если этот же маркер также и не «пропускает вперед» никакой другой, то показатель уже по двум параметрам попадает в первую позицию. Наоборот, если маркер не допускает последующего аффикса и в то же время может следовать за другим, то он находится во второй морфологической позиции. Однако такого рода процедура возможна не со всеми личными маркерами, поскольку некоторые согласовательные показатели не сочетаются ни с какими другими, следовательно, позицию таких показателей напрямую установить невозможно.

Таким способом легко установить, что субъектный показатель первого лица занимает первую позицию, а не-субъектный маркер второго лица – вторую; обратный порядок невозможен:

- (30) a. uzu uvu-z kümek ap'-ur-za-vu-z.
 я ТЫ-DAT помощь делать-FUT-1SG-2SG-DAT
 b. *uzu uvu-z kümek ap'-ur-vu-z-za.
 я ТЫ-DAT помощь делать-FUT-2SG-DAT-1SG
 ‘Я тебе помогу’.

Сложнее обстоит дело с не-субъектными показателями первого лица и субъектными показателями второго лица, поскольку вследствие описанных выше запретов на двойное и рефлексивное согласование невозможно с определенностью установить, в какой позиции находятся эти показатели⁴.

Тем не менее можно привести аргументы в пользу того, что не-субъектные показатели первого лица, как и не-субъектные показатели второго лица, занимают вторую морфологическую позицию. Основным аргументом основан на том, что пациентивные показатели первого лица -zu (1SG), -xi (1INCL) и -çi (1EXCL) используются для обозначения как объекта переходного глагола, так и субъекта некоторых непереходных глаголов (см. выше). С одной стороны, субъектные пациентивные показатели ведут себя аналогично агентивным, то есть допускают последующий не-субъектный показатель, что говорит о том, что субъектные пациентивные показатели также находятся в первой морфологической позиции:

- (31) uzu uvu-x-na k-uş-un-za-vu-x-na.
 я ТЫ-APUD-LAT PF-<NN>уходить-PFT-1SG:AG-2SG-APUD-LAT
 ‘Я пошел к тебе’.

⁴ Напомним, что в [Кибрик, Селезнев 1982] сам этот запрет интерпретируется как следствие того, что и субъектный показатель второго лица, и не-субъектный показатель первого лица находятся во второй позиции.

- (32) uzu uvu-x-na k-aq-un-zu-vu-x-na.
 я ты-APUD-LAT PF-<NN>падать-PFT-1SG:PAT-2SG-APUD-LAT
 'Я упал к тебе'.

Однако не-субъектные пациентивные показатели не допускают таких комбинаций:

- (33) p:ar:i uzu uvu-z tuv-ur-zu(*-vu-z).
 папа(ERG) я ты-DAT дать-FUT-1SG:PAT-2SG-DAT
 'Папа выдаст (замуж) меня за тебя'.

Пример (32) показывает, что сочетание пациентивного показателя с не-субъектным показателем в принципе возможно. Следовательно, запрет на двойное согласование в (33), по-видимому, обусловлен морфологическими ограничениями, а именно: пациентивный несубъектный показатель занимает вторую морфологическую позицию. Пример (33) показывает также, что этот показатель находится во второй позиции даже при субъекте третьего лица, когда первая позиция остается незаполненной.

Совершенно по-иному ведут себя субъектный номинативный показатель второго лица, а также субъектные показатели, кодируемые косвенными падежами. Морфологическое поведение этих показателей не удастся однозначно установить с помощью предложенной выше процедуры. С одной стороны, они не способны сочетаться с каким-либо последующим аффиксом:

- (34) uvu uzu-z kũmek ap'-ur-va(*-zu-z).
 ты я-DAT помощь делать-FUT-2SG:AG(-1SG-DAT)
 'Ты мне поможешь'.
- (35) uzu-z uvu gund-u-zu-z(*-vu).
 я-DAT ты хотеть-COP-1SG-DAT(-2SG:PAT)
 'Я тебя люблю'.
- (36) uz-x-a uvu d-is-uz ŧul-z-x-a(*-vu).
 я-APUD-ELAT ты NN-ЛОВИТЬ-INF мочь-1SG-APUD-ELAT(-2SG:PAT)
 'Я могу поймать тебя'.

Одно из возможных решений состоит в том, чтобы считать, что эти показатели занимают вторую морфологическую позицию, как и было предложено в [Кибрик, Селезнев 1982]. Сложность, однако, заключается в том, что в диалекте отсутствуют и примеры, однозначно показывающие, что аффиксы занимают именно последнюю ячейку, поскольку субъектные показатели второго лица и косвенные субъектные показатели не пропускают вперед никакие другие личные маркеры:

- (37) *uvu uzu-z kũmek ap'-ur-zu-z-va.
 ты я-DAT помощь делать-FUT-1SG-DAT-2SG:AG
 'Ты мне поможешь'.
- (38) *uzu-z uvu gund-u-vu-zu-z.
 я-DAT ты любить-COP-2SG:PAT-1SG-DAT
 'Я тебя люблю'.
- (39) *uz-x-a uvu d-is-uz ŧul-vu-z-x-a.
 я-APUD-ELAT ты NN-ЛОВИТЬ-INF мочь-2SG:PAT-1SG-APUD-ELAT
 'Я могу тебя поймать'.

Мы предлагаем считать, что все субъектные показатели, в том числе и показатель второго лица, и неноминативные субъектные показатели, занимают первую морфологическую позицию. Ограничения же на сочетаемость с последующими личными маркерами первого лица в этих случаях вызваны не морфологическими факторами, а семантическими причинами, которые мы постараемся продемонстрировать ниже.

Таким образом, при данной интерпретации личные показатели в говоре сел. Межгюль строго распределены по морфологическим позициям в зависимости от синтакси-

ческой роли. Первая позиция обязательно заполняется субъектным показателем, вторая же позиция факультативно заполняется не-субъектным показателем.

Прежде чем мы перейдем к дальнейшему анализу и попытаемся выявить семантику согласования, рассмотрим вопрос о том, связано ли личное согласование с информационной структурой предложения.

4. СОГЛАСОВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Известно, что в ряде языков факультативность согласовательных показателей, в частности не-субъектных, может быть связана с коммуникативным членением информации в предложении. Так, в работе [Nikolaeva 2001] показано, что в мансийском языке объектный согласовательный показатель возникает только в том случае, когда объект находится в топике высказывания. Рассмотрим, наблюдается ли взаимосвязь между информационной структурой предложения и использованием личных согласовательных показателей в табасаранском.

Прежде всего следует отметить, что субъектное согласование – вполне ожидаемо – ведет себя нейтрально по отношению к тому, находится личный субъектный аргумент в топикальной или фокусной части предложения. Ср. следующие примеры:

Аргументный фокус на субъекте

- (40) a. šli vi-b-ik'-nu kavaz?
кто:ERG PF-N-писать-PFT ПИСЬМО
'Кто написал письмо?'
b. uzu kavaz vi-b-ik'-un-za.
я ПИСЬМО PF-N-писать-PFT-1SG:AG
'Я написал письмо'.

Субъект входит в топикальную часть предложения

- (41) a. fu uvu b-ik'-ura-va?
что ты N-писать-PRS-2SG:AG
'Что ты пишешь?'
b. uzu mam.i-z kavaz b-ik'-ura-za.
я мама-DAT ПИСЬМО N-писать-PRS-1SG:AG
'Я пишу письмо маме'.

Применение подобных тестов к факультативному согласованию с не-субъектным аргументом также не дает результатов. Такое согласование возможно как в том случае, когда аргумент топикален, так и в том случае, когда он в фокусе. Например, в (42) не-субъектное местоимение является топиком предложения, в (43) оно входит в фокус, поскольку предложение является тетическим.

- (42) a. uzu šli a<r>g-ur-a-ji?
я кто:ERG <NN>искать-CONV-PRS-IPFT
'Кто меня искал?'
b. mag.i a<r>g-ur-a-ji-vu.
Мага(ERG) <NN>искать-CONV-PRS-IPFT-2SG:PAT
'Мага тебя искал'.

- (43) (Ребенок вбегает в дом и кричит маме:)
мама, a'hmed.ži в-u<r> ċ:-un-zu!
мама Ахмед(ERG) PF-<NN>бить-PFT-1SG:PAT
'Мама, Ахмед меня побил!'

Хотя ситуация, в которой возникает двойное согласование, чаще всего связана с топикальным статусом обоих личных аргументов, эта закономерность не является абсо-

лютной. По крайней мере, в нашем корпусе имеются примеры, показывающие возможность двойного согласования при фокусируемом субъекте:

(44) (Когда я приду из школы, кто откроет мне дверь?)

uzu t'ap'-ur-za-vu-z, uzu χ_ola šul-za.
я <N>открывать-FUT-1SG:AG-2SG-DAT я дом(IN) статья:FUT-1SG:AG
'Я открою тебе, я буду дома'.

Кроме того, одинаковые с точки зрения информационной структуры высказывания допускают оба варианта согласования – только субъектный показатель или согласование с двумя личными аргументами, как в примере (45), где задан контекст, предполагающий топиальность обоих аргументов:

(45) (Что ты мне вчера купила в магазине?)

uzu uvu-z buluška kadav-un-za(-vu-z).
я ты-DAT платье <N>купить-PFT-1SG:AG-2SG-DAT
'Я тебе купила платье'.

Таким образом, как видно, субъектные и не-субъектные показатели в целом ведут себя одинаково по отношению к информационной структуре предложения и их появление не зависит от вхождения в тот или иной ее компонент.

5. СЕМАНТИКА ЛИЧНОГО СОГЛАСОВАНИЯ

Как уже было сказано выше, в подавляющем большинстве контекстов субъектное согласование является обязательным, а его отсутствие приводит к неграмматичности предложения. Однако существует ряд случаев, когда согласование с личным субъектом не только не обязательно, но и вообще запрещено. Наиболее важными в этом отношении являются предложения, в которых говорящий передает чужие слова, то есть косвенная речь. Не описывая здесь конструкции с косвенной речью во всей полноте, мы коснемся лишь отдельных, наиболее значимых для понимания природы согласования, свойств этих конструкций.

5.1. Передача чужой речи в табасаранском языке

Поведение согласовательных показателей в конструкциях с косвенной речью (типа *Мама сказала, что папа уехал*) коренным образом отличается от того, что мы наблюдали в простом предложении.

В табасаранском языке чужая речь передается при помощи сложноподчиненных предложений, в которых главная клауза возглавляется глаголом речи или мысли и передает исходную ситуацию произнесения исходным говорящим (*Мама сказала*), а придаточная клауза передает те слова, которые этот исходный говорящий произнес (*папа уехал*). При этом вся сложноподчиненная конструкция произносится участником, которого можно обозначить как «текущий говорящий». Наличие двух говорящих в ситуации передачи речи и приводит к кардинальным различиям в личном согласовании между простым предложением и конструкциями с косвенной речью.

В этих конструкциях интерес для нас представляет прежде всего поведение личных показателей в придаточной клаузе. Употребление личных показателей здесь зависит от того, каким образом участник передаваемой ситуации (*папа уехал*) соотносится с речевой ситуацией, названной в главной клаузе (*мама сказала*)⁵. Показатель первого

⁵ Речевую ситуацию, вводимую глаголом речи в главной клаузе, мы вслед за [Aikhenvald 2011] будем называть «исходным речевым актом» («original speech act»), а ее участников, соответственно, «исходным говорящим» и «исходным слушающим». Ситуацию передачи исходного речевого акта мы будем называть «текущим речевым актом» («current speech act»), в котором, соответственно, участвуют «текущий говорящий» и «текущий слушающий». Для исходного гово-

лица при глаголе в придаточной клаузе возможен только в том случае, если участником ситуации является сам исходный говорящий. Показатель второго лица, в свою очередь, возникает только тогда, когда участник ситуации является адресатом исходного говорящего. Иными словами, личные показатели в конструкциях с косвенной речью используются только тогда, когда исходный говорящий в исходном речевом акте сообщает нечто о себе или своем собеседнике. Так, в примере (46) человек по имени Расул является одновременно и исходным говорящим, и участником ситуации зависимой клаузы. Совпадение этих функций и маркируется показателем первого лица.

- (46) *gasul.i* *ba-p-nu* *uzu* *maħaħk:al.i-z* *a^ʃ-ru-za* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT я Махачкала-DAT уходить-FUT-1SG CIT
 'Расул сказал, что поедет в Махачкалу'.

В примере (47) участник ситуации придаточной клаузы является одновременно и адресатом исходного говорящего, что и приводит к появлению показателя второго лица в зависимой клаузе.

- (47) *gasul.i* *ba-p-nu* *mag.i-z* *uvu* *šahr.i-z* *a^ʃ-ru-va* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT Мага-DAT ты город-DAT уходить-FUT-2SG CIT
 'Расул сказал Маге, что Мага поедет в город'.

Тот же принцип действует с не-субъектными личными аргументами. В случае если исходный говорящий или его адресат является не-субъектным аргументом зависимой ситуации, он обязательно маркируется в придаточной клаузе личным показателем. Так, в (48) показатель первого лица указывает на то, что целью движения субъекта ситуации является сам исходный говорящий, а в (49) показатель второго лица указывает на исходного слушающего как цель движения. Отметим, что такое поведение не-субъектных показателей прямо противоположно стратегии личного маркирования в простом предложении, где согласование со вторым аргументом всегда факультативно.

- (48) *gasul.i* *ba-p-nu* *maga* *vu^ʃ-ru-zu-x-na* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT Мага приходит-FUT-1SG:APUD-LAT CIT
 'Расул сказал, что Мага к нему <Расулу> придет'.
- (49) *gasul.i* *ba-p-nu* *magi-z* *a^ʃħmed* *vu^ʃ-ru-vu-x-na* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT Мага-DAT Аħмед приходит-FUT-2SG-APUD-LAT CIT
 'Расул сказал Маге, что Аħмед к нему <Маге> придет'.

Совершенно иначе маркируется участник придаточной клаузы, если им является текущий говорящий. Если текущий говорящий не задействован в исходном речевом акте (то есть не является ни исходным говорящим, ни исходным слушающим), то показатель первого лица при глаголе запрещен, несмотря на то что в придаточной клаузе присутствует местоимение первого лица. См. пример (50), где текущий говорящий выступает в роли субъекта и, хотя в зависимой клаузе использовано местоимение *uzu*, личный маркер при глаголе отсутствует.

- (50) *gasul.i* *ba-p-nu* *uzu* *maħaħk:al.i-z* *a^ʃ-ru* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT я Махачкала-DAT уходить-FUT CIT
 'Расул сказал, что я поеду в Махачкалу'.

рящего мы будем также использовать термин «концептуализатор (ситуации в зависимой клаузе)» в тех случаях, когда нам важно подчеркнуть, что именно этот участник ответственен за языковое оформление ситуации зависимой клаузы.

Появление личного показателя при глаголе с неизбежностью заставляет интерпретировать местоимение зависимой клаузы и всю ситуацию в целом как относящуюся к исходному говорящему, аналогично примеру (46) выше.

Та же ситуация с местоимением второго лица. Если референтом его является текущий слушающий, то местоимение не согласуется с глаголом и личного показателя при глаголе не возникает, ср. пример (51):

- (51) *gasul.i* *ka-p-nu* *mag.i-z* *uvu* *šahr.i-z* *aʃ-ru* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT Мага-DAT ты город-DAT уходить-FUT сит
 'Расул сказал Маге, что ты поедешь в город'.

Подобные примеры показывают, что в конструкциях с косвенной речью появление личных показателей связано не с формальным наличием в предложении местоимений первого или второго лица, а со свойствами того референта, к которому относится местоимение. Глагол имеет при себе личный показатель первого лица тогда и только тогда, когда участник, которого обозначает местоимение, – субъектный или не-субъектный, – совпадает с источником информации. Примечательно также то, что участник маркируется личным показателем второго лица, только если он является исходным слушающим, то есть попадает в поле зрения исходного говорящего и контактирует с ним. Тем самым личное согласование в табасаранском языке имеет логофорическую природу. Следует особо отметить, что табасаранский язык реализует уникальную, насколько нам известно, стратегию маркирования участников исходного речевого акта: показатели первого и второго лица являются логофорическими и при этом выражаются не свободными местоимениями, а глагольными аффиксами. В известных нам обзорах логофорических систем [Bhat 2007: 58–89; Culy 1997; Curnow 2002] упоминается наличие логофорических показателей первого и второго лица, однако в языках с такими системами эти показатели являются местоимениями. С другой стороны, в языках с глагольным маркированием участников исходного речевого акта, как кажется, маркируется только исходный говорящий, но не исходный слушающий.

Предложения с косвенной речью демонстрируют, что функцией личного согласования в табасаранском языке является не маркирование субъекта как такового, а маркирование исходного говорящего (или, иначе, концептуализатора ситуации) и объясняют, почему согласование с субъектом обязательно в простом предложении, где роли концептуализатора ситуации и текущего говорящего совмещены. Во всех этих случаях субъектное согласование оказывается как бы грамматикализованным вследствие того, что говорящий одновременно является и источником информации (концептуализатором), и участником описываемой ситуации.

5.2. Отсутствие согласования в простом предложении

Помимо сложноподчиненных предложений с косвенной речью, нам удалось обнаружить еще несколько контекстов, в которых субъектное личное местоимение также не имеет согласовательного показателя при глаголе. По формальным признакам эти случаи можно разделить на три типа в зависимости от того, какая глагольная форма используется в предложении.

В первом типе контекстов употребляется глагольная форма с отрицательным показателем имперфекта *-daji*. См. пример (52), где этот показатель выступает в исходном своем значении:

- (52) *duvu* *dumu* *ka-ap'-un-daji.*
 он:ERG это PF-делать-PFT-IPFT:NEG
 'Он это не делал'.

Однако в интересующих нас употреблениях эта форма теряет исходную семантику отрицания и используется для создания семантического эффекта, который можно

условно обозначить как «контекст напоминания», то есть контекст, в котором говорящий напоминает или повторяет слушающему то, что он уже говорил ему или делал для него ранее.

(53) (Куда ты убрала мои вещи?)

škaf.ʒi-z kadav-un-za, uzu uvu-z ulup-un-daji.
шкаф-DAT <NN>брать-PFT-1SG:AG я ты-DAT показать-PFT-IPFT:NEG
'В шкаф их убрала, я же тебе показывала'.

(54) (Ребенок жалуется маме, что у него болит живот. Мама ему отвечает:)

uzu uvu-z va-p-un-daji čgu alač-ir m-it'a k'uri.
я ты-DAT PF-говорить-PFT-IPFT:NEG зеленый алыча-PL PRON-<NN>есть CIT
'Я же тебе говорила, чтобы ты не ел зеленую алычу'.

Второй тип контекстов семантически близок к первому и тоже может быть назван контекстом напоминания. Разница между ними состоит лишь в том, что в первом случае, с точки зрения говорящего, слушающий не знает информации по своей вине, поскольку он игнорировал действия или слова говорящего, сказанные ранее, тогда как во втором типе контекстов говорящий напоминает слушающему такую информацию, которую, с его точки зрения, слушающий забыл неосознанно, не по своей воле.

В этом типе предложений предикат оформляется деепричастием в сочетании с частицей *fu* и связочным глаголом. Диахроническое происхождение этой формы остается не до конца ясным. Но в отличие от первого типа, где глагольная форма в других контекстах способна принимать личный показатель и вместе с тем функционировать как отрицательная форма, эта глагольная форма в принципе не допускает согласовательного маркера.

(55) (Когда ты мне вернула эту книгу?)

četverg.ʒi в-аχ-un-za, k' a-ʔ-la в-уš-un-ev,
четверг(ERG) PF-<N>носить-PFT-1SG голова-IN-ELAT PF-<N>уходить-PFT-2SG:GEN
uzu uvu-x-na ва-f-i fu-vu(*-za).
я ты-APUD-LAT PF-идти-CONV PTCL-COP(-1SG)
'В четверг принесла, ты забыл? Я же к тебе заходила'.

(56) madina pani kitab, uzu uvu-x-na paq' tuv-u fu-vu(*-za).
Мадина где книга я ты-APUD-LAT вчера давать-CONV PTCL-COP(-1SG)
'Мадина, где книжка? Я тебе ее вчера дала'.

Наконец, третий тип контекстов примечателен тем, что в нем возможно использование обычной финитной формы, у которой, однако, отсутствует согласовательный показатель и которая ведет себя так же, как формы, рассмотренные выше. Ср. следующий пример из сказки, в котором согласовательный показатель отсутствует сразу в двух клаузах с личным субъектом первого лица:

(57) lig, uzu uvu-si gaq:^f-ura, uzu uvu-q-na
<NN>смотреть-IMP я ты-словно <NN>видеть-PRS я ты-POST-LAT
в-ušu-г ва-х-пу.
PF-<NN>идти-NN PF-<NN>стать-PFT
'Посмотри, я выгляжу совсем как ты. Я стала похожа на тебя'.

Таких примеров в нашем корпусе немного, и все они, очевидно, дискурсивно сильно маркированы. Форма без личного согласования, по-видимому, используется в тех случаях, когда основная цель говорящего состоит не просто в описании происходящей ситуации, а в привлечении внимания к результату, к которому данная ситуация привела. Для объяснения такого рода контекстов отчасти подходит противопоставление между ситуацией и фактом. Семантическая разница между ними обычно демонстрируется на примерах типа русск. *Я видел, как ты убежал* и *Я видел, что ты убежал*. В первом случае субъект восприятия сообщает о наблюдаемой им ситуации, развернутой во вре-

мени и пространстве, на что указывает союзе *как*. Во втором же примере исходная ситуация представляется уже не как процесс, наблюдаемый субъектом, а как результат ментальной ее обработки субъектом, на что указывает союз *что*. По нашему мнению, приведенный выше фрагмент может быть интерпретирован в таком же смысле: сказанное субъектом речи является не описанием ситуации как таковой, а итогом осмысления субъектом увиденного, факт, возникший в результате мыслительной работы субъекта.

На первый взгляд, два первых контекста семантически отличаются от третьего типа и единого объяснения, почему в этих случаях отсутствует согласование с личным субъектом, не находится. Тем не менее именно на основе этих примеров выделяется еще один семантический параметр, который определяет употребление субъектного согласования.

В первых двух типах контекстов, которые мы условно обозначили как контекст напоминания, характер ситуации, которую описывает предложение, не маркированное личным согласованием (типа *я тебе уже говорил*), по сути, близок к фактивному. В них говорящий представляет не столько ситуацию, в которой он принимал участие, а сам факт того, что такая ситуация уже имела место. Иными словами, говорящий в дискурсивных фрагментах такого рода акцентирует внимание на том, что ситуация, к которой он обращается (типа *я тебе уже говорил*), извлечена из его «ментального фонда» и есть результат «накопления» повторяющихся действий.

Таким образом, сопоставление конструкций с косвенной речью и обсуждаемых типов простых предложений позволяет сделать вывод, что появление субъектного согласования определяется соотношением двух параметров: типом говорящего и типом ситуации. Как мы видели, говорящий может выступать в двух ипостасях: как первичный источник информации и ее концептуализатор (исходный говорящий в предложениях с косвенной речью) и как вторичный источник информации (текущий говорящий в этих же конструкциях). Тип ситуации определяется тем, как говорящий концептуализирует ее: как имеющую пространственно-временные координаты или же как «ментальную ситуацию». Релевантность этих параметров для субъектного согласования в табасаранском языке демонстрируется таблицей 2.

Таблица 2

Тип говорящего и тип ситуации: субъектное согласование

	ситуация	факт
концептуализатор ситуации (или его адресат)	+	–
вторичный источник информации (или его слушающий)	–	–

Как видно из таблицы, субъектное согласование возникает только тогда, когда соблюдаются оба условия, то есть источник информации или его слушающий являются в то же время участниками пространственно-временной ситуации. Во всех остальных случаях согласование с субъектом отсутствует.

Интересно, что несмотря на то, что обычно в предложениях с косвенной речью исходные говорящий и его адресат, участвующие в ситуации, всегда маркируются согласовательным показателем, при изменении типа ситуации зависимой клаузы согласование с ними блокируется так же, как в простом предложении.

Такого рода примеры хорошо демонстрируют тот факт, что субъектное личное согласование возможно только тогда, когда выполняются оба условия (тип ситуации и тип участника). Ср. следующий пример (58), где нулевое согласование при местоимении

первого лица возникает только потому, что говорящий в придаточной клаузе делает акцент не на ситуации как таковой, а на самом факте, что эта ситуация уже имела место.

(58) (Дядя знает, что ты не сдала экзамен?)

ov, uzu duva-z ka-p-un-za, uzu uχʒi ka-p-un-daji
 да я он-DAT PF-говорить-PFT-1SG:AG я сразу PF-говорить-PFT-IPFT:NEG
 dumu ekzamen t-ur-da-za k'uri.
 этот экзамен давать-FUT-NEG-1SG:AG CIT
 'Да, я ему сказала, что я ему сразу говорила, что не сдам этот экзамен'.

Таким образом, личный показатель в первой позиции, хотя и выглядит как обязательное согласование с местоименным субъектом, на самом деле таковым не является, поскольку имеет собственную семантику и маркирует определенный тип ситуации, которая разворачивается в пространстве и времени и участником которой является либо источник информации, либо его адресат.

5.3. Согласование со вторым личным аргументом

Напомним, что согласование со вторым личным аргументом в простом предложении является факультативным и возможно в двух случаях. Во-первых, личный аргумент может быть употреблен в предложении с субъектом третьего лица, и тогда в глагольной словоформе присутствует только один личный показатель, см. (59). Во-вторых, он может быть употреблен и в предложении с эргативным или номинативным субъектом первого лица. В этом случае финитный глагол несет два согласовательных маркера и показатель несубъектного аргумента следует за субъектным показателем, как в (60).

(59) (Почему ты плачешь?)

gasul.i ka^ʔb-un-zu-z.
 Расул(ERG) PF-ударять-PFT-1SG-DAT
 'Расул побил меня'.

(60) uvu uzu-z kütæk ka-p'-un-dar-a, hamus eb-ur-za-vu-z.
 ты я-DAT помощь PF-делать-PFT-NEG-2SG теперь ударять-FUT-1SG:AG-2SG-DAT
 'Ты мне не помог, теперь я тебя побью'.

Условия возникновения не-субъектного согласования в обоих этих случаях на самом деле имеют одну и ту же природу. Но поскольку второй случай связан с большими ограничениями, рассмотрим их отдельно.

В принципе, не-субъектный личный показатель возникает при тех же условиях, что и субъектный. Это хорошо видно только в конструкциях с косвенной речью, где есть расщепление говорящего на собственно говорящего и концептуализатора, источника информации. Исходные речевые участники (слушающий и говорящий), играя не-субъектную роль в ситуации, всегда обозначаются согласовательным показателем, тогда как участники актуального речевого акта, напротив, никак не маркируются.

Главное отличие не-субъектного согласования в простом предложении состоит в том, что оно определяется тем, каким образом говорящий концептуализирует ситуацию, считает ли он, что ситуация организуется вокруг личной перспективы и данная личная перспектива составляет ее центр. В качестве иллюстрации сравним пары примеров, где в первом случае согласовательный показатель употреблен и считается более предпочтительным, а во втором – согласование отсутствует и подстановка показателя согласования в глагольную форму ведет к ее реинтерпретации.

(61) ũl-ra šid-ra durar.i tuv-un-zu-z, ha^ʔjvna-ra tuv-un-zu-z.
 хлеб-ADD вода-ADD они(ERG) дать-PFT-1SG-DAT лошадь-ADD давать-PFT-1SG-DAT
 'Накормили меня, напоили меня, коня мне дали'.

(62) uvu-z salam-ar ka-p'-nu durar.i.
 ты-DAT привет-PL PF-делать-PFT они(ERG)
 'Они тебе привет передавали'.

(63) ža<г>в haz'ajin.ž'i-x-na, duvu uzu-z uk' uš-uru.
 <NN>бежать(IMP) хозяин-APUD-LAT он:ERG я-DAT трава <N>косить-FUT
 'Беги к хозяину, он мне накосит травы'.

Как видно, в примере (61) реципиент первого лица маркируется согласовательным показателем. Согласование возникает, поскольку данный участник как бы формирует физический центр ситуации, является ее необходимой частью, без которой она не состоится. Из этого становится ясно, что с точки зрения согласования введение личной перспективы не зависит от того, какую роль играет лицо: является оно субъектом или же вторым участником ситуации. Разница состоит лишь в том, что лицо, будучи субъектом, всегда центрально в ситуации, тогда как второй участник ситуации может находиться на ее периферии. Именно поэтому субъектный показатель обязателен, показатель же согласования со вторым аргументом используется только при определенных семантических условиях. Примеры (62) и (63) демонстрируют эту разницу. Так, в ситуации (62) присутствуют три участника: субъект, посредник, через кого передается привет, и адресат. В самой ситуации передачи приветствия принимают участие только субъект и посредник, адресат же физически отсутствует в ней. Соответственно, здесь адресат просто не может быть центральным участником, поскольку находится за кадром или в лучшем случае на периферии этой ситуации. Согласование с личным адресатом в этом примере закономерно отсутствует, поскольку, с точки зрения говорящего, отсутствует личная перспектива.

Тем не менее согласование с личным аргументом в этом предложении также возможно. При подстановке личного показателя в глагольную форму информант предлагает такую интерпретацию ситуации, при которой адресат является неотъемлемой частью названной ситуации («они о тебе долго говорили, ты был главной темой нашего разговора, и они тебе передавали привет»). Таким образом, определяющей для употребления личного маркера является концептуализация ситуации и роли личного участника в ней.

Аналогичный пример приведен в (63), где отсутствие личного маркера указывает на то, что данный участник ситуации не составляет центральный фрагмент ситуации, а образует ее периферийный элемент. Использование же согласовательного показателя приводит к специфической интерпретации ситуации. В этом случае говорящий подчеркивает, что ситуация кошения травы невозможна без участия первого лица и что первое лицо непосредственно задействовано в ней. В частности, наш информант предлагал такое осмысление ситуации: «я ему заплачу, и он мне накосит травы».

Таким образом, согласование со вторым аргументом, с одной стороны, еще раз показывает, что согласование имеет собственную семантику: оно вводит и маркирует личный центр. С другой стороны, оно демонстрирует, в чем отличие субъекта ситуации от не-субъекта. Как показывает обсуждение приведенных выше примеров, вклад не-субъекта в ситуацию может быть различным и в зависимости от этого ситуация может быть концептуализована двумя разными способами, что отражается в согласовании.

В целом в предложениях с субъектом третьего лица почти все глаголы, независимо от их семантики, способны согласоваться со вторым личным аргументом. Это значит, что практически для любой ситуации, если ее субъектом является третье лицо, может быть задана личная перспектива, то есть лицо может представляться как центр ситуации, даже находясь в не-субъектной позиции. В этом состоит кардинальное отличие предложений с субъектом третьего лица от случаев, когда субъектом является первое или второе лицо.

Интересно, однако, что не все глаголы могут согласоваться со своим не-субъектным аргументом; в говоре сел. Межгюль к таким глаголам относятся 'бояться' и 'стесняться'. Ср. следующие примеры, где согласование со вторым личным аргументом при субъекте третьего лица запрещено.

(64)	gasul.i-z	uz-x-a	guč'-ura	*guč'-ur-z-x-a.
	Расул-DAT	я-APUD-LAT	бояться-PRS	бояться-PRS-1SG-APUD-ELAT
	'Расул боится меня'.			
(65)	gasul.i-z	uz-x-a	паč-ža	*паč-ža-z-x-a.
	Расул-DAT	я-APUD-LAT	стесняться-PRS	стесняться-PRS-1SG-APUD-ELAT
	'Расул стесняется меня'.			

Эти глаголы ведут себя одинаково, видимо, по той причине, что имеют схожую семантику и одинаковую модель управления: первый аргумент маркируется дативом, а второй – апудэлативом. Очевидно, что ограничение на согласование связано именно с тем, как соотносятся участники ситуации с точки зрения их падежно-ролевого маркирования. Отсутствие согласования со вторым аргументом указывает то, что ситуация боязни или стеснения не концептуализуется как ситуация, центром которой является стимул, этот участник всегда остается за кадром. Центральным в этой ситуации может быть только экспериенцер, лицо, являющееся главным ее участником.

В заключение обсуждения еще раз вернемся к проблеме связи личного маркирования и информационной структуры предложения. После того как мы описали семантику несубъектных личных показателей, становится еще более очевидным тот факт, что личное согласование и информационная структура предложения не связаны друг с другом напрямую. Однако мы хотели еще раз остановиться на этой проблеме, поскольку есть один явный случай, когда согласование со вторым личным аргументом (при субъекте третьего лица) коррелирует с информационной структурой предложения. Дело в том, что аргументный фокус на субъекте ситуации создает благоприятные прагматические условия для появления личного показателя при глаголе. Очевидно, это связано с тем, что в таком типе контекстов в самом вопросе задается такая пресуппозиция, что участники ситуации взаимодействовали друг с другом и лицо является неотъемлемой частью ситуации. Цель вопроса заключается в том, чтобы только установить личность субъекта ситуации, благодаря чему создаются предпосылки для того, чтобы представить лицо как центрального участника в ситуации.

Согласование с не-субъектным аргументом при наличии в предложении личного субъекта осложняется тем, что в таком предложении в глаголе уже имеется обязательный личный субъектный показатель. В этом случае маркирование второго участника связано с целым рядом ограничений, определяемых соотношением лица и роли (падежа) актантов. Мы рассмотрим отдельно четыре типа субъекта, которые определяют возможность маркирования при глаголе второго аргумента: (а) номинативный субъект первого лица; (б) номинативный субъект второго лица; (с) дативный субъект первого или второго лица при экспериенциальных глаголах; (d) локативный субъект первого или второго лица.

Как мы определили выше, субъектный согласовательный показатель вводит личный центр и маркирует такую пространственно-временную ситуацию, участником которой является первое или второе лицо, причем первое лицо является к тому же ее концептуализатором. Как мы видели, согласование со вторым аргументом также связано с личным центром. Оно используется в том случае, если лицо является концептуализатором или его адресатом и в то же время составляет центральный кадр ситуации несмотря на то, что играет в ней роль второго участника. Таким образом, возникающие при наличии в предложении двух личных участников ограничения демонстрируют, в каких типах ситуаций, какие участники и каким образом способны организовывать вокруг себя ситуацию.

Наиболее просто согласование со вторым личным аргументом возникает в первом случае, когда субъект ситуации маркируется номинативом и является первым лицом (напомним, что у местоимений не различается эргатив и номинатив, поэтому переходные глаголы также относятся к этому случаю). Если вторым участником ситуации является второе лицо, то при глаголе могут возникать два согласовательных показателя. Следовательно, наиболее оптимальные условия для помещения двух личных участни-

ков в центр ситуации (и появления двух личных показателей при глаголе) возникают там, где есть взаимодействие между первым и вторым лицом, причем статус первого лица выше, поскольку оно выступает в роли субъекта. Рассмотрим следующие примеры и попытаемся продемонстрировать семантику двойного личного маркирования.

(66) *šeʔ.ru* *adaš* *di-d-is-nu* *k'u-ru,* *ča* *uzu-z* *jav*
 медведь(ERG) отец CONV-NN-хватать-PFT говорить-FUT дай я-DAT твой
beher, *qasin* *uzu* *uvu* *deet-ur-za-vu.*
 урожай тогда я ты <NN>выпускать-FUT-1SG:AG-2SG:PAT
 'Медведь поймал мужика и говорит: «Отдай мне свой урожай, тогда я тебя отпущу»'.

(67) A: *ej* *sul,* *haz* *dus-na-va?*
 эй лиса почему <N>сидеть-RES-2SG
 B: *uduč'-uz* *šul-da-z-x-a.*
 <N>вылезать-INF мочь-NEG-1SG-APUD-ELAT
 A: *aq'a* *ča* *kümek* *ap'-ur-za-vu-z*
 затем давай помощь делать-FUT-1SG:AG-2SG-DAT
 '(Волк:) Эй лиса, что сидишь? (Лиса:) Выбраться не могу. (Волк:) – Давай я тебе помогу'.

(68) *uzu* *uvu-z* *kümek* *в-ар'-un-za,* *čaš-ra* *ak'-un-za*
 я ты-DAT помощь PF-делать-PFT-1SG паук-ADD <N>убивать-PFT-1SG:AG
va *hamus* *uvu* *šuš-ži* *χ-ur-za.*
 и теперь ты невеста-ADV нести-FUT-1SG:AG
 'Я тебя спас, паука убил, и теперь я беру тебя в жены'.

Согласование со вторым личным аргументом возникает в целом при тех же семантических условиях, что и при субъекте третьего лица. Ситуация, однако, осложняется тем, что говорящий как субъект действия сам образует центральный кадр ситуации. Если, с точки зрения говорящего (субъекта), второй участник ситуации (его адресат) составляет вместе с ним центральную часть ситуации, то глагол в предложении маркируется двумя личными показателями.

Так, в примере (66) субъектом действия задаются такие условия ситуации, что его действия (отпустить второго участника) зависят только от самого этого второго участника (отдаст он ему урожай или нет). Поэтому взаимодействие между агенсом и пациенсом здесь концептуализуется как центральный и неделимый фрагмент ситуации. Похожим образом интерпретируется пример (67). Главный участник тащит из ямы второго, который в свою очередь прикладывает со своей стороны все усилия, чтобы выбраться (см. предыдущий контекст, реплика второго участника показывает, что лиса сама пыталась вылезти из ямы). Таким образом, центром ситуации опять же являются оба лица в их взаимодействии.

Напротив, в примере (68) тот же самый глагол 'помогать' описывает ситуацию, концептуализованную говорящим иначе. Вторым участником ситуации здесь лишен какой-либо инициативы и играет пассивную роль, поэтому остается вне центрального кадра, внимание фиксируется только на первом участнике события, который полностью несет ответственность за протекание ситуации. Ситуация 'я беру тебя замуж' рассматривается не как взаимодействие двух участников, а как ситуация, решенная только субъектом. Соответственно, глагол оформлен только субъектным показателем согласования. Глагольная форма с двойным согласованием допустима в том случае, если ситуация замужества представляется как обоюдное согласие двух сторон, первого и второго участников.

Как видно из этих примеров, условия возникновения двойного согласования в целом имеют дискурсивную природу. Однако можно говорить и о том, что отдельные глаголы, благодаря своей семантике, в большей степени склонны принимать два личных показателя, тогда как для других типов глаголов, напротив, двойное согласование требует более сильного прагматического контекста. Например, появление двойного согласования ничем не затруднено при глаголах контакта, прежде всего глаголах физического воздействия типа 'ударить', 'побить', 'толкнуть', тактильных глаголах типа 'трогать', 'гла-

дуть', 'расчесывать', глаголах речевого воздействия и каузации 'шептать', 'кормить'. Очевидно, что глаголы с семантикой взаимодействия в большей степени соответствуют семантике личного глагольного согласования.

Несколько иначе ведут себя непереходные глаголы. Как показывают наши примеры, участники первого и второго лица в ситуации, описываемой непереходным глаголом, часто представляются как отдельные фрагменты ситуации, поскольку глагол в таких предложениях имеет один субъектный показатель.

- (69) *naana-va, dijiv sac'ib uzu ža<г>v-ura-za*
 где-2SG <NN>стоять(IMP) немного я <NN>бежать-PRS-1SG:AG
uvu-x-in-ži.
 ты-APUD-LAT-DIR
 'Где ты? – Подожди немного, я бегу к тебе'.

Для возникновения двух показателей при непереходном глаголе необходим такой контекст, где действие первого участника было бы «спровоцировано» вторым участником, как в следующем примере, где второй участник заинтересован в действиях первого.

- (70) *uži a-da-n-a hasätži k-u¹r-za-vu-n-na.*
 хорошо (IN)быть-NEG-Q-2SG сейчас приходит-FUT-1SG:AG-2SG-APUD-LAT
 'Тебе плохо? Сейчас я к тебе приду'.

Теперь рассмотрим похожие случаи, но с другой расстановкой лиц, когда второе лицо является номинативным субъектом, а первое играет роль не-субъектного участника. Зеркально противоположное соотношение участников полностью меняет правила согласования. При такой комбинации лиц глагол может иметь только субъектный показатель, согласование же со вторым аргументом блокируется.

- (71) *uvu uzu aḡ-ur-va(*-zu).*
 ты я нести-FUT-2SG:AG(-1SG:PAT)
 'Ты меня понесешь'.
- (72) *uvu uzu-z kümek ap'-ur-va(*-zu-z).*
 ты я-DAT помощь делать-FUT-2SG:AG(-1SG-DAT)
 'Ты мне поможешь'.

Такое поведение личных маркеров показывает, что ситуация, где второе лицо является главным участником, не рассматривается как ситуация, центром которой становится взаимодействие участников второго и первого лиц. Источник этого семантического запрета обусловлен несколькими причинами.

Как мы видели, второе и первое лица в позиции субъекта ведут себя одинаково, поскольку всегда маркируются личным показателем при глаголе, то есть задают личный центр ситуации. Однако конфигурация лиц меняется, когда второе лицо играет роль субъекта, а первое лицо занимает место второго участника ситуации. В этом случае второе лицо оказывается в более приоритетной позиции по отношению к первому. С другой же стороны, первое лицо всегда «лидирует», поскольку только оно является концептуализатором ситуации.

Таким образом, в комбинации лиц, где второе лицо выступает в роли субъекта, а первое лицо в роли не-субъектного участника, возникает «весовое противоречие» между лицами: первый аргумент второго лица находится в более престижной ролевой позиции, но не является концептуализатором (в прямом дискурсе концептуализатором является сам говорящий), тогда как первое лицо выполняет менее приоритетную ролевую функцию, но является концептуализатором. Запрет на личный показатель первого лица становится «механизмом» преодоления конфликтной ситуации. Как мы показали выше, такого конфликтного противоречия между лицами не возникает в противоположной ситуации, когда роль субъекта играет первое лицо. Оно, являясь концептуализатором и за-

нимая самую престижную ролевую позицию, обладает эксклюзивным правом вводить дополнительного участника в центральный фрагмент ситуации.

Весовое соотношение между участниками одной и той же ситуации можно формализовать при помощи двух иерархий: иерархии лиц и иерархии синтаксических ролей:

- (i) $1 > 2$ (или концептуализатор $>$ неконцептуализатор);
- (ii) субъект $>$ не-субъект⁶.

Для формализации мы воспользуемся операциями «гармонического выравнивания» (harmonic alignment) и конъюнкции иерархий, применить которые к анализу синтаксических ограничений было предложено в рамках теории оптимальности [Aissen 1999]⁷.

Идея, лежащая в основе гармонического выравнивания, заключается в том, что наиболее высоко ранжированный элемент одной иерархии лучше всего сочетается с наиболее приоритетным элементом второй иерархии, и наоборот, самый низкий элемент на одной иерархии лучше всего «гармонирует» с наименее выделенным элементом другой. Применяв эту операцию к иерархиям (i) и (ii), мы получим следующие две производные иерархии:

- (iii) субъект/1 $>$ субъект/2;
- (iv) не-субъект/2 $>$ не-субъект/1.

Применим далее к полученным иерархиям (iii) и (iv) операцию конъюнкции и получим следующее:

- (v) субъект/1 & не-субъект/2 $>$ {субъект/1 & не-субъект/1, субъект/2 & не-субъект/2} $>$ субъект/2 & не-субъект/1.

Таким образом, применение операций гармонического выравнивания к исходным иерархиям и последующей конъюнкции производных иерархий показывает, что наиболее естественным является сочетание субъекта первого лица (концептуализатора) и не-субъекта второго лица. Все же прочие комбинации участников, включая сочетание субъекта второго лица и не-субъекта первого лица (концептуализатора), менее гармоничны. Заметим, что полученное ранжирование комбинаций участников позволяет адекватно отразить как разрешения, так и ограничения на согласование. В говоре сел. Межгюль двойное согласование возможно только в случае наиболее гармоничной комбинации участников, тогда как менее гармоничные сочетания ведут к запрету на двойное согласование⁸.

⁶ В приводимом ниже рассуждении мы для краткости ограничимся рассмотрением предложений с канонически маркированными субъектами (т. е. эргативными или номинативными) и двумя личными участниками. Остальные случаи (глаголы с другой аргументной структурой, предложения с участниками третьего лица) могут быть формализованы аналогичным способом.

⁷ Опираясь на формальный аппарат теории оптимальности, мы тем не менее не проводим анализ полностью в рамках этой теории, в частности, не оперируем ограничениями, упорядоченными в виде иерархии.

⁸ Отметим, что типологически этот запрет не является универсальным, поскольку в языках мира засвидетельствованы и другие механизмы преодоления негармоничности в том или ином соотношении субъекта и объекта. Так, например, в тибето-бирманском языке нокте (Индия) при гармоничном сочетании лиц используется прямая форма глагола, тогда как при негармоничных сочетаниях используется инверсив [Aissen 1999: 705–706] (мы благодарим анонимного рецензента, который привлек наше внимание к этим типологическим параллелям). Более того, и в самом табасаранском языке запрет на двойное согласование при негармоничной комбинации участников соблюдается не везде. Ряд других говоров допускает двойное согласование и в менее гармоничных комбинациях, например при сочетании субъекта второго лица с несубъектом первого, как в говоре сел. Хив.

Запрет на двойное маркирование одного и того же участника в рефлексивных предложениях, по-видимому, можно объяснить исходя из семантики конструкций с двойным согласованием. Как показано выше, в функции личного рефлексива в табасаранском языке выступает то же самое личное местоимение, которое называет субъект, в соответствующем падеже.

- (73) uzu uzu-z в-а¹b-un-za(*-zu-z).
я я-DAT PF-ударять-PFT-1SG:AG(-1SG-DAT)
'Я сам себя ударил'.
- (74) uvu uvu в-u¹<г>χ-un-va(*-vu).
ты ты PF-<NN>беречь-PFT-2SG:AG(-2SG:DAT)
'Ты сам себя спас'.

Двойное личное маркирование, как мы видели, всегда указывает на присутствие двух участников в центре ситуации. Запрет на согласование в рефлексивных предложениях, вероятно, возникает потому, что рефлексивные отношения не рассматриваются как ситуация, где взаимодействуют два участника.

Интересным образом с точки зрения согласования ведут себя экспериенциальные глаголы (типа 'любить', 'видеть', 'слышать', 'знать'), имеющие модель управления <DAT; NOM>. Как и в большинстве случаев, разобранных выше, согласование с субъектом первого и второго лица при экспериенциальных глаголах обязательно. Отличие же их состоит в том, что если вторым участником ситуации является то же лицо, то глагол ни при каких условиях не способен иметь при себе второй личный показатель, даже если субъектом является первое лицо.

- (75) uzu-z uvu gun-žā-zu-z(*-vu).
я-DAT тебя любить-PRS-1SG-DAT(-2SG:DAT)
'Я тебя люблю'.
- (76) uvu-z uzu gun-žā-vu-z(*-zu).
ты-DAT я любить-PRS-2SG-DAT(-1SG:DAT)
'Ты меня любишь'.

Здесь мы, очевидно, вновь имеем дело с тем, что ситуация, вводимая экспериенциальным глаголом, не рассматривается как ситуация взаимодействия двух участников. Этот запрет, видимо, является следствием семантики этих глаголов, описывающих состояние или процесс восприятия субъекта, а не пространственно-временную ситуацию как таковую. Судя по поведению дативного показателя, ситуации типа 'видеть', 'слышать', 'любить' представляются так, что чаще всего центром их является лицо, испытывающее данное состояние, а не взаимодействие двух участников.

Интересно, однако, то, что если в предложении имеется два лица, то некоторые экспериенциальные глаголы все же могут иметь согласовательный показатель, указывающий на второго участника ситуации, однако этот показатель употребляется самостоятельно, вместо субъектного показателя:

- (77) uvu-z uzu в-а¹<г>q:-un-zu.
ты-DAT я PF-<N>видеть-PFT-1SG:DAT
'Ты меня увидел'.
- (78) uzu-z uvu вe-e<г>x-un-vu.
я-DAT ты PF-<N>слышать-PFT-2SG:DAT
'Я тебя услышал'.

Этот вариант согласования, видимо, достаточно редко встречается в речи, поскольку некоторые из информантов колебались при оценке таких предложений. Тем не менее многие из носителей этого говора разрешают подобные конструкции.

Несмотря на то что такие формы достаточно специфичны, их семантика, как оказалось, вполне предсказуема. Например, с глаголом 'видеть' номинативный личный пока-

затель возможен тогда, когда вклад второго участника в ситуацию значительно больше, то есть когда возможность субъекта увидеть второго участника определяется действиями только второго участника: субъект видит только потому, что второй участник делает все возможное для того, чтобы тот его увидел.

К сожалению, у нас нет хорошего примера из говора сел. Межгюль на такой тип личного маркирования. Здесь можно лишь привести пример из сказки, который нам встретился при работе над диалектом с. Джули. Поскольку согласовательные стратегии в диалектах во многом схожи, то этот пример, как нам кажется, хорошо иллюстрирует сказанное выше.

- (79) uld-ar.i-q-an qi-mi-li<v>g-an, sul d-uf-nu
 ОКНО-PL-POST-ELAT POST-PRON-<N>СМОТРЕТЬ-IMP лиса CONV-прийти-PFT
 b-is-id-va, izu-s i<v>k:t:ar-va.
 N-ХВАТАТЬ-FUT-2SG я-DAT <N>СЛЫШАТЬ-FUT:NEG-2SG
 'Не выглядывай в окно, лиса придет, тебя схватит, я тебя не услышу'.

Согласование по второму личному аргументу показывает, что ситуация, когда один должен услышать другого, представляется таким образом, что второй участник прикладывает больше усилий, вносит больший вклад, чем первый, для достижения цели: например, он будет изо всех сил звать и кричать, но первый так и не услышит его. Перевес оказывается на стороне стимула, и центр внимания в ситуации перемещается на него, так что он становится более значимым фрагментом в ситуации. Такой тип маркирования (только второго личного аргумента при личном субъекте) возможен не только при экспериенциальных глаголах, но и в других предложениях с таким же падежным маркированием аргументов.

- (80) uvu-z uzu a-vu-z.
 ты-DAT я (IN)БЫТЬ:PRS-2SG-DAT
 'У тебя есть я'.
- (81) uvu-z uzu a-zu.
 ты-DAT я (IN)БЫТЬ:PRS-1SG:PAT
 'У тебя есть я'.

Наконец, рассмотрим последний случай с локативным субъектом. В предложении при локативном субъекте глагол может нести только субъектный показатель. Глаголы такого типа не принимают личный показатель, указывающий на второго участника, ни в позиции после субъектного показателя, ни в качестве самостоятельного показателя, как при экспериенциальных глаголах.

- (82) uz-x-a uvu d-isu-s šul-z-x-a || *šul-z-x-a-vu ||
 я-APUD-ELAT ты NN-ЛОВИТЬ-INF МОЧЬ-1SG-APUD-ELAT МОЧЬ-1SG-APUD-ELAT-2SG
 *šul-vu.
 мочь-2SG
 'Я могу тебя поймать'.

Эти примеры еще раз хорошо демонстрируют тот факт, что поведение личных показателей при глаголе зависит от соотношения синтаксических характеристик аргумента и их падежного маркирования. Поскольку в дагестанских языках падеж напрямую связан с ролевой функцией участников в ситуации, то можно говорить о том, что личное глагольное маркирование встраивается в синтаксическую и ролевую иерархии аргументов, вводя еще один параметр ситуации: какой из участников является в ней центральным, а какой – периферийным. Поскольку личное глагольное маркирование определяется в первую очередь позицией концептуализатора, то есть первого лица, поведение первого и второго лица с точки зрения личных показателей различается, в результате чего получается достаточно сложная картина того, какие участники, какого лица, с какой семантической и синтаксической ролью способны служить центральным фрагментом ситуации.

Таким образом, в говоре сел. Межгюль центральным всегда оказывается субъект, причем любого лица и любой роли. При этом при ситуации, в которой субъектом является второе лицо либо локативный субъект любого лица, центр ситуации образует только этот субъект и никакой другой участник не может образовывать ее центральный фрагмент. В то же время ситуация с субъектом первого лица может быть представлена как ситуация с расширенным центром, поскольку центральным в ней является взаимодействие двух личных участников. Наконец, в ситуации, где участвует субъект состояния, может быть выделен альтернативный центр, который образован вторым личным участником, и в этих достаточно редких случаях право на центральную роль в ситуации передается ему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы постарались показать, глагольное личное согласование в табасаранском языке не является в прямом смысле согласованием с местоименными аргументами. Личные глагольные маркеры имеют свою семантику и указывают на такой тип ситуации, в которой участвует концептуализатор или его адресат и подчеркивают, что они центральны в данной ситуации. Семантика личных показателей в полной степени раскрывается в конструкциях с косвенной речью, где имеется функциональное расщепление главного участника речевого акта: на исходного говорящего (концептуализатора) и текущего говорящего. В простом же предложении эти функции совмещены, поэтому поведение личных маркеров в большинстве случаев выглядит как определяемое чисто синтаксическими параметрами. Семантика личного глагольного маркирования, которую удалось обнаружить, показывает, что личные показатели в табасаранском языке проявляют логофорические свойства. Особенностью табасаранского языка является то, что личный показатель не задается каким-либо конкретным типом глагола (например, глаголом говорения), а напротив, он присутствует практически в любом простом предложении каждый раз, когда субъектом является лицо. Это правило касается не только первого лица, но верно и для субъекта второго лица, что необычно для языков с маркированием логофоричности в глагольной словоформе.

Личный показатель, указывающий на второго участника ситуации, имеет ту же семантику, что субъектный личный показатель: он указывает на концептуализатора либо на его адресата. Единственное отличие состоит в том, что личный маркер во второй позиции определяется дискурсивно-прагматическими условиями и появляется в том случае, если второй участник приобретает центральную роль в ситуации. Семантика личного показателя во второй позиции позволяет увидеть также то, что обязательность субъектного показателя связана с его центральным положением в ситуации. Вторым же участник может составлять как центральный фрагмент ситуации, так и ее периферию. Распределение участников по значимости в ситуации отчасти схоже с используемым в когнитивной семантике понятием «windowing of attention» [Talmy 2000: 266], заимствованным из компьютерной терминологии и связанным с управлением большим числом окон на экране компьютера. Когнитивный механизм, названный «windowing of attention», заключается в том, каким образом происходит, с одной стороны, выделение определенного фрагмента ситуации (как бы помещение его в окно), а с другой стороны, отстранение неважных компонентов ситуации, их пропуск. Как видно, глагольные личные показатели в табасаранском языке являются таким языковым инструментом, позволяющим регулировать распределение внимания между участниками. Уникальным для табасаранского при этом является то, что распределение внимания происходит только с личными участниками и центральными фрагментами описываемой ситуации могут быть либо концептуализатор или его адресат, либо оба этих участника вместе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2 – 1, 2 лицо	LAT – движение в область локализации
AG – агентивный согласовательный показатель	N – классно-числовой показатель неодушевленного класса единственного числа
ADD – аддитивная частица ‘и, тоже’	NEG – отрицание
ADV – адвербиализатор	NN – классно-числовой показатель не неодушевленного класса единственного числа
APUD – нахождение рядом с ориентиром	PAT – пациентивный согласовательный показатель
CIT – цитатив	PF – основа совершенного вида
CONV – деепричастие	PL – множественное число
COP – глагол-связка	POST – нахождение позади ориентира
DAT – датив	PRON – прохибитив
DIR – движение по направлению к области локализации	PRS – настоящее время
ELAT – движение из области локализации	PFT – прошедшее время
ERG – эргатив	PTCL – частица
ESS – нахождение в области локализации	Q – вопросительный показатель
EXCL – эксклюзивное местоимение	RES – результатив
FUT – будущее время	SG – единственное число
GEN – генитив	
IMP – императив	<> – при помощи угловых скобок обозначается инфикс
IN – нахождение внутри ориентира	
INCL – инклюзивное местоимение	
INF – инфинитив	
IPFT – имперфект	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генко 2005 – *А.Н. Генко*. Табасаранский язык. Диалектологический очерк // *А.Н. Генко*. Табасаранско-русский словарь. М., 2005.
- Кибрик 2003 – *А.Е. Кибрик*. Материалы к типологии эргативности. Табасаранский язык // *А.Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик, Селезнев 1982 – *А.Е. Кибрик, М.Г. Селезнев*. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // *А.Е. Кибрик (ред.)*. Табасаранские этюды. М., 1982.
- Магомедов 1955 – *А.А. Магомедов*. Местоименная аффиксация в глаголах табасаранского языка // *Иберийско-кавказское языкознание*. Т. VII. Тбилиси, 1955.
- Магомедов 1965 – *А.А. Магомедов*. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
- Услар 1979 – *П. К. Услар*. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.
- Ханмагомедов 1970 – *Б.Г.-К. Ханмагомедов*. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.
- Aissen 1999 – *J. Aissen*. Markedness and subject choice in optimality theory // *Natural language and linguistic theory*. 1999. V. 17.
- Aikhenvald 2011 – *A.Y. Aikhenvald*. Semi-direct speech in typological perspective // *A.Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon*. Language at large. Leiden; Boston, 2011.
- Bhat 2007 – *D.N.S. Bhat*. Pronouns. Oxford, 2007.
- Culy 1997 – *Ch. Culy*. Logophoric pronouns and point of view // *Linguistics*. 1997. V. 35. № 5.
- Curnow 2002 – *T. Curnow*. Three types of verbal logophoricity in African languages // *Studies in African linguistics*. 2002. V. 31. № 1/2.
- Nikolaeva 2001 – *I. Nikolaeva*. Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics*. 2001. V. 39. № 1.
- Talmy 2000 – *L. Talmy*. The windowing of attention in language // *L. Talmy*. Toward a cognitive semantics. V. 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge (Mass.), 2000.

Сведения об авторе:

Наталья Константиновна Богомолова
Институт языкознания РАН
n.bogomolova@mail.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

С.А. Бурлак. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. 464 с.

Светлана Анатольевна Бурлак – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук, специалист по общему и сравнительно-историческому языкознанию.

Новая книга С.А. Бурлак посвящена когда-то очень популярной, потом забытой, а теперь вновь вошедшей в моду проблеме происхождения языка. «Число книг о происхождении языка, вышедших за рубежом за последние десять лет, превышает два десятка, количество же статей, разделов в книгах, докладов на конференциях и симпозиумах не поддается исчислению» (с. 12). В России за это время, правда, данная книга – лишь вторая (не считая явно дилетантских сочинений) после книги [Барулин 2002].

На первый взгляд, книга С.А. Бурлак не вполне соответствует заявленной тематике: главная ее тема – происхождение языка – специально рассмотрена лишь в предисловии и последней, шестой, главе и отчасти в пятой главе. Однако такое построение монографии ни в коей степени нельзя считать ее недостатком: сейчас уже очевидно, что происхождение языка – комплексная проблема, требующая учета современного состояния сразу нескольких научных дисциплин. Поэтому первая глава посвящена уникальным свойствам человеческого языка и его отличиям от «языков» животных, в том числе языков-посредников, которым удалось научить человекообразных обезьян в ходе языковых проектов, вторая глава – физиологии и нейрофизиологии человеческой речи, третья глава подытоживает современные данные о физической антропологии предков человека, в четвертой главе рассмотрены исследования коммуникативных систем животных, в пятой – современные эволюционные теории. Монография С.А. Бурлак не содержит полной

историографии вопроса, отсылая читателя к ряду имеющихся обзоров [Якушин 1984; Донских 1988; Николаева 1996]; изложены лишь концепции самого последнего времени. Однако при оценке книги, безусловно, надо учитывать ее место в многовековой истории попыток подступиться к происхождению языка.

Как известно, проблема происхождения языка волновала людей с глубокой древности, в Европе большинство наиболее известных гипотез (звукоподражания, договор между людьми и пр.) существовали еще в античности. Затем, после многовекового господства библейских представлений о создании языка, они возродились в XVIII в.: в этом столетии как никогда ни до того, ни после того проблема происхождения языка находилась в центре внимания. Например, Н. Бозе делил философию языка на три части: происхождение языка (на первом месте!), многообразие языков, анализ и сравнение языков [Пастернак 2011: 205]. Эта интеллектуальная традиция, строившая непроверяемые гипотезы о происхождении языка, была важным этапом в истории мысли, хотя, разумеется, такие построения никак не могли быть доказаны. И в том же веке примерно те же идеи высказывали без всякой связи с Европой и японские ученые; Судзуки Акира выделил четыре типа появления единиц языка: от подражания голосу животных, от подражания человеческому голосу, от подражания звукам природы и от изображения действий или состояний [Tokieda 1973: 151–152]. Видимо, круг возможных догадок здесь исходно ограничен.

Сформировавшаяся в XVIII в. традиция оставалась значимой вплоть до второй половины XIX в. Она была важной и для В. фон Гумбольдта. А появление сравнительно-исторического языкознания не только не снизило интереса к происхождению языка и «попытке

реконструкции первого типа языка», но прида-ло ему новый импульс: Ф. Бопп во многом ра-ботал ради приближения к решению этих про-блем, и они еще долго оставались актуальными. Идея о том, что компаративистика не может ре-конструировать «первый тип языка», стала об-щепринятой лишь между 1875 и 1880 гг. [Мейе 1938: 466], то есть вместе с победой позитивиз-ма, когда лингвофилософская мысль от «науки интуитивных построений» перешла к «стрем-лению к столкновению с фактом» [Пастернак 2011: 140].

После этого тема происхождения языка бо-лее чем на столетие была снята с научной по-вестки дня. Исключение составила лишь со-ветская наука 1920–1940-х гг., в которой она пережила ренессанс. К проблеме происхожде-ния языка обращались лингвисты (Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, Р.О. Шор, Н.Ф. Яковлев и даже В.Г. Адмони и Н.С. Державин), истори-ки и археологи (В.К. Никольский, В.И. Равдо-никас), философы (И.И. Презент), физиологи (С.М. Доброгаев). Играли роль и обществен-ный климат послереволюционной эпохи, спо-собствовавший массовому интересу к нерешенным глобальным вопросам, и популярность «нового учения о языке» Н.Я. Марра, в кото-ром видное место занимала данная проблема. Но после разгрома марризма в 1950 г. проис-хождение языка перестало изучаться и в СССР, по крайней мере, лингвистами. Лишь в послед-ние 15–20 лет ситуация начала меняться, боль-ше на Западе, чем у нас.

До сих пор распространено сложившееся в эпоху позитивизма мнение: данную проблему «следует считать неактуальной для лингви-стики вследствие ее неразрешимости» [Там же: 84]. Действительно, мы не можем засвидетельствовать появление какого-либо языка ни в настоящем, ни в прошлом, и наука последнего столетия также не получила никаких прямых данных, что четко показано в книге С.А. Бур-лак. Можно лишь выдвинуть на основе косвен-ных данных разные гипотезы о том, как люди начали говорить. К ненаблюдаемому процессу формирования человеческого языка, видимо, можно двигаться (не считая умозрительных квазинаучных прозрений) четырьмя путями. Это ретроспективный путь от известных язы-ков более позднего периода, проспективный путь от «языков» человекообразных обезьян, подходы на основе аналогии (с формированием детской речи, с коммуникативными системами иных животных) и изучение останков перво-бытных людей и их предков (гоминид).

Эти пути подробно исследуются в книге С.А. Бурлак, и этим обусловлено детальное рассмотрение в ней смежных проблем, по-скольку без представлений об исходных точках

каждого из возможных путей нельзя понять, как от них перейти к концепциям происхожде-ния языка.

Из книги можно видеть, что менее всего в наши дни популярен путь, преобладавший в работах XIX в.: от древних или современных языков в прошлое. Представление о возмож-ности восстановить «первобытное» состояние языка методами компаративистики было от-брошено уже в XIX в., хотя отказ компаративи-стов, начиная от младограмматиков, от изуче-ния глоттогенеза считал недостатком не только Н.Я. Марр, но и Э.А. Макаев [Макаев 1977: 15]. Помимо этого (в том числе и в советском язы-кознании 1920–1940-х гг.), велись поиски ре-ликтов первобытных состояний в современных языках («лингвистическая палеонтология») и постулировалось развитие языков от просто-го к сложному (идеи, сформулированные еще в XVIII в.). Однако критериев для выделения реликтов найти не удалось, а единственным критерием простоты и сложности оказывалась степень морфологической сложности, осново-полагающее значение которой было подверг-нуто сомнению. Все это уже можно считать прошлым науки. И никакое дальнейшее раз-витие компаративистики тут не поможет: «Ре-конструкции доступны лишь те языки, которые не имеют принципиальных отличий от ныне существующих, так что в реконструированном всеобщем праязыке будут обнаружены слова, состоящие из фонем, а не, скажем, “диффузные выкрики”» (с. 156).

Новой попыткой использования реально известных языков для построения гипотез о происхождении языка, однако, стала идея об аналогии между происхождением языка и фор-мированием пиджинов и креольских языков (до второй половины XX в. мало изученных). Один из ее сторонников – Д. Бикертон; «пере-ход от протоязыка к собственно языку Бикер-тон уподобляет переходу от пиджина к кре-ольскому языку» (с. 319), как и в пиджине, «в протоязыке слова вовсе не взаимодействовали друг с другом» (Там же), затем при образова-нии креольского языка формируется граммати-ка, то же могло быть и на ранних этапах фор-мирования языка. Сходство «коммуникации гоминид до появления настоящего языка» с пиджином отмечает и Т. Гивон (с. 321). То есть это – некоторая новая модификация старой идеи о движении от простого к сложному. Но насколько данная аналогия оправдана? Э. Даль отмечает как раз в связи с проблемой преоб-разования пиджина в креольский язык: «мы не сможем засвидетельствовать, как некоторый язык создается “с нуля”, без подготовки» [Даль 2009: 191]. Ни пиджин, ни креольский язык не создаются с нуля, а используют материал уже

существующих языков обычного типа, чего не могло быть в период происхождения языка.

С другой стороны, сейчас гораздо активнее, чем раньше, стараются подойти к происхождению языка исходя из возможностей животных, прежде всего человекообразных обезьян (пусть они не являются прямыми предками человека, но ближе других стоят к ним). Так не делали в XVIII–XIX вв., но уже в СССР в 20–40-е гг. попытки в этом направлении бывали (С.М. Доброгаев, В.Г. Адмони и др.), однако они не были основаны на собственных экспериментах и сводились к попыткам приспособить к данной проблематике теорию условных рефлексов И.П. Павлова. Теперь же опыты с речевыми способностями человекообразных обезьян и некоторых других животных ведутся активно, у С.А. Бурлак дан их подробный обзор. При этом исследователи столкнулись с трудностями двоякого рода. Во-первых, «довольно быстро стало понятно, что они (обезьяны. – В. А.)... не могут освоить членораздельную звучащую речь.... Связано это прежде всего с тем, что по сравнению с человеком у обезьян (в частности, у шимпанзе) слишком высоко расположена гортань» (с. 83). Поэтому попытки научить обезьян звуковому языку были оставлены, а экспериментаторы начали учить человекообразных обезьян человеческому жестовому языку, и некоторые подопытные животные показали здесь особые успехи, как шимпанзе Уошо, ставшая, вероятно, самой знаменитой обезьяной в мире (в 2007 г. газеты разных стран публиковали ее некрологи). Как отмечает С.А. Бурлак, и они, и, например, попугаи (вопреки распространенному о них мнению) использовали полученные сложные навыки вполне сознательно (попугаев, в отличие от обезьян, можно научить звуковой речью).

Однако, во-вторых, самые успешные из животных обучаемы человеческой речью лишь до определенного предела. И в связи с этим С.А. Бурлак обращается к еще одному из возможных путей: к аналогии между происхождением языка и детской речью. Такой подход также имеет давнюю историю: у нас эти аналогии развивали Н.С. Державин, позже Н.Ф. Яковлев и Н.К. Никольский. Но лишь сейчас стало возможным сопоставление развития речи у детей и животных. «В описаниях достижений обезьян – участниц языковых проектов – часто говорится, что они овладели языком на уровне ребенка двух – двух с половиной лет. Проводились даже специальные эксперименты, где сравнивалась языковая компетенция антропоидов и маленьких детей, – результаты, показанные теми и другими, были вполне сопоставимы» (с. 38). Но на уровне ребенка двух – двух с половиной лет параллелизм заканчивается;

явно не случайно это как раз тот возраст, когда у детей формируется грамматика. У обезьян же движения от протограмматики к грамматике не наблюдается. В течение периода до двух с половиной – трех лет ребенок доходит до освоения основ грамматики, которые позволяют строить предложения; до конца дошкольного возраста «происходит дальнейшая отшлифовка грамматики, овладение трудностями фонетики и словообразования, нерегулярными моделями словоизменения, редкими синтаксическими конструкциями» (с. 79). Обезьяны же не доходят даже до конца первого этапа, не говоря о втором. С.А. Бурлак приходит к выводу: «Помимо уникально большого количества слов и уникально изоощренных правил обращения с ними – и фонетических, и грамматических – существует немало черт, присущих человеческому языку, но не отмеченных в коммуникативных системах животных – ни в природе, ни в условиях эксперимента» (с. 69).

Итак, оказывается, что не имеющий прямых свидетельств этап появления человеческого языка находится между двумя этапами, о которых мы имеем достаточно много информации. Это этап речевых способностей если не прямых предков человека, то, по крайней мере, наиболее близких к ним животных и этап ранних языков современного типа (языков древнейших памятников или реконструированных еще более древних языков; поскольку вторые восстанавливаются по образцу первых, то существенной разницы здесь нет). А между ними остается многовековой провал, который пока что не заполняется.

Впрочем, некоторое заполнение существует. От далеких эпох, когда формировался человеческий язык, остались и материальные субстанции, найденные археологами и изучаемые антропологами. Их изучение началось в XIX в., а «знания об ископаемых гоминидах за последнее время значительно пополнились»; уже в XXI в. открыто не менее шести новых видов (с. 140). Найдены достаточно многочисленные останки явно различных гоминид, живших от 7–6 миллионов лет назад до эпохи около 200 тысяч лет назад, когда уже «в Африке жили анатомически современные люди» (с. 155). На с. 142 приводится одна из существующих версий эволюционного древа человека. Выделены и виды, которые могут считаться прямыми предками человека, и боковые тупиковые ветви, к которым сейчас относят и неандертальцев; поэтому «неандертальская система коммуникации – какой бы она ни была – не является системой, непосредственно предшествующей человеческому языку» (с. 152).

Однако «коммуникативная система не оставляет непосредственных следов, которые могли

бы быть обнаружены в ходе раскопок, поэтому о наличии языка у тех или иных ископаемых видов (точнее, о возможных свойствах их коммуникативной системы) приходится судить по косвенным данным» (с. 159). Прежде всего, это строение черепа и других частей скелета у ископаемых гоминид, например, по строению основания черепа пытаются выяснить, когда появилось опускание гортани, без которого, как упоминалось выше, невозможно формирование членораздельной звучащей речи. Однако выяснилось, что и у современных людей нет надежной корреляции между величиной изгиба основания черепа и положением гортани (с. 159), то есть точных способов установить время опускания гортани у гоминид пока не существует. Еще исследуют время появления прямохождения (оно считается необходимым условием формирования языка), объемы мозга у различных гоминид и т. д. То есть в самом лучшем случае можно получить какие-то данные о времени появления некоторых предпосылок формирования языка (или следствий из него). Кроме останков гоминид и первобытных людей, находят орудия их труда, но, во-первых, «тип орудий не имеет жесткой связи с видом» (с. 175), во-вторых, «орудия, вероятно, свидетельствуют скорее не о языке, а о когнитивных возможностях изготавливавших их видов» (с. 181). Еще, например, «многие авторы связывают с языком так называемые “предметы неутилитарного назначения”... Считается, что, если люди изготавливали такие предметы, у них должна быть способность к тому, чтобы производить и понимать знаки-символы, а чтобы эти символы передавать друг другу, нужен полностью развитый язык» (с. 197–198). Но и это достаточно гипотетично, как и ряд аналогичных рассуждений, приводимых в книге.

Таким образом, значительный прогресс, достигнутый в последние десятилетия в первобытной археологии, мало что дает языковедам, данные оказываются слишком косвенными. Археологические открытия, по-видимому, могут дать лишь один результат: сузить время предполагаемого появления языка до нескольких миллионов или даже до нескольких сотен тысяч лет.

Пожалуй, наиболее перспективными в данной области могут быть исследования структуры мозга у тех или иных гоминид на основе изучения структуры их черепа; их обзор дан на с. 173–176. Изучение речевых центров мозга, начавшееся еще в XIX в., в последние десятилетия обогатилось новыми открытиями, чему также уделено внимание у С.А. Бурлак во второй главе. Но эти открытия поставили под сомнение традиционные представления о зонах мозга: в их свете «можно говорить лишь о том,

что некоторые зоны мозга предпочтительны для определенных речевых функций, контролируют эти функции (выполняемые самыми разными структурами) в большей степени, чем другие» (с. 102). Трудно предположить, чтобы в древности было иначе. Но в любом случае, даже если мы смогли бы по косвенным данным восстановить время появления тех или иных зон мозга у предков человека, это опять-таки могло бы лишь еще несколько сузить временные рамки для допустимого периода формирования языка.

Итак, проблема происхождения языка остается неразрешимой, что, как и раньше, не препятствует выдвижению тех или иных гипотез. В связи с развитием ряда дисциплин (изучение коммуникации человекообразных обезьян и других животных, первобытная археология и палеоантропология, нейрофизиология, детская речь, генетика, исследование пиджинов и креольских языков и др.) эти гипотезы принимают во внимание большее число фактов и отбрасывают некоторые идеи прошлого, противоречащие современной науке или слишком расходящиеся с современными представлениями о мире. Например, сейчас вряд ли кто-нибудь из серьезных авторов будет развивать когда-то очень влиятельную идею об общественном договоре: она предполагала существование людей, обладавших всеми современными свойствами человека, за исключением языка. Современные более или менее авторитетные гипотезы описываются в шестой главе данной книги, затем С.А. Бурлак предлагает еще одну из них – собственную.

Автор книги, разумеется, отвергает идею о том, что «язык был дан человеку в готовом виде одномоментно высшими силами» (с. 309). Такая идея была преодолена еще в XVIII в., то есть в эпоху, когда европейская культура окончательно освободилась от религиозного сознания. Сейчас у нас она стала вновь популярной, однако вряд ли стоит пытаться ее опровергать рациональными аргументами, как это делает С.А. Бурлак. Идея о божественном происхождении языка имеет совсем не рациональные истоки.

Однако вопрос об одномоментности или длительности возникновения языка (как и иной, но связанный с ним, по крайней мере в одну сторону, вопрос о моногенезе и полигенезе) продолжает дискутироваться в науке. Идея о том, что «язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг» [Гумбольдт 1984: 308], существует уже два столетия, а сейчас в ее пользу привлекают данные генетики. Ряд авторов (Д. Бикертон, потом, правда, изменивший точку зрения, Т. Кроу и др.) считает, что «человеческий язык мог возникнуть в резуль-

тате единственной мутации» (с. 257). Сходна и точка зрения Н. Хомского, всегда исходившего из врожденности языковых способностей: «...возникновение языка, как кажется, с эволюционной точки зрения было достаточно внезапным и произошло в организме с очень большим мозгом, который образовался по какой-то причине, надо думать, путем какой-то реконструкции мозга» [Хомский 2010: 218].

Такую гипотезу (кстати, совместимую, в отличие от противоположной точки зрения, с идеями о получении языка «вышшими силами») С.А. Бурлак отвергает. «Перестройка речевого аппарата и формирование нужных мозговых структур и столь многочисленных, сложно устроенных и хорошо сбалансированных приспособлений в результате случайной замены нуклеотидов в молекуле ДНК не более вероятны, чем сборка самолета смерчем, пронесшимся по свалке» (с. 258). Она исходит из иных предпосылок: «Конкретную “точку” возникновения языка указать невозможно... примерно по тем же причинам, по которым для ребенка, усваивающего язык, невозможно указать конкретный “день овладения языком”» (с. 205). В обоих случаях между этапами, когда еще нет языка и когда уже есть язык, должен быть «континуум быстро сменяющихся друг друга (и накладывающихся друг на друга) промежуточных коммуникативных систем» (Там же). То есть автор книги исходит из эволюционных представлений о происхождении языка, также широко распространенных, сейчас их отстаивает, например, Т. Гивон. Существуют и промежуточные концепции: С. Пинкер пытается совместить идею Н. Хомского о врожденности языка и представление о постепенном эволюционном формировании языка путем естественного отбора через накопление мелких мутаций (с. 323–324).

Среди эволюционных гипотез по-прежнему, как отмечается в книге, популярна идея о происхождении звукового языка из языка жестов. У нас она привычно связывается с именем Н.Я. Марра, но высказывалась она и раньше, а сейчас существуют гипотезы М. Корбаллиса, М. Томаселло и других. Формирование звукового языка, в соответствии с ними, шло от «эмоционального дополнения к значащим жестам» к полноценной коммуникативной системе, что было связано «либо с необходимостью общаться на значительном расстоянии, либо с желанием повысить собственный статус» (с. 316). Не вышла из употребления и концепция, основанная на роли звукоподражаний.

Среди других концепций, описанных в книге, концепции Т. Гивона, Т. Дикона, Р. Данбара, Н. Масатака, Дж. Байби, Дж. Морфорд, Э. Карстейрса-Маккарти, А.Н. Барулина и др.

С.А. Бурлак критикует многие из них; например, Э. Карстейрс-Маккарти исходит из параллелизма между структурой предложения и структурой слога, что не подтверждается данными афазий.

В итоге автор книги приходит к выводу: «Большинство высказанных гипотез в той или иной мере справедливы: действительно, жесты в роли носителя преднамеренной коммуникативной нагрузки предшествовали звукам, звукоподражания – знакам-символам, возникновению языка способствовал переход к передвижению на двух ногах, а также смена лесов саваннами, развитие коммуникативной системы было неразрывно связано с социальностью, а также с объединением речи и мышления и в итоге привело к формированию “врожденной языковой способности”. Но в то же время в каждой из них имеются и некоторые изъяны – одни не учитывают времени появления человека современного вида, другие – работы механизмов наследования, третьи – данных приматологии» (с. 352). Принимая во внимание все разнообразие точек зрения, С.А. Бурлак выдвигает, по ее мнению, «гипотезу, лишенную этих недостатков» (Там же).

Ее классификация глоттогенеза (с. 352–381) исходит из того, что предки человека к моменту перехода к жизни на открытых ландшафтах еще не имели языка, но уже «обладали достаточно развитой наблюдательностью и навыками делать выводы из своих наблюдений» (с. 352–353). Число их поведенческих программ возрастало, и «нужна была коммуникативная система, предоставляющая в распоряжение особей принципиально открытое количество возможных обозначений для любых элементов окружающей действительности, которые хотя бы потенциально могут оказаться релевантными» (с. 355). Потребовались сигналы-комментарии, которые поначалу могли и не быть звуковыми (рассматриваются комментарии у обезьян – участниц языковых проектов). Линия развития шла от невольных «сигналов» к явно выраженным, преднамеренным знакам. В пользу гипотезы о развитии языка как «коммуникативной системы – комментария» (с. 360) приводится то, что обычные люди (не лингвисты) «интуитивно считают язык системой ярлыков: слова – имена вещей, предложения – описания (именования) ситуаций» (Там же). Интуитивные представления такого рода могут отражаться и в теориях языка.

Далее коммуникативная система развивалась, сигналы могли изобретаться и перениматься путем подражания, обозначения одного и того же унифицировались, их первоначальная иконичность после многократного повторения утрачивалась. Затем «начинает воспро-

изводиться не весь сигнал целиком, а лишь его «опорные компоненты» (с. 370), что приводит к появлению двойного членения, членимости значимых элементов на незначимые части (признак, пожалуй, наиболее явно отличающий язык человека от «языков» животных); проводится аналогия с развитием иероглифики от пиктограмм к символическим знакам. Это привело к резкому росту числа знаков и к возможности создавать знаки не на базе реальных ситуаций, а через модификации уже существующих знаков. «Модификация знака путем добавления к нему другого знака порождает синтаксис» (с. 373); «модификация же знака путем изменения или добавления к нему элементов, не являющихся отдельными знаками, порождает морфологию» (Там же). Полученная таким образом система становится потенциально бесконечной.

Особо обсуждается вопрос, может ли такая система образоваться только на базе звуковой речи или же она была способна появиться на любой субстанции, включая жестовую. С.А. Бурлак считает «более вероятным, что первоначально в коммуникативной системе сочетались и жесты, и звуки, и мимика... поскольку главным для этой системы был не носитель сигналов, а расширение возможности делать выводы об окружающем мире» (с. 375). Она принимает гипотезу М. Томаселло о том, что звуки первоначально играли роль эмоционального дополнения к жестам, но потом коммуникативная система постепенно превратилась в звуковую.

Безусловно, данная гипотеза займет место среди других современных гипотез о происхождении языка. Она учитывает самый разнообразный материал различных дисциплин, в том числе, пожалуй, больше, чем другие подходы, проводит аналогии с устройством современных языков и представлениями их носителей. Однако (что, конечно, понимает ее автор) и это – лишь гипотеза, обладающая правдоподобностью, но не доказуемая. Современные подходы к происхождению языка, разумеется, ушли далеко вперед от наивных, с нашей точки зрения, представлений XVIII–XIX вв. и пер-

вой половины XX в., но доказать их по-прежнему не представляется возможным, что четко показано в данной книге. Но это не означает, что проблему «следует считать неактуальной для лингвистики»: многие ученые продолжают ломать голову над возможностями ее решения. Ценность книги С.А. Бурлак заключается, прежде всего, в добротном и детальном обзоре таких возможностей, но и ее собственная точка зрения вносит в них вклад. Книга, безусловно, найдет своего читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барулин 2002 – *А.Н. Барулин*. Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. М., 2002.
- Гумбольдт 1984 – *В. фон Гумбольдт*. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Даль 2009 – *Э. Даль*. Возникновение и развитие языковой сложности. М., 2009.
- Донских 1988 – *О.А. Донских*. К истокам языка. Новосибирск, 1988.
- Макаев 1977 – *Э.А. Макаев*. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Мейе 1938 – *А. Мейе*. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Николаева 1996 – *Т.М. Николаева*. Теория происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // ВЯ. 1996. № 2.
- Пастернак 2011 – *Е.Л. Пастернак*. Формирование основных направлений французской лингвистической мысли XVIII века. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2011.
- Хомский 2010 – *Н. Хомский*. О природе и языке. М., 2010.
- Якушин 1984 – *Б.В. Якушин*. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.
- Tokieda 1973 – *М. Tokieda*. Kokugogaku-shi (История японского языкознания). Токуо, 1973.

В.М. Алпатов

Сведения об авторе:

Владимир Михайлович Алпатов
Институт востоковедения РАН
v-alpatov@ivran.ru

Рецензируемая работа представляет собой сборник статей голландского индоевропеиста Фредерика Кортландта – одного из ведущих представителей лейденской школы индоевропеистики.

Сборник начинается разделом «Введение», далее идут разделы «Индоевропейская фонология», «Индоевропейский морфосинтаксис», «Греческий», «Индоиранский», «Тохарский», «Германская фонология», «Классы германского глагола», «Германская глагольная флексия», «Германская именная флексия», «Немецкий», «Английский», «Скандинавский», «Албанский», «Армянский», «Балтославянский», «Италокельтский», «Анатолийский», «Индоуральский» и «Приложение».

Разнообразие тематики и большое количество статей (всего их в книге 79) не позволяет рассмотреть в данной рецензии все затронутые в сборнике темы. Поэтому ниже мы рассмотрим только отдельные статьи, которые наиболее полно представляют взгляды автора.

В обобщающей статье «An outline of Proto-Indo-European» (с. 37–45) сжато охарактеризованы основные черты праиндоевропейского «по Кортландту». В праиндоевропейском было только две гласные фонемы: *e [æ] и *o [a] с долгими аллофонами *ē и *ō в односложных словоформах и перед ауслатными сонорными. Ларингальные *h₁, *h₂ и *h₃ интерпретируются как [ʔ], [ʕ] и [ʕʷ] соответственно. Противопоставление между тремя ларингалами было нейтрализовано перед и после *o. Восстанавливаются только два ряда гуттуральных: палатальные и лабиовелярные, противопоставление между которыми нейтрализуется после *u и *s. Кроме того, палатальные депалатализуются перед *r, *s и ларингалами. Глухие, звонкие и звонкие придыхательные смычные традиционной реконструкции интерпретируются соответственно как сильные, глоттализированные и слабые. Таким образом, в праиндоевропейском отсутствовало противопоставление по звонкости/глухости. Анлаутное *b [pʰ] уже в праязыке перешло в *p [p], ср. др.-инд. редуцированный презенс *pībati* ‘пьет’. Поскольку сильные (глухие) и слабые (звонкие придыхательные) согласные не могли сосуществовать в пределах одного корня, противопоставление по силе/слабости можно интерпретировать как просодическое свойство корня. Такая система, по мнению автора, могла возникнуть из более ранней системы с противопоставлением двух уровневых тонов: высокого и низкого.

Восстанавливаются четыре основных типа именных парадигм: статическая, протероди-

намическая, гистеродинамическая и тематическая. Общий предок анатолийских и остальных индоевропейских языков не имел генитива (его функции выполнял аблатив), датива и отдельных окончаний косвенных падежей во множественном числе.

Раннеиндоевропейский был эргативным языком, но эргатив на *-os был переосмыслен как номинатив еще до отделения анатолийского. Многие из статей сборника содержат детальную аргументацию в пользу перечисленных здесь реконструктивных решений.

В статье «Proto-Indo-European glottalic stops: The comparative evidence» (с. 53–65) суммируются аргументы автора в пользу глоттальной теории. В то время как большинство доводов, выдвигаемых обычно сторонниками этой теории, апеллируют к типологии, Кортландт полагает, что реконструкция должна опираться не на типологические, а на собственно компаративистские данные. Кортландт приводит данные, подтверждающие глоттализированность праиндоевропейских «звонких», из балтославянских, армянского, индоиранских, латинского и германских языков. Наиболее убедительны доводы, связанные с законом Винтера в балтославянском и законом Лахмана в латинском. Кортландт показывает, что традиционная точка зрения, связывающая возникновение балтославянской акутовой интонации непосредственно с долготой гласных и сонантов, неверна. Долгие гласные неларингального происхождения имеют в балтославянском циркумфлекс (например, литов. *akmiō* ‘камень’ < и.-е. *h₂ekmō)¹. Акут возникает на гласном или дифтонгическом сочетании в двух позициях: 1) перед выпавшим конечнослоговым ларингалом, 2) перед индоевропейскими «звонкими» смычными. Можно сказать, что индоевропейские «звонкие» в балтославянском ведут себя как кластеры вида «ларингал + смычный». Это приводит к предположению, что на определенном этапе праиндоевропейские «звонкие» могли отражаться в праславянском как звонкие преглоттализированные смычные. Аналогичный вывод может быть сделан для предистории латинского языка, где, согласно закону Лахмана, индоевропейские «звонкие» в позиции перед другим смычным вызывают продление предшествующего гласного (т.е. ведут себя так же, как сочетание «ларингал + смычный»). В пользу реконструкции индоевропейских «звонких» как преглоттализированных говорят и данные но-

¹ См. также в поддержку этой точки зрения [Dybo 2002: 443–444].

воиндийского языка синдхи, в котором древнеиндийским простым звонким (как унаследованным из индоевропейского, так и возникшим по закону Грассмана) соответствуют звонкие преглоттализированные. Данные других языковых групп, в частности армянского и германских языков, менее однозначны. В германском, по Кортландту, индоевропейские «звонкие» дали глухие преглоттализированные смычные. Отражению предполагаемой преглоттализации в различных германских языках посвящен ряд статей рецензируемого сборника.

Такая интерпретация традиционных «звонких» как звонких преглоттализированных противоречит одному из известных доводов в пользу глоттальной теории – редкости индоевропейской фонемы *b. Нет типологических оснований предполагать, что среди звонких преглоттализированных (в отличие от глоттализированных глухих) лабиальный смычный должен встречаться реже дентального и велярных. Кортландт решает это противоречие, восстанавливая для праиндоевропейского глухие глоттализированные и постулируя их озвончение после отделения праанатолийского и пратохарского в общем праязыке всех остальных групп. Таким образом, глухость рефлексов индоевропейских «звонких» в армянском и германском должна быть признана вторичной, что существенно отличает глоттальную теорию в версии Кортландта от версии Гамкрелидзе и Иванова.

В статье «Proto-Indo-European verbal syntax» (с. 91–103) суммируются гипотезы автора в области индоевропейского морфосинтаксиса. Вкратце их можно изложить так.

В праиндоевропейском противопоставлялись статические и динамические глаголы, последние могли выступать в субъектном и в объектном спряжении. Статические глаголы были непереходными, глаголы в субъектном спряжении могли быть как переходными, так и непереходными, в объектном спряжении – только переходными. Кроме того, все глаголы могли иметь два вида – имперфектив и перфектив. Таким образом, индоевропейский глагол имел шесть основ, каждой из которых был свойствен отдельный набор окончаний. Имперфективные статические глаголы соответствуют в традиционной реконструкции медиальным глаголам, перфективные статические – перфекту. Все статические глаголы были непереходными. Глаголы субъектного спряжения соответствуют атематическим глаголам, объектного – тематическим (имперфектив – презенсу, а перфектив – аористу). Тематический гласный, по Кортландту, был объектным показателем. Праиндоевропейский был эргативным языком: подлежащее переходных глаголов стояло в эргативе, непереходных – в абсолютиве. Однако

падеж подлежащего имперфективных глаголов объектного спряжения (т. е. тематического презенса) зависел от его одушевленности: одушевленное подлежащее стояло в дативе, неодушевленное – в инструменталисе.

Восстановленную им для индоевропейского оппозицию объектного и субъектного спряжения Кортландт сравнивает с аналогичной оппозицией в уральских языках. Автор справедливо отмечает, что распространенная в уралистике гипотеза о независимом возникновении объектного спряжения в самодийском, обско-угорском, венгерском и мордовском неубедительна (см. об этом также [Хелимский 1982: 70–88; Janhunen 1982: 35]).

Реконструкция Ф. Кортландта вызывает ряд вопросов. Как отмечает сам автор, «Гипотеза, что в праиндоевропейском различались субъектное и объектное спряжение, не может быть доказана в строгом смысле слова». Однако, по мнению Кортландта, эта гипотеза помогает объяснить ряд фактов, прежде всего: 1) распределение тематической флексии в хеттском и 2) происхождение шестого класса древнеиндийского глагола (класса *tudāti*). Рассмотрим подробнее аргументы автора.

1) Как указывает Кортландт, индоевропейское тематическое спряжение отражено в хеттском в простых глаголах на *-ami*, производных глаголах на *-škami* и *-(j)ami*, каузативах и итеративах на *-ahhi* и деноминативах на *-ahhahhi*. Все простые тематические глаголы, кроме *papre* ‘ungein sein’, – переходные. Переходными также являются каузативы, итеративы, глаголы на *-ahh-* и унаследованные из индоевропейского глаголы на *-ske-*. Среди глаголов на *-je-* почти все неотыменные глаголы – переходные.

Следует отметить, что само существование простых тематических глаголов в хеттском не без оснований подвергается сомнению рядом исследователей [Lehrman 1998; Kloekhorst 2008: 129; Hoffner, Melchert 2008: 199]. Что касается хеттского суффикса *-ške-*, то это крайне непродуктивный показатель имперфектива, присоединяющийся как к переходным, так и к непереходным глаголам. Даже если, как это делает Кортландт, рассматривать только глаголы, унаследованные из праиндоевропейского, то и в этом случае легко отыскать контрпримеры: хет. *ar-aš-ke/a-* – имперфектив от глагола *ār-* ‘to come (to), to arrive (at)’ соответствует др.-инд. *ṛcchāti* ‘to go to, to go at, to attain’.

2) Кортландт указывает, что древнеиндийские глаголы шестого класса, как правило, сопровождаются подразумеваемым или выраженным определенным объектом. Вне зависимости от того, насколько корректно это утверждение, особенности глаголов шестого класса едва ли

могут быть релевантными для праиндоевропейской реконструкции, так как сам этот класс, по-видимому, является индоиранской инновацией [Sihler 1995: 494].

Не добавляют достоверности построениям Кортландта и существенные ошибки в анализе материала уральских языков. Так, окончание ненецкой формы 1 sg. объектного спряжения *madāu* 'я режу', восходящее к **-mā* [Mikola 1988: 253; Janhunen 1998: 470–471], не соответствует окончанию венгерской формы 1 sg. субъектного спряжения *várok* 'я жду', а *-d-*, входящее в состав окончания 1 sg. субъектного спряжения в ненецкой форме *madā-dm*, не является «инфигированным объектным местоимением» [Mikola 1988: 253–254]. Но самая грубая ошибка – то, что Кортландт последовательно называет формы самодийского субъектного спряжения «объектными», а объектного – «субъектными». Поскольку как в самодийском, так и в венгерском окончания объектного спряжения совпадают с посессивными окончаниями имен, Кортландт приходит к выводу, что в самодийских языках окончания субъектного и объектного спряжений «поменялись местами».

Больше всего сомнений, однако, вызывают не конкретные ошибочные утверждения автора, а его методология. Перед нами не столько реконструкция, основанная на данных дочерних языков, сколько «конструирование» праязыка: сначала выдвигается априорное предположение о том, что тематический гласный был показателем объекта, а затем в дочерних языках находятся отдельные факты, подкрепляющие это предположение.

Понятно, что таким способом невозможно не только исключить альтернативные гипотезы о происхождении и функциях тематического спряжения, но даже показать, что предлагаемая гипотеза предпочтительнее других. Для того, чтобы предположения о происхождении и первоначальных функциях какого-либо индоевропейского глагольного класса были обоснованными, необходимо прежде всего установить, какие именно глаголы входили в этот класс в праиндоевропейском. Этот этап, т.е. этап собственно реконструкции, в построениях Кортландта пропущен и заменен изолированными наблюдениями над фактами отдельных дочерних языков.

В статье «Eight Indo-Uralic verbs?» (с. 387–390) Кортландт критически рассматривает работу [Rédei 1986], в которой все лексические параллели между индоевропейским и уральским объясняются как результат заимствований в уральский из индоевропейского. Кортландт обращает внимание на то, что доля глаголов в предполагаемой контактной лексике необычайно высока для заимствований: 3 из 7

уральско-индоевропейских и 5 из 18 финно-угорско-индоевропейских параллелей, приведенных Редеи, – глаголы. Кроме того, автор отмечает формальные трудности, возникающие при попытке вывести уральское слово **sene* (**sōne*) 'жила' из индоевропейского **sneH₁ur* 'id.', а уральское **wete* 'вода' из индоевропейского **uodr/*udn-* 'id.'. Кортландт предпочитает рассматривать восемь уральско-индоевропейских глагольных параллелей как наследие индо-уральского праязыка. Вот эти сопоставления: прауральск. **miye-* 'давать, продавать' – праи.-е. **mei-* 'менять', прауральск. **muške-* (**moške-*) 'мыть' – праи.-е. **mesg-* 'погружать, мыть', прауральск. **toye-* 'приносить, давать' – праи.-е. **deH₃₋* 'давать', прафинно-угорск. **aja-* 'гнать' – праи.-е. **H₂eġ-* 'id.', прафинно-угорск. **kanz-* 'сыпать, бросать, копать' – праи.-е. **kH₂en-* 'копать', прафинно-угорск. **teke-* 'делать' – праи.-е. **d^heH₁₋* 'класть', прафинно-угорск. **wetä-* 'вести' – праи.-е. **ued^h-* 'вести', прафинно-угорск. **wiye-* 'брать, нести' – праи.-е. **ueġ^h-* 'везти'.

Необходимо отметить, с одной стороны, что для глагола «копать» все же вероятнее контактная версия (он не возводится к праиндоевропейскому, будучи представлен только в индоиранских языках). С другой стороны, список надежных глагольных параллелей между уральским и индоевропейским приведенными этимологиями не исчерпывается – ср., например, такие сопоставления, как прауральск. **kupsa-* 'гасить' – праи.-е. **g^hes-* 'id.' [Иллич-Свитыч 1971: 311], прафинно-угорск. **küle-* 'слышать' – праи.-е. **kleu-* 'id.' [Иллич-Свитыч 1967: 366].

Подводя итог, можно сказать, что рецензируемый сборник статей Ф. Кортландта будет интересен как индоевропеистам общего профиля, так и специалистам по отдельным группам индоевропейских языков. Отмеченные выше недостатки, прежде всего априорность многих реконструкций, не являются отличительной особенностью работ Кортландта, скорее, они свойственны современной индоевропеистике в целом. Многие из гипотез, выдвинутых в статьях, перепечатанных в настоящем сборнике, вошли в арсенал лейденской школы индоевропеистики (Р. Бекес, А. Лубоцкий, П. Схрейвер, А. Клухорст, М. де Ван, Г. Кронен), и знакомство с ними необходимо для лучшего понимания работ представителей этой школы. Работы Кортландта, как и лейденской школы в целом, далеки от «мейнстрима» современной индоевропеистики и отличаются постоянным поиском новых путей развития этой дисциплины, где, вопреки широко распространенному мнению, остается еще много нерешенных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иллич-Свитыч 1967 – *В.М. Иллич-Свитыч*.
Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидийский, картвельский, семито-хамитский) // *Этимология* 1965. М., 1967.
- Иллич-Свитыч 1971 – *В.М. Иллич-Свитыч*.
Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь (b – k). М., 1971.
- Хелимский 1982 – *Е.А. Хелимский*. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М., 1982.
- Dybo 2002 – *V.A. Dybo*. Balto-Slavic accentology and Winter's law // *Studia linguarum*. 2002. V. 3. № 2.
- Hoffner, Melchert 2008 – *H.A. Hoffner, H.C. Melchert*. A grammar of the Hittite language. Pt. 1: Reference grammar. Winona Lake, 2008.
- Janhunen 1982 – *J. Janhunen*. On the structure of Proto-Uralic // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1982. Bd. 44.
- Janhunen 1998 – *J. Janhunen*. Samoyedic // *D. Abondolo (ed.)*. The Uralic languages. London; New York, 1998.
- Kloekhorst 2008 – *A. Kloekhorst*. Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon. Leiden; Boston, 2008.
- Lehrman 1998 – *A. Lehrman*. Indo-Hittite redux. Studies in Anatolian and Indo-European verb morphology. M., 1998.
- Mikola 1988 – *T. Mikola*. Geschichte der samojedischen Sprachen // *D. Sinor (ed.)*. The Uralic languages. Description, history and foreign influences. Leiden, 1988.
- Rédei 1986 – *K. Rédei*. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986.
- Sihler 1995 – *A.L. Sihler*. New comparative grammar of Greek and Latin. New York; Oxford, 1995.

М.А. Живлов

Сведения об авторе:

Михаил Александрович Живлов
Российский государственный
гуманитарный университет
zhivlov@gmail.com

А.И. Кузнецова. Динамика русских глаголов движения с XI по XX век. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010. 284 с. (Библиотека лингвистической прогностики. Т. 5)

Рецензируемая монография представляет собой не вполне обычное явление – это публикация первого тома кандидатской диссертации «Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI по XX век)», защищенной А.И. Кузнецовой в Московском государственном университете в 1963 году (название книги, как можно видеть, изменено по сравнению с диссертацией). Очевидно, следует выразить благодарность А.А. Кретову – научному редактору серии «Библиотека лингвистической прогностики», в рамках которой опубликовано исследование, за то, что с этой содержательной работой теперь

может познакомиться более широкий круг читателей.

Разнообразные особенности значения, употребления и формальной структуры глаголов движения привлекали и продолжают привлекать к себе внимание огромного числа исследователей (из недавних работ этого круга см., например: [Talmy 2000; Анна Зализняк, Шмелев 2000; Майсак, Рахилина 2007]). В 2010 г. увидела свет коллективная монография [Hasko, Perelmutter 2010], специально посвященная этой проблематике: ее авторы ставили перед собой цель аккумулировать исследования по славянским глаголам движения (подробнее см. нашу рецензию на эту монографию в [Шибасова 2012]). В связи с этим публикация исследо-

вания «Динамика русских глаголов движения с XI по XX век» представляется в высокой степени актуальной, причем особый интерес, конечно, вызывает возможность его «повторного» прочтения на современном фоне.

Естественно ожидать, что исследование, написанное полвека назад, будет во многих аспектах отличаться от современных. В предисловии к монографии; написанном специально для данной книги, сам автор называет некоторые из таких отличий публикуемого текста от новейших исследований в данной области. Действительно, возникла новая терминология, появилась возможность использовать электронные корпуса текстов, наконец, проблематика глаголов движения оказалась существенно больше разработанной, чем ранее. В основном тексте книги отсутствуют ссылки на научные труды после 1963 г., хотя в предисловии некоторые современные работы упоминаются.

Действительно, в монографии не используется метаязык, возникший в более поздний период, однако данная особенность (которую, на наш взгляд, не следует считать недостатком) никак не умаляет ценности полученных результатов. Более того, ее даже можно считать элементом стиля: читателю предлагается структурированное, логически последовательное и написанное простым языком научное исследование, приоритет в котором отдается не терминам, а сути. Что же касается использования корпусов текстов, то, несомненно, подход, воплощенный в рецензируемой монографии, весьма близок современным корпусным методам: автором было отобрано не менее 12 тыс. примеров из текстов различных периодов существования русского языка – для периода XI–XIV вв. привлекаются 150 древнерусских и русских церковнославянских памятников (примеры приводятся только из древнерусских памятников), для периода XV–XVIII вв. анализируется более 131 текста (такие данные приводятся в списке использованных источников, но он, как отмечает автор в предисловии, неполон), для периода XIX–XX вв. – более 107 текстов. Объем проработанного материала, собранного в том числе по труднодоступным памятникам, впечатляет – можно сказать, что отсутствие в 1950–1960-х гг. электронных корпусов большого объема по русскому языку, бесспорно, компенсируется поразительным трудолюбием автора. Немного найдется современных работ, которые могут конкурировать с данным исследованием по масштабу привлекаемых для анализа данных, несмотря на то, что сейчас отбор материала стал практически полностью автоматизированным, а его обработка сильно упростилась благодаря новым техническим возможностям.

При прочтении текста, написанного почти полвека назад, естественно было бы ожидать встречи с некими (не всегда позитивными) проявлениями «духа» того времени. Однако следует отметить, что данная монография совершенно лишена следов каких-либо уступок господствовавшей идеологии – перед нами строгое изложение методов и результатов скрупулезного анализа языковых явлений. Единственная фраза, появление которой было бы необычно для современного текста, служит как раз тому, чтобы отграничить научное исследование от политики. В первой главе, обсуждая различные подходы к системному анализу лексики, связанные с понятиями (лексического и семантического) поля и лексико-семантической группы слов, разработанными в большинстве случаев зарубежными лингвистами, автор изящно, но категорично отказывается заниматься идеологией: «Философские основы большинства рассматриваемых теорий являются идеалистическими; они неоднократно подвергались критике в советском языкознании, в связи с чем в настоящей работе подробный анализ философских основ опускается» (с. 16). Хочется отдать должное принципиальности и чувству юмора автора рецензируемой книги: такое решение проблемы соотношения чистой науки и идеологии в работе того времени было смелым.

Монография состоит из четырех глав (теоретической и трех соответствующих выделенным периодам развития русского языка), заключения, библиографии. Предваряют работу два предисловия: в первом (от научного редактора) объясняются причины публикации данной работы сейчас и именно в «Библиотеке лингвистической прогностики»; во втором (от автора) рассказывается о том, почему публикация работы была отложена на столь долгий срок, говорится об изменениях, которые произошли в лингвистике и особенно в изучении глаголов движения после 1963 г.

Объект исследования – компактная группа глаголов движения, ограниченная лексемами со значением перемещения субъекта в пространстве: *идти-ходить, бежать-бегать, лететь-летать* и др. (группа глаголов «направленного автономного перемещения», по [Апресян 1974: 252–253]). В этот круг не попадают переходные (каузативные) глаголы наподобие *везти-возить, катить-катать, лить, сыпать* и их корреляты с *-ся*, глаголы, обозначающие колебательные, вращательные движения и др., т. е. активно изучавшиеся в последние десятилетия именно в рамках семантического поля глаголов движения. В монографии исследуются исконно русские глаголы и те церковнославянские, которые встречались в памятниках древнерус-

ской письменности. Заимствования эпохи правления Петра I (*дефилировать, маршировать, лавировать* и др.), а также более поздние (типа *барражировать, планировать, пикировать*) не изучаются. За рамками исследования остаются также диалектные (*хлынять, клюсать, криуслять*), просторечные (*шлѣндать, шлѣпать, шастать*), стилистически сниженные глаголы (*переть, шляться, разг. трусить*).

В связи с принятым подходом к исследованию группы глаголов движения как системы в первой главе анализируется возникновение понятия системы в лексике и семантике, тесно связанного с теорией семантического поля.

В следующих трех главах подробно описаны значения (лексико-семантические варианты) русских глаголов движения на протяжении трех периодов развития русского языка. Для второго и третьего периодов объем значения глаголов сравнивается с предыдущим периодом – отмечается исчезновение старых и появление новых значений, а также расширение сочетаемости глагола в определенном значении и изменение стилистической окраски, выявляются устойчивые для некоторой эпохи сочетания с исследуемыми глаголами. Большое внимание уделяется установлению системных отношений между различными глаголами движения (синонимия в части значений, полное включение семантики одного глагола в семантику другого и др.). В ходе исследования формулируются закономерности развития системных отношений в группе глаголов движения, что отражается в выводах к отдельным главам и в общем заключении.

Выявление общих значений у разных глаголов производится с помощью метода дистрибуции, т. е. установления семантической и грамматической сочетаемости глагола. Конкретно это воплощается в выявлении «структурных моделей», т. е. установлении тех «детерминативов» и «конкретизаторов», с которыми может сочетаться глагол в определенном значении. Под детерминативом понимается семантический тип подлежащего – человек, живое существо, абстрактная сущность и т. п., под конкретизатором – семантический тип и грамматическая форма всех остальных постоянных спутников глагола в определенном значении – дополнений, обстоятельств, именных частей сказуемого.

Фактически в исследовании речь ведется о лексической, семантической и грамматической сочетаемости глаголов в разных значениях (если использовать терминологию из [Апресян 1974]). Показано, что, поскольку сочетаемость глаголов со временем расширяется, при разграничении значений глаголов с помощью метода дистрибуции все более важную роль играет конкретизатор. Если метод дистрибуции ока-

зывается неэффективным, исследователь для установления значения глагола прибегает к более широкому контексту, а также (особенно в применении к первому периоду) к греко-латинским параллелям соответствующих текстов.

При анализе текстов позднего периода, XIX–XX вв., автор в большей степени имеет возможность опираться на собственную языковую интуицию, но, сохраняя единообразие описания, исследователь и для третьего периода устанавливает все возможные структурные модели для каждого глагола и даже специально указывает, что структурные модели не всегда позволяют определить разницу в значениях глаголов. Действительно, из таблицы 6 (с. 234) видно, что глаголы *идти-ходить* могут употребляться по отношению к живому существу без какого-либо конкретизатора в разных значениях – ‘двигаться вообще (отправляться, направляться и др.)’, ‘делать шаги’, ‘небыстро двигаться по земле с помощью ног, пешком’.

В центре системы глаголов движения по частоте употребления в текстах и количеству различных лексико-семантических вариантов на протяжении тысячелетия находилась пара глаголов *ити-ходити* (позже *идти-ходить*). Поэтому при анализе значений других глаголов движения особый акцент делается на соотношении их семантики с семантикой этой пары.

В первом периоде глаголы *ити-ходити* грамматически были еще столь похожи друг на друга, что в одинаковых контекстах встречаются случаи замещения одного глагола другим. Следующие лексемы имели общие лексико-семантические варианты с основной парой глаголов: *ехати-ездити, лезти-лазити, течи, бежати-бежати, миновати, ступати, грядти* (церк.), *шествовати* (церк.). С этими глаголами были связаны другие: *лезти* – *пльзти-полозити, пльзати* (ст.-сл. *плезти, плезити, плезати*); *бежати* – *скрытиса, утечи, ускочити, ристати* (церк. *рискати*), *скакати*; *течи* – *плутти-плавати*. Таким образом выявляются цепочки слов, соседние члены которых синонимичны в одном или более значениях.

Интересно, что семантика глаголов *грядти* и *шествовати*, употреблявшихся в то время в нескольких значениях, полностью включалась в семантику глаголов *ити* (для *грядти*) и *ити-ходити* (для *шествовати*). Этот тип синонимии, очевидно, оказался не столь востребован языком, поскольку к третьему периоду практически исчез как вид парадигматических отношений из группы глаголов движения.

Рассматриваются и такие отношения между глаголами движения, которые сейчас назвали бы гипо-гиперонимическими – в ранний период они, например, связывали глаголы *ити-ходити* с *плутти-плавати, летети-летати* и *парити, перети*: глаголы *ити-ходити* обозначали

движение в широком смысле, в частности, применялись к контекстам, где говорится о движении по воде или по воздуху.

Набор значений древних глаголов может отличаться от современного, например, лексико-семантический вариант 'быстро двигаться по земле с помощью ног' у пары *бегать* – *бежать* в период XI–XII вв. еще не фиксируется, представлены примеры только на значения 'убегать, спасаться бегством' и 'избегать, беречься, остерегаться кого-чего-нибудь' (с. 95).

Всего для первого периода исследуется примерно 30 глаголов – большая часть анализируется подробно, некоторые глаголы лишь упоминаются при сравнении с другими (это обусловлено, в частности, количеством найденных примеров). Помимо уже названных, во второй главе в той или иной мере описаны следующие лексемы: *пешаховати*, *пешеходити*, *пешешьствовати*, *мимоити*, *мимоходити*, *блудити*, *блясти*, *брести-бродити*, *прямити* ('двигаться прямой дорогой'), *следовати*, *вслідити-вслідовати*, *последовати*, *смыкатися* ('ползать'), *бырати* ('скитаться, ходить без дороги', с. 111). Основное внимание в исследовании уделяется бесприставочным глаголам, приставочные (кроме *утечи*, *ускочити*), как правило, лишь упоминаются, встречаются также отдельные примеры с формами приставочных глаголов: *отьходить* (с. 80), *възидеши* (с. 95) и др. Вероятно, такой выбор глаголов также диктовался материалом.

При исследовании лексико-семантических вариантов, сильно расходящихся по значению, часто встает вопрос о разграничении полисемии и омонимии. Изучение динамики значений глаголов помогает определить тот момент, когда различные значения одного глагола становятся омонимами. Например, для глагола *блудити*, как показано в монографии, – это, по-видимому, XIV в., когда между лексико-семантическими вариантами, обозначающими собственно движение, и вариантом 'прелюбодействовать' (кстати, употреблявшимся как переходный) связующим звеном был вариант 'заблуждаться, ошибаться', т. е. можно говорить о полисемии. В дальнейшем такая связь была утрачена, возникла омонимия.

Перестройка глагольной системы, по исследованным материалам, шла в нескольких направлениях: заметное увеличение количества различных лексико-семантических вариантов, часто абстрактных, не связанных с идеей передвижения, практически у всех глаголов, особенно у глаголов *идти-ходить*; расширение сочетаемости глаголов в разных значениях; утрата или сильное снижение употребительности отдельных глаголов или их значений – все это приводило к изменению семантических отношений между глаголами внутри группы и к

большему смысловому разграничению определенной и неопределенной основ во всех коррелятивных глагольных парах.

В целом во второй период (XV–XVIII вв.) отмечается увеличение количества лексико-семантических вариантов в группе глаголов движения по сравнению с первым периодом (XI–XIV вв.) примерно вдвое. В текстах появляются новые глаголы – *дыбати* 'ходить тайком, украдкою' (с. 126) и *гомъзити-гомъзати* 'двигаться ползком, шевелиться' (с. 127). С другой стороны, некоторые глаголы в этот период выходят или почти выходят из употребления, например *полозити*. Глаголы *смыкатися* (с XV в.) и *прямити* (с XVII в.) утрачивают лексико-семантические варианты, связанные с идеей движения, и таким образом выбывают из группы глаголов движения.

В связи с изменением семантики отдельных глаголов изменялись смысловые связи между ними: возникали новые синонимические ряды, пары, входящие в гипо-гиперонимические отношения, например, глаголы *лезть-лазить* и *брести-бродить* во втором периоде стали синонимичны благодаря общему значению 'переходить реку вброд'.

В XIX–XX вв. в литературном языке группа не пополняется новыми глаголами. Напротив, глаголы *дыбать*, *гомозить* ушли в диалекты. Зато прежние глаголы развивают еще большее количество значений – число лексико-семантических вариантов опять удваивается по сравнению с предыдущим периодом.

Особенно много лексико-семантических вариантов возникает у глагола *идти*, сочетаемость его также сильно расширяется, благодаря этому в XIX–XX вв. во многих контекстах этот глагол имеет уже обедненную семантику («малосущественное лексическое значение», как написано в монографии), превратившись во вспомогательный и являясь в некоторых контекстах синонимом глаголов *быть*, *становиться* в составных именных сказуемых: ... *Дорога шла круче и круче; Путешествие идет мне впрок; (Дронов) действительно шел в рядах первых учеников класса* (с. 222).

Развитие лексико-семантических вариантов у глаголов движения на протяжении всего исследованного периода шло несколькими путями: «цепочечное»; развитие «методом борьбы» и по типу «передачи эстафеты».

Цепочечное развитие предполагает возникновение семантической аналогии – у тесно связанных глаголов возникают одинаковые новые значения. Например, синонимичные еще в первый период глаголы *ити*, *бежати*, *течи*, *летети*, *шествовати* во второй период все развили значение 'проходить, протекать, длиться (о времени)'. Автор обращает внимание на то, что глагольные цепочки продолжают зарож-

даться у нас на глазах – окказионально в одном и том же значении (с одинаковой узкой сочетаемостью) начинают употребляться разные глаголы. Вариант ‘переходить с предмета на предмет (о глазах)’ в XIX–XX вв. имелся у глаголов *бегать*, *блуждать*, *бродить*, *рыскать*, *ползать*. Но существуют отдельные примеры и с глаголами *скакать*, *плавать*. Показательно, что выявленные закономерности развития значений наблюдаются не только у исследованных в монографии глаголов движения, но и у тех, которые остались за рамками работы, ср., например, развитие по цепочке значения ‘переходить с предмета на предмет (о глазах)’ у глаголов *шнырять*, *шмыгать*.

В монографии рассматриваются случаи «борьбы» синонимов за какое-либо значение. Уже отмечалось, что глаголы *йти* и *ходить* в ранний период могли употребляться в одинаковых контекстах. Такое соперничество затрагивало даже область фразеологии: устоявшееся уже в первый период выражение *йти за мужь* в XV–XVI в. снова испытывает колебания – вместо *йти* довольно интенсивно употребляется глагол *ходить*. В XVII в. вариант с *ходить* встретился только в пословице: *Для штей люди женятся а для мяса за муж ходять* (с. 144). К XVIII в. этот оборот становится полностью фиксированным с глаголом *итти*. Во второй период существовала конкуренция между глаголами *идти* и *ходить* в значениях ‘употребляться, использоваться на что-либо’, ‘тянуться (о линиях)’ и ‘струиться, литься’. Лишь в XIX в. все три варианта отходят к глаголу *идти*.

Существуют отдельные примеры на «передачу» значения от одного глагола к другому: так, глаголы *течи* и *рискати* во второй период утрачивают лексико-семантический вариант ‘стремиться к чему-либо’, а глагол *шествовать*, напротив, развивает такое значение. Вариант ‘скитаться, странствовать, путешествовать по чужим землям’, ранее присущий глаголам *плавать*, *блудить*, *бырать*, в XIX в. обнаруживается уже у других глаголов – *бродить*, *ездить*, *рыскать*.

Исследование развития глаголов движения на протяжении тысячелетия позволяет автору сделать обоснованные выводы о путях изменения данной лексической системы русского языка, тенденциях, действие которых не заканчивается ко времени завершения исследования (1963 г.), а продолжается и по сей день. Например, не случайно появление переходности у глагола *уйти* в каузативном значении: *Не он ушел, а его ушли*. Возникновение переходности

такого рода отмечается еще во втором периоде у глагола *ездить* в значении ‘возить’ (окказионально) и у глагола *блудить* в значении ‘заводить не туда, куда надо бы двигаться’ (с. 130, 132), т. е. данная структурная возможность спорадически реализуется в группе глаголов движения уже много веков.

Следует отметить, что во время создания текста кандидатской диссертации, легшего в основу рецензируемой монографии, дистрибутивный метод в применении к исследованию лексики, в данном случае для определения значений и, в частности, выявления частичной синонимии, еще находился в процессе разработки. В фокусе внимания лексикологов была проблема сочетаемости слова (Н.Н. Амосова, Ю.Д. Апресян), подбирались различные методы к исследованию семантических полей. В кандидатской диссертации в применении к описываемой проблематике были обобщены новейшие достижения лингвистики того времени, отдельные понятия и методы получили оригинальную разработку. Автор строго придерживался правды факта, строя обобщения на большой выборке примеров. Эти черты делают данную работу востребованной и сейчас, почти 50 лет спустя, когда ее результаты могут быть использованы не только в русистике, славистике и лексической семантике, но и инкорпорированы в интенсивно развивающиеся сейчас исследования по семантической типологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.
- Анна Зализняк, Шмелев 2000 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Майсак, Рахилина 2007 – Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Шибасова 2012 – Н.Л. Шибасова. [Рец. на:] V. Hasko, R. Perelmutter (eds.). New approaches to Slavic verbs of motion // ВЯ. 2012. № 1.
- Hasko, Perelmutter 2010 – V. Hasko, R. Perelmutter (eds.). New approaches to Slavic verbs of motion. Amsterdam, 2010.
- Talmy 2000 – L. Talmy. Toward a cognitive semantics. V. 1, 2. Cambridge, 2000.

Н.Л. Шибасова

Сведения об авторе:

Наталья Львовна Шибасова
Институт языкознания РАН
nshibasova@yandex.ru

Автор грамматики скромно определяет свою цель как предоставление информации о латгальском языке широкому кругу лингвистов, которым недоступны труды по латгалистике, написанные по-латышски (с. 3)¹. На самом деле имеющиеся грамматические описания латгальского языка (в основном практические, в частности школьные грамматики) давно не удовлетворяют потребностям ученых и самих носителей языка. Рецензируемая грамматика освещает многие вопросы, до сих пор не описанные в национальной лингвистической традиции, и является, таким образом, не только работой, полезной для специалистов по общему языкознанию, но и существенным и актуальным вкладом в собственно латгальское языкознание.

Введение начинается утверждением, что «латгальский является региональным языком», относящимся к восточной группе балтийских языков наряду с латышским и литовским (с. 4). Такое мнение не является общепризнанным, поэтому снабжается необходимыми комментариями. Официальная точка зрения, зафиксированная в Законе о государственном языке² (вступил в силу 1 сентября 2000 г.), считает латгальский литературный язык «исторической разновидностью латышского языка», хотя интерпретация этой формулировки и следствия из нее являются предметом существенных разногласий³. Статус латгальского языка по-разному оценивался в разные периоды истории. Представление о его самостоятельности начало выкристаллизовываться в начале XX века в связи с национальным пробуждением латгальцев и в первые годы существования Латвийской Республики, хотя тогда принято было говорить о латгальском и балтийском (собственно латышском) наречиях латышского языка. Воссоединение в 1917 г. Латгалии с остальными регионами Латвии, от которых она была отделена политическими и административными границами в течение трех столетий, обострило вопрос о различии двух «языков латышей»

¹ Н. Нау является также автором латышской грамматики, вышедшей в этой же серии: *N. Nau. Latvian.* München; Newcastle: LINCOM Europa, 1998. 66 p. Languages of the World / Materials 217. ISBN 3-89586-228-2.

² Н. Нау не совсем точно переводит его название на английский язык как «Latvian language law» (с. 4).

³ См. почти полностью этому вопросу посвященный выпуск еженедельника «Jurista Vārds» (25 октября 2011, № 43 (690)).

(с. 7). В Советской России официальная точка зрения была сформулирована в связи с Всесоюзной переписью населения 1926 г.: латгальцы признаны отдельной национальностью и латгальский – самостоятельным языком (по официальным данным в России в 1926 г. зарегистрировано 9 676 латгальцев⁴, в 2002 г. – 1 622⁵). Следы этого понимания сохранились в вузовских учебниках по введению в языкознание середины XX в. (А.А. Реформатский, Б.Н. Головин и др.), хотя преобладающей точкой зрения в советской балтистике после войны стала интерпретация латгальского как диалекта латышского языка (точнее, как латгальских говоров верхнелатышского диалекта). Трактовка латгальского языка как самостоятельного была характерна для латгальских ученых в эмиграции (М. Букшс, Л. Латковскис и др.), в Латвии этот взгляд защищал крупнейший латгальский лингвист А. Брейдак [Брейдак 2006]. В последние годы вопрос о самостоятельности латгальского языка вновь стал обсуждаться на профессиональном уровне. Официально статуса регионального языка латгальский пока не имеет, но предположение автора о том, что такой статус в недалеком будущем будет им получен благодаря активным усилиям деятелей латгальской культуры, представляется обоснованным. Справедливо отмечается также, что большинство латгальцев считают себя этническими латышами с отдельным языком (с. 4).

Учитывая опасность интерференции с доминирующим латышским языком, в отборе лингвистического материала грамматика ориентируется на возможно более аутентичные тексты – современную публицистику, автобиографическую и интеллектуальную прозу, интернет-дневники, с одной стороны, и классические сказки, с другой⁶. (В связи с широкими временными рамками анализируемых текстов в грамматике уделено внимание различным графическим системам начиная с XIX в.)

Очень содержательны сведения об истории формирования латгальского языка в связи с историей Латгалии (от языка древнего балтского племени латгалов до современности), письменных памятниках и лингвистических

⁴ http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=2

⁵ http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_01.xls

⁶ Надо сказать, что тексты сами по себе являются весьма интересными и дают представление не только о лингвистических фактах, но и о культурных актуалиях латгальцев.

	short vowels			long vowels		
	front	central	back	front	central	back
high	i	/ ð	u	i:		u:
mid	ε		ɔ	iε		uɔ
low	æ	a		æ:	a:	

описаниях. Следует отметить лишь, что Н. Нау ошибочно считает первой сохранившейся латгальской грамматикой грамматику Т. Коссовского 1853 г. (с. 7), – древнейшие сохранившиеся латгальские грамматики относятся к 1817 г.: это «Grammatyka inflansko-lotewska», опубликованная в Вильнюсе Ю. Акелевичем⁷, и анонимная рукописная «Grammatica Linguae Lotavicæ»⁸.

Собственно лингвистическое описание начинается с сообщения типологически важных особенностей порядка слов, предложных конструкций, выражения синтаксических связей, системы грамматических категорий (при перечислении глагольных категорий выпущен императив), отмечено также характерное для латгальского языка стремление к «морфонологической гармонии» – сочетанию в пределах слова мягких согласных с «передними» гласными и твердых согласных с «задними» гласными (с. 9).

Описание языковой системы состоит из следующих разделов: звуковая система, морфонология, именная морфология, глагольная морфология, синтаксис и дискурс; в конце книги приводятся образцы латгальских текстов с морфологическим глоссированием и библиография.

Фонологический раздел (с. 9–15), по признанию автора (чьим материалом были письменные тексты), построен в основном на работах А. Брейдака; отмечается недостаток специальных, в частности инструментальных, исследований латгальской фонетики (с. 9).

В описании системы гласных, представленной в виде таблицы (с. 9), следует обратить внимание на интерпретацию дифтонгов /iε/ и /uɔ/⁹ и на проблему среднего ряда (см. табл. 1).

Дифтонги /iε/ и /uɔ/ рассматриваются как монофонемы и ставятся в соответствие крат-

ким гласным среднего подъема /ε/ и /ɔ/ как их долгие корреляты (соответствующие долгие монофтонги встречаются только в междометиях и звукоподражаниях). Это функциональное соответствие действительно подтверждается особенностями морфонологического чередования фонем (ср. *nest* /-æ-/ – *nešu* /-e-/ ‘нести – (я) нес’ и *ēst* /-æ:/ – *iežu* ‘есть – (я) ел’; *kuort* ‘вешать’ – *aizkors* ‘занавеска’) и не противоречит истории языка (данные дифтонги происходят из долгих монофтонгов). Введение в систему среднего ряда, напротив, вызывает сомнения: вряд ли оправдано внесение в таблицу фонем «среднерядного» аллофона [ɨ] (в графике – у) краткой фонемы /i/, на котором базируется дальнейшая структура таблицы, а именно отнесение гласного /a/ к среднему ряду и аналогичное расположение долгих гласных. Правда, причины такого решения понятны: оно позволяет сформулировать общую закономерность в распространенном чередовании – замене «переднего» гласного «задним», ср.: *sarkt* – *sorkstu* ‘краснеть – краснею’, *nest* /-æ-/ – *nasu* ‘нести – несую’, *sist* – *sytu* ‘бить – бью’. Чередование гласных, однако, не является независимым – оно подчинено упоминавшемуся стремлению к морфонологической гармонии: формы *sorkstu*, *nasu*, *sytu* содержат только твердые согласные, что определяет выбор соответствующего гласного (/o/, /a/) или аллофона ([ɨ]). В связи с этим возникает вопрос о противопоставлении двух фонем нижнего подъема: /a/ и /æ/ (ср. редкие случаи типа *ass* [asʲ:] ‘ось’ : *es* [æsʲ] ‘я’) – довольно часто их дистрибуция зависит от мягкости/твердости предшествующего согласного. Возможно, ситуация аналогична наблюдаемой в литовском языке (к которому латгальский в целом фонологически более близок, чем к латышскому), где после мягких согласных /a/ чередуется с /æ/ (а в некоторых говорах [a] и [æ] являются аллофонами одной фонемы). Для латгальского это имеет значение при описании системы склонения и тенденций ее развития (см. ниже). Если после мягких действительно возможно только /æ/, то в таблицу, иллюстрирующую графическую передачу гласных, следует добавить графему <a>, обозначающую /æ/

⁷ Источником грамматик Ю. Акелевича и Т. Коссовского считается рукописная грамматика Рымкевича (1810 г.), исчезнувшая во время Второй мировой войны [Strods 1937].

⁸ Общий список латгальских грамматик см. в [Skrynda 2011].

⁹ В рецензии используется транскрипция, принятая в анализируемой грамматике.

после мягких согласных в таких словах, как *gaļa* /gaļʲæ/ 'мясо'.

Разница между /ɛ/ и /æ/ не передается в латгальской графике. Автор грамматики стремится показать ее, обозначая узость гласного точкой (e) или снабжая примеры транскрипцией, но делает это, к сожалению, избирательно: лишь там, где это «важно морфологически» (с. 10), хотя читателю, безусловно, была бы полезна такая информация во всех случаях.

Существенной чертой, отличающей латгальский от латышского, является наличие корреляции по твердости /мягкости. Современная графика латгальского языка, однако, набором графем не отличается от латышской (имеется лишь буква *u* для звука [i̯], а также *õ* для соответствующей периферийной фонемы) и поэтому только частично передает информацию о мягкости согласных: позиционная мягкость (перед гласным переднего ряда) специально не обозначается¹⁰, в других же позициях возможно лишь обозначение мягких /lʲ/, /nʲ/, /kʲ/, /gʲ/ – используются латышские «среднеязычные» графемы *l, n, k, g*. Таким образом, мягкость часто остается необозначенной в конце слова (а также в сочетаниях согласных), ср. омографы, различающиеся мягкостью: *stīp* /-p/ 'тянет' – *stīp* /-pʲ/ 'тянешь', *īt* /-t/ 'идет' – *īt* /-tʲ/ 'идти' (с. 12). В рецензируемой грамматике такие мягкие согласные, как и произношение *e*, обозначаются избирательно (в тех случаях, где это важно для изложения, с. 11), однако встречаются ошибки, например, на с. 19 в 15-й строке сверху пропущен знак мягкости зубного щелевого в примерах сочетаний согласных (должно быть: /sʲnʲ, sʲlʲ, zʲnʲ, sʲlʲ, sʲmʲ/); на с. 23 в таблицах склонения не отмечена мягкость конечного *s* в омонимичных формах род. п. ед. ч. и им., вин. п. мн. ч. слова *egle* 'ель' – должно быть *egļʲ-isʲ*, на с. 24 обозначена мягкость окончания в *acʲ-(i)sʲ* 'глаза', но отсутствует рядом в *sirdʲ-(i)sʲ* 'сердца' (правильно на с. 23). Следовало бы указать мягкость и произношение *e* в личных местоимениях *es* [æʲsʲ] 'я' и *mes* [mʲæʲsʲ] 'мы' (с. 35) (ср. отсутствие мягкости конечного согласного в транскрипции на с. 10: [mʲæʲs]).

При описании щелевых сонорных (с. 13) обращается внимание на интересную гипотезу А. Брейдака (выдвинутую им, правда, лишь в отношении некоторых латгальских говоров) о противопоставлении по твердости /мягкости не только губных /v/ : /vʲ/ (в грамматике обозначаемых буквой *w* и почему-то названных лабиовелярными), но и среднеязычных /j/ : /jʲ/, в частности их «вокализованных» аллофонов,

¹⁰ Вряд ли правомерно утверждать, что она не отражается в орфографии (с. 26), ведь правила чтения однозначны.

выступающих в тавтосиллабических сочетаниях с гласными. Н. Нау справедливо указывает на необходимость дополнительного исследования данного вопроса, для понимания сути которого, однако, читателю явно не хватает примеров, показавших бы логику рассуждения А. Брейдака, ср.: *sīn* [-n] 'связывает' : *sīn* [-nʲ] 'связываешь', *stuv* [-u] 'стоит' : *stuv* [-uʲ] 'стоишь', *juoj* [-i] 'едет верхом' : *juoj* [-iʲ] 'едешь верхом' (формы 3-го лица имели в окончании гласный *a, а формы 2-го – гласный *i).

Неизученной для латгальского является также проблема мягкости в сочетаниях согласных (с. 14): в отличие от литовского, здесь возможны сочетания твердых согласных с мягкими и наоборот (*guļba* /-lʲb-/ 'лебедя', *mozmeita* /-zmʲ-/ 'внучка'), но условия этого не описаны (как и частные вопросы произносительной нормы – см. [Andronovs, Leikuma 2009]).

Латгальская морфонология (с. 15–21) ввиду богатства чередований представляет весьма трудную задачу для исследователя. Н. Нау последовательно рассматривает типы морфонологических явлений, описывая морфонологическую гармонию, чередование «задних» и «передних» гласных (*jārs* 'ягненок' – *jierēņš* 'ягненок'), гласных среднего и нижнего подъема в переднем ряду (*nešu* /-ɛ-/ '(я) нес' – *nese* /-æ-/ '(он) нес')¹¹, разные проявления палатализации – собственно смягчение (*sīva* /-v-/ 'жена' – *sīveņa* /-vʲ-/ 'женушка') и отвердение (*zeme* /-mʲ-/ 'земля' – *zemu* /-m-/ 'земель'), а также их комбинации с «альвеоляризацией» зубных (*sovaids* 'странный' – *sovaiži* /-ʒ-/ 'странно', *truss* /-sʲsʲ/ 'кролик' – *truša* /-ʃ-/ 'кролика', *dzīsmē* /-sʲmʲ-/ 'песня' – *dzīšmu* /-ʃm-/ 'песен')¹² и «дентализацией» заднеязычных (*kūks* 'дерево' – *kūceņš* /-tʃʲ-/ 'деревце'). Морфонологическая гармония играет важную роль во многих процессах формо- и словообразования (с. 16), противопоставляя твердые и мягкие типы склонения (*vecs* /vʲɛtʃʲsʲ/ 'старый' – *vecs* /vʲɛtʃʲsʲ/ 'старик'), варианты глагольных основ (*nas-tu* /pastu/ 'нести (супин)' – *nes-t* /nʲæʲsʲtʲ/ 'нести (инфинитив)'), производящую основу и основу диминутивов (*gods* /gots/ 'год' – *gadenš* /gadʲænʲtʃ/ 'годик') и др. В конце раздела выделено три

¹¹ Не отмечено, что оно имеет место при образовании форм настоящего времени, хотя соответствующие примеры приведены уже на с. 10 (*ceļ* /-ɛ-/ 'поднимает': *ceļ* /-æ-/ 'поднимаешь').

¹² Описывается также альвеоляризация заднеязычных, однако охватывает она не только глухой *k* (*smolks* 'мелкий' – *smalči* 'мелко'), но и звонкий *g* (*duorgs* 'дорогой' – *duordži* 'дорого'), хотя в целом характерна лишь для восточных говоров (по сообщению Л. Лейкумы).

	Sg.			Pl.		
N.	-[æ]	da a	mēl-e	-[isʲ]	dal-is	mēl-is
G.	-[isʲ]	dal-is	mēl-is	-[u]	da u	mē u
D.	-[æi]	da ai	mēl-ei		da om	mēl-em
A.		da u	mēl-i	-[isʲ]	dal-is	mēl-is
L.	-[æ:]	da ā	mēl-ē		da uos	mēl-ēs

группы взаимосвязанных морфонологических чередований: например (1-я группа), при образовании некоторых форм существительных определенных типов склонения в конце основы происходит отвердение губных и шумных зубных согласных, обычно сопровождающееся чередованием в корне «переднего» гласного с «задним» (зубные, однако, в большинстве случаев претерпевают также «альвеоляризацию», препятствующую чередованию гласных): *zīvs* / *z'iv'sʲ* / = [*z'iv'sʲ*] 'рыба' – *zyvu* / *z'ivu* / 'рыб', *ass* [*as'sʲ*] 'ось' – *osu* / *osu* / 'осей', но без чередования гласных *nakts* / *nakt'sʲ* / 'ночь' – *nakšu* / *nakšu* / 'ночей', а также *zeme* / *z'æm'æ* / 'земля' – *zemu* / *z'æmu* / 'земель'. К сожалению, описание групп взаимосвязанных чередований не иллюстрируется примерами – читатель отсылается к примерам в разделах, посвященных именному и глагольному формообразованию. С другой стороны, надо отдать должное тому, что в этих разделах чередованиям уделяется большое внимание, сделаны ценные наблюдения или предположения относительно их закономерностей и ограничений (например, о распределении чередования гласных в уменьшительных прилагательных типа *mozs* 'маленький' – *mozeņš*, но *smolks* 'мелкий' – *smalceņš*, с. 31).

Описание морфологии (именная – с. 21–42, глагольная – с. 42–62) в рецензируемой грамматике отличается самостоятельным подходом ко многим вопросам как классификации формообразовательных типов, так и содержания грамматических категорий. Примечательна свобода описания материала латгальского языка от традиционных рамок латышской грамматики, что не мешает, однако, интересным сопоставлениям этих двух близких языков. Так, классификация склонений имен существительных основывается на противопоставлении твердого и мягкого типов, хорошо согласующемся с тенденциями развития системы. Это видно, в частности, в описании так называемых «гибридных основ» – имеющих фонетический облик мягкого типа, но присоединяющих окончания твердого типа (с. 25, подробнее см. [Nau 2011]). Отмечается также смешение мягких *a*-основ и *e*-основ, исходящих на /*ɨ*/

или /*ɨ*/, ввиду фонетического сближения (или совпадения?) окончаний многих форм в литературном языке, вызывающего аналогические процессы, ведущие к еще большей унификации парадигм в говорах¹³, ср. *daļa* 'часть' и *mēle* 'язык' (табл. 2).

В состав падежной парадигмы Н. Нау не включает инструменталис, отмечая, что отличную форму (благодаря слоговому акценту) он имеет лишь в некоторых говорах. На самом деле слоговой акцент (прерывистый), по-видимому, отличает не инструменталис, а припредложную форму существительного от аналогичной формы в самостоятельном употреблении [Zeps 1995: 169]. Вне падежной системы рассматривается и вокатив, которому (без дальнейших пояснений) приписывается «скорее словообразовательный, чем словоизменительный характер» (с. 21), хотя несколько ниже он все же называется «формой» (с. 27).

В целом описание именных частей речи весьма полно, причем содержит сведения не только об образовании форм (и некоторых производных, таких как диминутивы и качественные наречия), но и об их употреблении (местоименные прилагательные, различные типы местоимений и др.). Напомним, что среди типологически интересных черт латгальского языка открытие логофорического употребления местоимения *šys* (с. 37–38) принадлежит именно Н. Нау (подробнее см. [Nau 2006]). Замечания и дополнения к этим разделам немногочисленны. Досадно недоразумение на с. 23: как пример основы на губной *p* приведена парадигма несуществующего слова ***uops*, ***uopa*, ***uopat*... 'барсук' (вместо *uopss*, *uopša*, *uopšat*...); в качестве необходимой иллюстрации мог бы служить, например, *kramps*, *krampa*, *krampat*... '(дверной) крючок'. В нескольких случаях в таблицах склонения слов и

¹³ Нарушается также распределение диминутивных суффиксов: мягкие *a*-основы начинают присоединять суффикс *-eit-* вместо исконно соответствующего им суффикса *-eņ-*, ср. *daļa* 'часть' – *daleņa* и *daleite*, *dzīste* 'песня' – *dzīsteite* и *dzīsteņa* (примеры Л. Лейкумы).

форм женского рода показаны не основные, а второстепенные (хотя и допускаемые нормой), более «латышские» окончания р. п. ед. ч. и им. и вин. п. мн. ч. *-as*, *-es* вместо собственно латгальских *-ys*, *-is* (с. 23, 44, 45). Отсутствие «расширителя» *-aj-* в дательном и местном падежах обоих чисел при местоименном склонении прилагательных с суффиксом *-ej-* вызвано, скорее всего, не какими-либо морфологическими причинами (как можно предположить из предлагаемой формулировки, с. 28), а гаплогогией. Предположение, что фонема /a/ не чередуется с /æ/ при образовании наречий от прилагательных (с. 32, сноска 6), поспешно, ср. приводимый самим автором (с. 19) пример *rats* 'редкий' – *reši* 'редко'. Иллюстрирующее предположение автора пример *garš* 'длинный' – *gari* 'длинно' неуместно, так как чередованию подвержено лишь *a*, восходящее к *e* (ср. лтш. *rets*, но *garš*), пример *zams* 'низкий' – *zami* 'низко' ошибочен: в литературном языке есть наречие *zamai*, а вместо ожидаемого варианта *zemi* употребляется восточнолатгальское *zemī* (сообщение Л. Лейкумы); форму *zami* (если это не опечатка) можно объяснить лишь интерференцией с латышским языком, подавившей морфонологическую гармонию. Несколько подозрительно утверждение, что порядковые числительные от 2 до 99 употребляются с местоименными и неместоименными окончаниями «без всякой разницы в значении» (с. 34); возможно, более пристальное исследование позволит вскрыть здесь какие-либо закономерности.

В описании глагольного формообразования следует приветствовать попытку реформировать латышскую (и латгальскую) грамматическую традицию, называющую спряжениями то, что в международной терминологии обычно называется глагольными классами (с. 43). Автор грамматики использует термин «спряжение» при описании парадигм личных окончаний и термин «класс» для характеристики соотношения трех формообразующих основ глагола, различая три класса: с короткими (односложными – традиционное I спряжение), длинными (многосложными – традиционное II спряжение) и смешанными («разносложными» – традиционное III спряжение) основами¹⁴.

Противопоставление твердых и мягких основ сохраняет свое значение и при описании глагольных форм. Пристальное внимание автор уделяет и другим морфонологическим явлениям. К сожалению, большинство примеров приводится в традиционной графике без указания произношения буквы *e*, поэтому столь

¹⁴ В менее образной терминологии короткие основы называются первичными, а длинные – вторичными, ср. [Andronov 2000: 35].

широко распространенное в глаголе чередование /ε/ и /æ/ часто остается не описанным. Надо признать, что последовательное изложение распределения этих фонем (видимо, как раз из-за несовершенства графической системы) невозможно найти в имеющихся грамматических описаниях латгальского языка и этот вопрос должен составить предмет отдельного исследования.

В целом описание глагольного формообразования дает хорошее представление о системе и строении форм, о грамматических категориях, о типологически важных особенностях. При этом из-за ограниченного общего объема грамматики оно слишком лаконично для того, чтобы служить практическим пособием для изучающего язык. Безусловно, это не являлось задачей автора и вообще вряд ли было бы возможно ввиду существенной неполноты имеющихся на данный момент сведений о латгальском языке. К сожалению, в конкретных примерах встречается немало мелких ошибок: с. 45 – в образце спряжения глагола *dareit* 'делать; работать' ошибочны формы *dorat* (→ *dorot*) и *juodor* (→ *juodora*); с. 48 – в образце спряжения глагола *byut* 'быть' следует исправить формы 3 лица *irajd* на *iraid*, а также форму с отрицанием *navajd* на *navaid* (правильно обе формы напечатаны на с. 81); с. 52 – правильной формой 2 л. мн. ч. глагола *byut* является не *esat*, а *asat* (как в таблице на с. 48); с. 52 – окончание 2 л. ед. ч. возвратных глаголов в условном наклонении должно быть *-timīs* (напечатано *-timis*).

Крайне интересным и совершенно новым является раздел «Синтаксис и дискурс» (с. 63–107), который трудно с чем-либо сопоставить из-за неразвитости этой области в латгалистике (современные описания синтаксиса латышского языка также весьма фрагментарны). Именно здесь в наибольшей степени проявляется разносторонний характер анализируемого материала, позволяющего квалифицировать синтаксические особенности как характерные для старых или новых текстов, традиционных жанров или современных электронных средств общения, аутентичные или возникшие под влиянием латышского языка¹⁵ и пр.

¹⁵ Примером может служить ситуация с предложным управлением, разрушающимся в случае множественного числа существительного: обобщается форма дательного падежа после всех предлогов, как в латышском языке (с. 71). Винительный падеж объекта в предложении 220: *Najiutu tū blogu asam dzeivu* 'Не ощущаю этот блог как живой' (с. 94) также употреблен, по-видимому, не без влияния латышского языка (где отсутствует родительный падеж отрицания).

Описание синтаксиса богато интересными наблюдениями, например о факторах, влияющих на употребление родительного падежа объекта (с. 77–79), об употреблении частиц (с. 101–104)¹⁶, о некоторых архаичных конструкциях, перекликающихся с литовским языком (с. 100 о контрфактивном настоящем и прошедшем времени в условном наклонении), о самостоятельном аппозитивном причастии, связанном с личной формой глагола посредством сочинительного союза *i* (конструкция типа *vьstavь и рече*): *a lops-a, [da-skrij-dam-a pi jô] i soka* ‘а лиса [подбегая к нему] и говорит’ (с. 95–96)¹⁷.

Библиография (с. 116–119, 48 позиций) содержит весьма представительный список не только непосредственно цитируемых в книге работ, но и некоторых других важных трудов по латгальской грамматике для дальнейшего чтения. В качестве дополнения можно было бы рекомендовать сборник «Верхнелатышский диалект» (Рига, 1989); своего рода «Введение в латгалистику» Л. Лейкумы (*L. Leikuma. Gruomota školotuojim. Lielvārde, 1993*), расширенное переиздание которого крайне необходимо; латгальскую хрестоматию Я. Курсите и А. Стафецки (*J. Kursīte, A. Stafecka. Latgale: valoda, literatūra, folklorā. Rēzekne, 2003*); «Латгальско-латышско-русский разговорник» А.В. Андронova и Л. Лейкумы (Рига, Ачинск, 2008) с транскрипцией латгальского текста¹⁸; вторую часть «Трудов по языкознанию» А. Рекены (*A. Reķēna. Raksti valodniecībā. 2 daļa. Lierāja, 2009*), содержащую, в частности, общую библиографию этого замечательного специалиста по латгальскому языку. Полезно также было бы указание на сайт, посвященный латгалистике (<http://www.lu.lv/filol/latgalistica>), на котором среди других материалов представлена официальная версия

¹⁶ Автор описывает утвердительную частицу *niī* как возникшую из сочетания *ni + i* (с. 10), но в качестве второго компонента более вероятной представляется частица *ja/jā* – ср. лтш. *nija* ‘да, конечно’ [ME: II-753; LLVV: 5–766].

¹⁷ Интересно, что В. Амбразас [Амбразас 1990: 109–113], рассматривая аналогичные конструкции в балтийских языках (на обширном фоне других индоевропейских языков), отмечает их нехарактерность для латышского языка, объясняя ее заменой в нем исконного сочинительного союза *ir* заимствованным из немецкого *und*; латгальский материал (где используется союз *i*) В. Амбразас не приводит.

¹⁸ Доступен в Интернете: <http://www.latgalec-ru.narod.ru/publikacii/SV.htm>.

правил латгальской орфографии, принятых в 2007 г.¹⁹

Недостаточная степень изученности многих вопросов латгальского языка нередко вынуждала автора ограничиваться лишь предварительными наблюдениями, однако и в таких случаях его заслугой является формулировка задач и определение подходов к их решению. Помимо уже отмеченных выше, к таким интересным темам, требующим дальнейших исследований (в тексте грамматики их отмечено около двух десятков), относятся, например, различия в функционировании вокатива между латгальским и латышским (с. 28), употребление местоименных форм прилагательных (с. 29, 65), функциональная дифференциация многочисленных неопределенных местоимений (с. 40), описание богатой системы форм эвиденциалиса (с. 55), многообразие значений пассивных конструкций (с. 57), структурные позиции определений (с. 63), в частности возможные следы интерференции с польским языком в этом отношении (с. 65), варианты конструкций с количественными числительными (с. 70) и мн. др.

Рецензируемая грамматика написана на высоком теоретическом уровне, совершенно непривычном для современной латгалистики, она, безусловно, послужит важным стимулом к углубленному изучению латгальского языка. Достоинства книги, к сожалению, несколько омрачают мелкие ошибки и опечатки в латгальских примерах, наиболее существенные из которых отмечены выше²⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амбразас 1990 – В. Амбразас. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс, 1990.

Брейдак 2006 – А.Б. Брейдак. Латгальский язык // Языки мира: Балтийские языки. М., 2006.

¹⁹ В грамматике указан адрес ненадежного ресурса (<http://termi.lv/lg/>), где латгальские тексты не соответствуют нормам литературного языка.

²⁰ Отметим еще следующие: [vʲɛtʲsʲ] → [vʲɛtsʲsʲ] (с. 10, правильно на с. 15); *jiūs* → *jiūs* (с. 13); *pots* → *pats* (с. 15, правильно на с. 41); [mɔzʲɛnʲtʲ] → [mɔzʲænʲtʲ] (с. 15); *tecet* → *tecēt* (с. 46); *pīsacelt* → *pīsacelt* (с. 59); на с. 23 три раза пропущена долгота *ī* в формах слова *kūrms* ‘крот’; на с. 5 и 52 неверно написано название первой сохранившейся книги на латгальском языке (должно быть «*Evangelia toto anno*», 1753 г.); на с. 6 в названии латгальской радиостанции первое слово написано по-латышски: *Latgales* → *Latgolys* (с. 6).

- Andronov 2000 – *A. Andronov*. Some remarks on the system of Lithuanian and Latvian conjugation // *Linguistica baltica*. 2000. V. 8.
- Andronovs, Leikuma 2009 – *A. Andronovs, L. Leikuma*. Par latgaliešu rakstu jeb literārās valodas pareizrūnas kopšanu // *Baltu filoloģija*. 2009. Sēj. XVIII (1/2).
- LLVV – Latviešu literārās valodas vārdnīca. Sēj. 1–8. Rīga, 1972–1996.
- ME – *K. Mūlenbachs*. Latviešu valodas vārdnīca // Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Sēj. I–IV. Rīga, 1923–1932.
- Nau 2006 – *N. Nau*. Out of Africa: Logophoric pronouns and reported discourse in Finnish and High Latvian dialects // *Acta linguistica lithuanica*. 2006. V. LV.
- Nau 2011 – *N. Nau*. Declension classes in Latvian and Latgalian: Morphemics vs. morphophonology // *Baltic linguistics*. 2011. V. 2.
- Skrynda 2011 – *O. Skrynda*. Latviešu volūdys gramatika. Reiga, 2011.
- Strods 1937 – *P. Strods*. Bazneickungu J. Rymkiewiczza, J. Akilevicza un T. Kossowska latviešu volūdas (latgaļu dialekta) gramatika // *Zīdūnis*. 1937. № 7.
- Zeps 1995 – *V.J. Zeps*. Latgalian instrumentals and ordinals // *Linguistica baltica*. 1995. V. 4.

A.B. Андронов

Сведения об авторе:

Алексей Викторович Андронов
СПбГУ
baltistica@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рабочее совещание

«Взаимодействие языков малочисленных народов РФ с русским языком»

7–8 ноября 2011 года в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) прошло рабочее совещание «Взаимодействие языков малочисленных народов РФ с русским языком», организованное отделом языков народов России ИЛИ РАН.

На совещании было представлено 14 докладов, посвященных описанию контактных явлений в конкретных языках при взаимодействии с русским. Контактные явления рассматривались на уровне лексики, синтаксиса, фонетики и морфологии.

И.А. Муравьева (Москва) в докладе «Типы русских вкраплений в речи алыторцев» показала, что в речи носителей алыторского языка регулярно встречаются заимствования из русского языка и случаи переключения кодов. Наиболее часто употребляются русские слова и словосочетания, служащие для связи предложений в тексте (например, *а, и, еще, а потом* и др.). Иногда в алыторской речи используются значимые слова или целые клаузы на русском языке. Русские заимствования подвергаются фонетической ассимиляции и получают алыторские грамматические показатели. Докладчица отметила, что, несмотря на довольно большое число русских заимствований и вкраплений, грамматический строй алыторского языка не подвергается существенным изменениям.

М.Ю. Пупынина (Санкт-Петербург) рассмотрела случаи переключения кодов на материале одного записанного разговора между двумя носительницами чукотского языка. Пользуясь терминологией П. Майскена, она охарактеризовала стратегию смешения кодов как альтернацию (переключение с одного языка на другой) и в некоторых случаях инсерцию (вкрапление в речь на базовом языке материала второго языка). При этом конгруэнтная лексикализация (появление новых грамматических структур в результате взаимодействия

грамматических систем двух языков) в материале не представлена. Русские вкрапления в чукотскую речь (существительные, наречия и дейктические слова) – наиболее частотный вид смешения. В русских высказываниях также встречаются чукотские вкрапления (наречия и дейктические частицы). Ни в том, ни в другом случае эти вкрапления не подвергаются никаким изменениям.

В.В. Баранова (Санкт-Петербург) в своем докладе подробно описала характерные черты взаимодействия русского и калмыцкого языков. Было отмечено, что интерференция и переключение кодов присутствуют у всех носителей, а заимствования из русского получают соответствующее грамматическое оформление в калмыцкой речи. При этом заимствования и переключения кодов чаще всего мотивированы (например, отсутствием в калмыцком языке слова, обозначающего понятие, которое хочет выразить говорящий). Автор также обратила внимание на глагольную конструкцию, возникшую в результате смешения кодов и обладающую специфическими грамматическими свойствами: сочетание русского инфинитива с личной формой калмыцкого глагола *ke-* ‘делать’.

Доклад С.А. Оскольской (Санкт-Петербург) и Н.М. Стойновой (Москва) был посвящен частной проблеме – формам заимствований на *-la* в нанайском языке (ср. заимствованный из русского глагол *popalara* в форме деепричастия). В центре внимания оказалась проблема интерпретации суффикса *-la* в подобных примерах как части формы русского прошедшего времени или как нанайского продуктивного вербализатора, адаптирующего русскую глагольную основу к нанайской грамматике. Рассмотрев фонологические, морфологические и синтаксические свойства глагольных форм на *-la*, авторы пришли к выводу о том, что на синхронном уровне эти формы, образованные от русских слов, поддерживаются в речи носителей-билингвов одновременно

наличием в нанайском языке словообразовательного показателя *-la* и наличием в русском языке формально омонимичного суффикса прошедшего времени. Кроме того, в докладе была затронута проблема противопоставления заимствования и переключения кодов: были продемонстрированы промежуточные примеры, в которых русские слова еще не достаточно встроены в грамматическую структуру нанайского предложения, чтобы считаться заимствованиями, но в то же время уже потеряли часть изначальных грамматических свойств.

Вопрос о критериях разграничения переключения кодов и смешения кодов, переключения кодов и заимствования ставился во многих докладах. Так, доклад А.А. Мальцевой (Новосибирск) был посвящен проблеме разграничения вкраплений (как частного случая переключения кодов) и заимствований. На материале алюторского и корякского языков Алла Александровна показала, что заимствование противопоставлено вкраплению по морфологическим признакам. Что касается фонетического освоения, то оно возможно в обоих случаях. Заимствования и вкрапления различаются также по своим функциям: если заимствование обычно восполняет лексическую лакуну, то вкрапление используется при наличии дополнительных прагматических интенций говорящего.

В докладе «Тофаларско-русское переключение кодов в селе Нерха» А.А. Сюрюни и М.З. Муслимов (Санкт-Петербург) рассмотрели проблему разграничения заимствования и переключения кодов. Поскольку их материал демонстрирует разную степень адаптации русских лексем в тофаларском тексте (ср., например, *фуфайк-уи фуфайка-сын* 'фуфайка-POSS3. ACC', встречающиеся в одном тексте), а морфологическая адаптация слабо коррелирует с фонологической адаптацией, они предложили, вслед за К. Майерс-Скоттон и С. Ромейн, считать заимствованиями только полностью интегрированные лексемы. Авторы также отметили случаи двойного маркирования множественного числа, как в слове *тувинц-ы-лер*, в котором присутствуют как русский (*-ы*), так и тофаларский (*-лер*) показатели множественного числа. Авторы обратили внимание и на то, что тофаларские глагольные корни могут оформляться русскими показателями, в том числе и словообразовательными аффиксами, что нарушает ограничение на «системные морфемы» К. Майерс-Скоттон.

Доклад О.А. Казакевич (Москва) был посвящен кодовым переключениям в речи селькупско-русских, кетско-русских и эвенкийско-русских билингвов. Ольга Анатольевна рассмотрела проблему разграничения переключе-

чения и смешения кодов, переключения кодов и заимствований. Автор обсудила на представленном материале гипотезу К. Майерс-Скоттон о диагностической силе некоторых структурных типов кодовых переключений для определения стадии процесса языкового сдвига.

Проблема разграничения случаев переключения и смешения кодов рассматривалась также в докладе А.Ю. Русакова (Санкт-Петербург). Автор поставил вопрос о том, чем вызваны сложности с разграничением этих двух явлений в севернорусском диалекте цыганского языка: наличием континуума, на противоположных концах которого находятся переключение кодов и смешение кодов, или недостаточной исследованностью данных явлений. Александр Юрьевич рассмотрел проблему разграничения смешения кодов и заимствований и показал, что невозможно определить, является ли слово заимствованием или представляет собой случай смешения кодов только по степени адаптированности этого слова (так, неадаптированный глагол *ездить* в цыганской речи по своим свойствам, тем не менее, приближается к заимствованиям).

В докладе «Переключение кодов в Ингерманландии: водский / русский, ижорский / русский, финский / русский» М.З. Муслимов (Санкт-Петербург) описал некоторые структурные особенности речи ингерманландцев, также затронув проблему разграничения заимствований и переключения кодов. В центре внимания оказались случаи переключения кодов внутри клаузы. Автор отметил, что во всех трех парах языков стратегия переключения кодов при вставке именной группы отличается от стратегии переключения при вставке глагола. Кроме того, докладчик привел контрпримеры для ограничений, сформулированных Ш. Поплак и К. Майерс-Скоттон для переключения кодов.

Доклад «Макро- и микроуровни переключения кодов в речи ингерманландцев в Сибири: "Vot gadaj mikä ono"» Д.В. Сидоркевич (Санкт-Петербург) также был посвящен проблеме статуса контактных явлений. Дарья Викторовна выделила микро- и макроуровни переключения кодов: первый относится к лексическому и морфологическому аспектам контактных явлений, второй – к синтаксическому, морфонологическому, фонологическому и просодическому аспектам. Предлагаемый автором подход к описанию контактных явлений в речи ингерманландцев позволяет избежать необходимости определять статус этих явлений (т. е. определять, являются ли они заимствованиями или переключениями кодов).

Л. Лейсиё (Финляндия) представила доклад «Типология переключения кодов

на примере контакта русского с финским и с нганасанским». Она рассмотрела модели переключения кодов на примере двух обществ: русскоязычных старожилов Финляндии и нганасан. В своем анализе автор отталкивалась от динамического континуума языковых контактов П. Ауэра: переключение кодов → смешение языковых элементов → слияние языковых элементов. При этом она показывает, что даже в речи одного носителя можно обнаружить все три стадии континуума.

Доклад Ю.Е. Галаминой (Москва) был посвящен психолингвистическим, социолингвистическим и коммуникативным аспектам кодовых переключений и смешения кодов. На материале эвенкийского и кетского языков автор показала, что кодовые переключения могут иметь разную психолингвистическую природу. Так, инсерция может быть вызвана отсутствием соответствующей лексемы в матричном языке или языковой некомпетентностью носителя. При этом в первом случае носитель мыслит, скорее, на матричном языке, а во втором – на «вставном» языке (в данном случае – на русском). Автор также отметила, что информанты иногда думают одновременно на двух языках. На основании кетских текстов разных периодов автор продемонстрировала, как социолингвистические факторы проявляются в структурных свойствах текстов, отражающих разные стадии развития билингвизма.

В двух докладах рассматривались смешанные языки. Доклад Е.В. Головки (Санкт-Петербург) «В поисках чистого смешанного языка» был посвящен медновскому языку, возникшему в результате смешения русского и

алеутского языков. Этот смешанный язык подвергался затем длительному влиянию русского и сейчас находится на грани исчезновения. Евгений Васильевич представил проанализированный материал, полученный от двуязычного носителя медновского и русского языков, который в своей речи старался максимально избегать «смешения».

Доклад А.Ю. Урманчевой (Москва) был посвящен структурному смешению языков: в нем подробно рассматривались некоторые грамматические особенности *говорки* – идиома, бытующего на Таймыре. По мнению автора, говорка появилась в результате смешения таймырского пиджина и русского языка, стала креольским языком, а позже подверглась вторичной пиджинизации. В докладе также обсуждалась проблема определения понятий «пиджин» и «смешанный язык» на основании сравнения говорки с медновским смешанным языком.

Таким образом, на рабочем совещании был представлен материал, отражающий закономерности взаимодействия языков народов России с русским языком; рассматривались как структурные, так и социолингвистические и психолингвистические аспекты переключения и смешения кодов; обсуждалась проблема разграничения переключения кодов и заимствования, переключения кодов и смешения кодов. Во многих докладах была предпринята попытка применить существующие теоретические подходы к переключению кодов (подходы К. Майерс-Скоттон, Ш. Поплак, П. Майскена, П. Ауэра и др.).

С.А. Оскольская

Сведения об авторе:

Софья Алексеевна Оскольская
Институт лингвистических исследований РАН
sonypolik@mail.ru

**Расширенный научный семинар
«Авторская лексикография и история слов:
К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина»»**

16–17 декабря 2011 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН прошел расширенный семинар «Авторская лексикография и история слов», посвященный 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». Научная встреча стала продолжением работы постоянного семинара «Теория и практика авторской лексикографии», организованного сотрудниками Отде-

ла корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ РАН.

В конференции приняли участие 58 ученых из научных учреждений и вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Воронежа, Ельца, Казани, Красноярска, Саранска, Саратова и других российских городов, а также ближнего зарубежья. Многие докладчики и слушатели являются составителями словарей различных типов и жанров. Некоторые из них уже пред-

ставляли результаты своей работы на заседаниях семинара «Теория и практика авторской лексикографии»¹.

Программа расширенного семинара помимо пленарной части включала четыре секционных заседания: «Язык Пушкина в современном освещении», «История слов: корпусное и лексикографическое отражение», «Словари языка русской прозы» и «Словари языка русской поэзии».

Пленарное заседание открыл директор Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН академик А.М. Молдован. Он обратился с приветственным словом к участникам конференции. Поздравив присутствующих с юбилеем «Словаря языка Пушкина», он отметил, что в создании Словаря принимали участие многие выдающиеся филологи (Г.О. Винокур, В.Н. Сидоров, С.И. Ожегов, С.И. Бернштейн) и, конечно, В.В. Виноградов, выступивший в качестве главного редактора издания. Выход в свет «Словаря языка Пушкина» стал выдающимся событием: этот Словарь определил на многие годы развитие отечественной лексикографии – и по глубине филологической проработки материала, и по уровню лексикографической технологии; он заложил традиции составления словарей языка других писателей. На одном небольшом примере, связанном с прочтением строки Пушкина: «Не пей *мутительной* / *мучительной* отравы», А.М. Молдован показал, насколько хорошо сделан Словарь, как тонко в нем разработана семантика использованных поэтом слов.

Специальное внимание директор ИРЯ РАН обратил на включенные в программу семинара доклады, построенные с привлечением данных Национального корпуса русского языка, поскольку НКРЯ в чем-то продолжает традиции Пушкинского словаря, так как словарь языка писателя – это и конкорданс, и исторический, и толковый словарь. Задачи конкорданса сегодня прекрасно решаются с помощью Корпуса, но, возможно, наиболее интересный аспект его использования – исторический: материалы НКРЯ позволяют наблюдать развитие разных лингвистических явлений на достаточно большом временном отрезке. В заключение А.М. Молдован пожелал участникам семинара плодотворной работы.

С первым докладом «“Словарь языка Пушкина” в истории русской авторской лексикографии» выступила Л.Л. Шестакова (Москва), напомнив участникам семинара о важных словарных проектах рубежа XIX–XX вв., о лексикографических событиях, предшествовавших

работе над четырехтомным «Словарем языка Пушкина». Специальное внимание было уделено «Проекту Словаря языка Пушкина» (М., 1949), центральное место в котором заняла статья идеолога Словаря Г.О. Винокура, где характеризовались цель и назначение, состав и структура этого справочника как собственно лингвистического труда, ориентированного, однако, на филологов самого широкого профиля. В докладе было показано, что и сегодня хорошо видна теоретическая обоснованность и проработанность каждого принятого в Словаре решения, а выбор справочника в качестве модели для других авторских словарей свидетельствует о сохранении им и по сей день своей эвристической ценности.

Продолжая тему истории словарного описания языка Пушкина, С.И. Гиндин (Москва) в своем докладе «Кто на деле выдвинул идею Пушкинского словаря, кто первым попытался его составить и почему отказался от этой задачи» особо отметил тот факт, что в первых попытках составления пушкинского словаря большую роль сыграли поэты (Брюсов, Бальмонт и др.). На примере сохранившейся части переписки участников проекта С.И. Гиндин показал, как ставились и решались проблемы, в наше время традиционные для авторской лексикографии (отбор и полнота контекстов, хронологическое расположение примеров в словарной статье и пр.).

Н.А. Еськова (Москва) в сообщении «Об одном эпизоде, связанном с выходом первого тома “Словаря языка Пушкина”» обратилась к рецензиям, сопровождавшим выход Словаря, в частности отзываам особого типа – огульным обвинениям невежественного читателя и недобросовестного журналиста. Было отмечено, что прошедшие годы, безусловно, доказали правоту составителей пушкинского словаря, как и непреходящую научную ценность этого труда, однако об эпизодах, подобных рассмотренному, полезно напоминать, поскольку такого рода отклики на серьезную научную работу нередки и сейчас.

В докладе Н.Л. Васильева (Саранск) «“Словарь языка Пушкина”: 50 лет спустя» обобщались новые данные, касающиеся количественно-качественной структуры лексикона классика, и намечались перспективы развития авторской лексикографии применительно к пушкинской эпохе. В частности, говорилось о том, что с учетом «Новых материалов к “Словарю языка Пушкина”» (1982), текстов, не вошедших в выборку для Словаря писателя, («История Петра», «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова» и др.), отсутствующих в Словаре варваризмов, вульгаризмов, обсценизмов объем пушкинско-

¹ См. http://www.ruslang.ru/agens.php?id=seminar_aut_lexicogr.

го лексикона составляет около 24 тысяч лексем.

О.И. Ф о н я к о в а (Санкт-Петербург) в своем докладе «Толковый словарь и энциклопедия как взаимосвязанные типы справочников по языку писателя» отметила новое научное предприятие: в Институте русской литературы осуществляется подготовка и издание Пушкинской энциклопедии, посвященной только художественным произведениям поэта (Вып. 1: А–Д; СПб.: Наука, 2009). В этой работе, по признанию пушкинистов, сыграл самую разнообразную роль Словарь языка Пушкина – он послужил базой для интерпретации авторских текстов, печатных и рукописных.

Доклад И.С. П р и х о д ь к о (Москва) «Имел он песен дивный дар И голос, шуму вод подобный...» познакомил собравшихся с наблюдениями над современным восприятием пушкинских строк из незавершенных работ А.Б. Пеньковского. В частности, было показано, что слово «пень» в строках из «Евгения Онегина»: *За ближний пень / Становится...* – употреблено не в привычном для нас значении, отмеченном и «Словарем языка Пушкина» (слово «пень» в языке XIX в. обозначало само дерево или его ствол).

О работе сотрудников ИЛИ РАН сообщалось в докладе В.Н. Калиновской и О.А. Старовойтовой (Санкт-Петербург) «“Энциклопедия русской жизни” Пушкина и развитие русского национального словаря (по материалам дифференциального словника “Словаря русского языка XIX века”)». Динамические тенденции, которые возможно установить при исследовании указанного материала, имеют непосредственные истоки в идеологической и эстетической парадигме, заданной А.С. Пушкиным в первой трети XIX в.

В своем докладе «От “Словаря языка Пушкина” к “Словарю языка Ломоносова”» С.С. Волков (Санкт-Петербург), напомнив присутствующим слова Б.А. Ларина о том, что спорить с создателями пушкинского словаря можно будет только в будущем, заявил, что названный рубеж мы уже пересекли, и стало ясно: вместо спора можно говорить о почтении и благодарности к предшественникам. Докладчик сообщил, что «Словарь языка Ломоносова», в том числе на уровне макро- и микроструктуры, во многом следует пушкинскому словарю и другим главным лексикографическим проектам (словарям языка Горького, русских произведений Шевченко), влияние на него оказала концепция «Словаря языка Достоевского», безусловно, важными стали материалы Словаря русского языка XVIII в.

В докладе И.А. Пильщикова (Москва/Таллин) «О работе над словарем языка Ба-

тюшкова» были изложены результаты первого этапа работ по созданию Словаря языка Батюшкова и сделаны некоторые общие выводы, касающиеся авторской лексикографии в целом. В частности, докладчик отметил, что словарь языка писателя должен быть словарем тезаурусного типа и опираться на полный корпус текстов изучаемого автора (с учетом разных редакций и вариантов); его базой должен стать электронный лемматизированный конкорданс, который, в свою очередь, строится на основе электронного корпуса; словарь языка писателя может и должен опираться на правописание его рукописей и прижизненных изданий.

Пушкинская тематика конференции получила дальнейшее развитие в докладах первой секции «Язык Пушкина в современном освещении».

В выступлении И.З. Сура т (Москва) «Заметки о пушкинском словаре» были проанализированы два случая пушкинского словоупотребления, получивших недостаточный или неточный комментарий в Словаре. Выражение *в тишине самовластия* из письма Пушкина Вяземскому (1822) рассматривалось в контексте формирования пушкинской теории прозы и его размышлений о создании «метафизического языка». При анализе устойчивого сочетания *восторга и умиления* в лирике Пушкина было показано, что Пушкин активизирует и переосмысляет исконное значение слова *восторг* (от древнерусского *въстѣргъ, въстѣргати*).

Различные аспекты изучения пушкинского языка были представлены в докладах В.Н. Виноградовой (Москва) «Устаревшие слова и значения в текстах Пушкина» и И.Г. Добродомова (Москва) «Пушкин и тюркизмы». В.Н. Виноградова, в частности, отметила, что, осторожно используя устаревшие слова в характерологических целях, Пушкин проявил высокий художественный вкус, введя посредника-издателя как мотивировку. В авторской речи можно выделить целые серии устаревших слов, касающиеся словообразовательных особенностей (*безвинна* вместо современного *невинна* и т. п.), особенностей управления и сочетаемости.

М.В. Ляп о н (Москва) в докладе «Стандартная метафора: испытание контекстом», анализируя смысловые смещения в пушкинских контекстах («Моцарт и Сальери», фрагменты из писем и др.), подчеркнула, что экспериментальная метафора – незаменимый тест, позволяющий выявить, насколько продуктивен или заигран образ, используемый в роли «донора».

Особый взгляд на пушкинских героев был представлен в докладе Г.Ф. Ковалева (Воронеж) «Бастардиана в “Евгении Онегине”».

В докладе Е.Э. Разлоговой (Москва) «Лексика Пушкина в зеркале французских переводов» на материале пятнадцати французских переводов «Пиковой дамы», сделанных в разное время (первый в 1842, последний – в 1999), было показано, что нарративные и стилистические особенности оригинала, выраженные лексически, в разной степени отражены во французских текстах.

В сообщении Е.В. Макеевой (Москва) обосновывалась актуальность создания «Словаря заимствованной лексики западноевропейского происхождения в языке А.С. Пушкина»; рассматривались проблемы отбора лексических единиц и особенности построения словарной статьи в указанном словаре.

В докладе Т.В. Скулачевой (Москва) «Ритм и морфология в романе в стихах “Евгений Онегин”» было представлено, как именно ритмические особенности различных частей речи используются при построении ритмических форм и словораздельных вариаций четырехстопного ямба.

В выступлениях второго секционного заседания «История слов: корпусное и лексикографическое отражение» особое внимание уделялось функционированию слова в различных регистрах языка, его лексикографической фиксации и описанию.

Поднятый во вступительном слове А.М. Молдована вопрос о важной роли корпусной лингвистики в современных лексикографических исследованиях освещался в докладах Н.Р. Добрушиной (Москва) «Периоды активных семантических изменений по данным Национального корпуса русского языка» и М.А. Даниэля (Москва) «Контексты и ореолы: корпусная реконструкция семантических сдвигов».

В докладе Е.И. Кисловой (Москва) «Что было непонятно современникам Ломоносова в его одах?» была сделана попытка реконструировать восприятие произведений М.В. Ломоносова через анализ ошибок, появившихся в двух основных источниках: переиздании 1 тома собрания сочинений в 1768 г. и рукописной копии того же тома, изданного в 1751 г.

Доклад В.А. Плунгяна (Москва) «К функционированию поэтизмов: *вечеру*» был посвящен истории слова *вечеру* в русском языке конца XVIII – середины XX в. В поэзии XIX столетия *вечеру* было нейтральным и в целом равноправным коррелятом наречия *вечером*. В прозе приблизительно после 1920 г. резко снижается его употребительность – всего около 40 примеров на весь массив современных текстов, меняется и круг текстов, в которых это наречие встречается: в основном это

то, что позднее назовут «деревенской прозой», а также художественная историческая проза. Продление «срока жизни» слова *вечеру* в поэзии объясняется, по всей вероятности, его исключительно удачным фонетическим обликом. Тем не менее к первым десятилетиям XX в. частотность этого слова начинает падать и в поэзии.

В докладе О.В. Кукушкиной, А.А. Поликарпова, Е.В. Суровцевой (Москва) описывалась работа над интеграцией «Словаря языка Пушкина» и пушкинских текстов в рамках единого лексикографического продукта, ведущаяся в ЛОКЛЛ филологического факультета МГУ. Результаты были продемонстрированы с помощью компьютерной информационно-исследовательской системы «ИСТОК».

Доклад Л.Л. Шестаковой и А.С. Кулевой (Москва) «Слово как единица поэтического языка эпохи» был построен на материалах «Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП) – справочника конкордансного типа, в основе которого лежат произведения десяти поэтов Серебряного века. Отмечалось, что наибольшие трудности вызывают слова, употребленные в устаревшем, мало актуальном или не отраженном в словарях значении: *лакрица* ‘черный краситель’, *маршевые* (роты) ‘отправляемые из резерва на фронт’, *паж* ‘резиновый жгут с застежками, приподнимающий шлейф платья’ и пр. Важный в словарях общего языка вопрос разведения омонимов имеет в поэтическом словаре свою специфику. Проблемный характер носит также включение в подобный словарь имен собственных.

Целью доклада О.И. Северской (Москва) «Прагматические переменные в сводном авторском словаре» было представить лексемы Я, ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС, ТЫ и МИР как индексы референции. Исследование, проведенное на базе «Словаря языка русской поэзии XX века» и НКРЯ, позволило выявить превалирование локусных переменных над темпоральными и субъектно-ориентированными, выявить ряд значений, отличающихся от характерных для стандартной коммуникативной ситуации.

В докладе З.Ю. Петровой (Москва) «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. как источник диахронического изучения образных параллелей» рассматривались два основных принципа создания «Материалов...»: идеографический и диахронический. Было показано, как семантические отношения в классах компаративных тропов в сочетании с диахроническим принципом представления материала позволяют проследить развитие образных параллелей,

появление в них новых элементов и отмирание старых.

Сообщение Д.А. Скоринкина (Москва) «Корни брани: история некоторых ругательных слов» касалось того, как превращались в брань слова, бывшие 200–300 лет назад сравнительно нейтральными или даже положительно окрашенными (*зараза, тварь, сволочь, гад*). Докладчик привел примеры из текстов XVIII–XIX вв.

Второй день работы расширенного семинара начался с секционных заседаний, посвященных авторской лексикографии, которые объединили исследователей и составителей различных словарей языка писателей.

На секции «Словари языка русской прозы» прозвучало тринадцать выступлений.

В докладе А.Н. Баранова (Москва) «Служебная лексика как лингвистический коррелят авторского стиля писателя (на примере художественных текстов Достоевского)» отмечалось, что одно из проявлений авторского стиля на уровне языковой системы – частота использования лексем. Рассматривались примеры исследования частоты служебных слов и грамматических фразеологизмов, позволяющие сделать важные выводы о творческом методе писателя.

В сообщении Е.А. Проценко (Воронеж) «Иноязычная лексика в системе словарного описания языка Ф.М. Достоевского», посвященном проблеме представления иноязычной лексики в рамках авторской лексикографии, был представлен проект словаря иноязычной лексики, продолжающий традиции «Словаря языка Достоевского».

Теоретические положения доклада Е.А. Осокиной (Москва) «Системные особенности классификации в идиоглоссарии» были построены на материалах «Словаря языка Достоевского». В частности, рассматривалась идиоглосса «ДОЛГО».

О.В. Ломакина (Москва) в своем докладе «Паремнологическое пространство текстов Л.Н. Толстого: проблемы лексикографической практики» проанализировала существующие авторские словари, выявив место фразеологизмов и пословиц в составе словарных статей. Особое внимание было уделено проанонсированному «Словарю пословиц и поговорок в произведениях русских писателей-народников» Н.Н. Баскаковой.

В докладе В.В. Леденёвой (Москва) «“Вещный мир” в зеркале идеографического словаря автора» рассматривались идеографические словари – развивающийся вид изданий в отечественной лексикографии. На материале номинаций предметов вещного мира в текстах Н.С. Лескова докладчик показала роль идео-

графического словаря в представлении особенностей картины мира писателя.

Д.М. Поцепня (Санкт-Петербург) рассказала собравшимся о структуре Идеологического словаря романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Доклад был посвящен обоснованию нового типа словаря и его трехчастной структуры: I часть – идеи романа и их словесное воплощение (идеологемы *разум, ум, мысль; интеллигенция, народ; человек, личность; народничество, террор, революция, вождь; вера, хлыстовство; дело* и др.); II часть – образ языка (стилистические категории *цветопись, сравнения, церковнославянизмы, поэтика имени собственного* и др.); III часть – эмоционально-оценочный тон романа и позиция автора. Для обсуждения были предложены словарные статьи *разум* и *евангельские мечи*.

Л.Г. Самоотик (Красноярск) представила доклад «Феномен внелитературной лексики в авторских словарях». Внелитературная лексика создает образы разной речевой среды в художественных текстах, выполняет различные функции в разных жанрах и формирует идиостиль писателя. Эти стороны обычно не фиксируются в словарях, но необходим и возможен поиск путей их отображения.

И.М. Курносова (Елец) выступила с докладом о проекте лексикографического описания языка писателей Центрального Черноземья. На первом этапе объектом исследования стали произведения А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина – писателей, объединенных территорией Центрального Черноземья и одним временным отрезком (рубеж XIX–XX вв.), выросших в народно-разговорной языковой среде.

Три доклада были посвящены языку М.А. Шолохова.

О.А. Давыдова (Москва) в сообщении «Военная лексика – один из главных источников шолоховской образности» отметила, что в исправленном и дополненном издании «Словаря языка Михаила Шолохова» должны быть лучше отражены образные средства писателя, в том числе и основанные на военной лексике.

Доклад З.И. Бутрим (Москва) назывался «К вопросу об использовании авторских текстострографем при составлении словаря писателя». Докладчик доказала, что с целью предупреждения ошибочного или искаженного понимания своих коммуникативных намерений писатели используют как наиболее эффективный прием сноски с авторскими примечаниями и ссылками, а также авторские текстострографемы.

М.Ю. Михеев (Москва) рассказал о проекте создания дифференциального словаря для описания поэтики двух авторов – Федора Крюкова и Михаила Шолохова. В словарь войдут слова, сочетания и целые конструкции, кото-

рые, с одной стороны, максимально отличают их творчество от иных авторов, а с другой, позволили бы разграничить между собой их собственные идеостилистические предпочтения.

Е.В. Старкова (Тула) выступила с докладом «Художественный мир М.А. Булгакова через призму глаголов движения (глаголы с семантикой 'движение жидкости')». Черты неповторимого стиля М.А. Булгакова отразились на специфике употребления глаголов движения, с помощью которых писатель передает динамику художественного пространства и духовной жизни персонажей.

Юбилейная тема конференции нашла продолжение в сообщении З.И. Минеевой (Петрозаводск) «Зоотропы в словаре языка А.С. Пушкина». Названные единицы рассматривались докладчиком в лексико-семантическом, деривационном и прагматическом аспектах с привлечением данных Национального корпуса русского языка.

На заседании секции «Словари языка русской поэзии» было заслушано двенадцать докладов.

Выступление К.Р. Галиуллина (Казань) «Писательская лингвография: информационный потенциал интернет-словарей» было посвящено сетевым текстоописывающим словарям (в частности, размещенным на сайте «Казанский лингвографический фонд», <http://www.klf.ksu.ru>).

А.Е. Поляков (Москва) выступил с докладом «Конкорданс к текстам М.В. Ломоносова: опыт создания». Конкорданс к текстам Ломоносова подготовлен на основе размеченного корпуса авторских текстов, взятых из Полного собрания сочинений в 11-ти томах (1950–1983). Конкорданс доступен в Интернете по адресу: <http://febweb.ru/feb/lomocopc/abc/>. Для анализа текстов Ломоносова был создан грамматический анализатор (парсер), адаптированный к языку и орфографии XVIII в.

В сообщении В.В. Никульцевой (Москва) «Окказиональное слово Серебряного века и проблема авторства: лексикографический аспект» отмечалось, что описание окказионализмов требует последовательного сравнительного анализа употребления таких слов разными авторами.

И.В. Нечаева (Москва) рассказала о словаре «Словотворчество Маяковского» (В.Н. Вавлин. М., 2010), затронув историю создания словаря. В сообщении рассматривались три проблемы, связанные со спецификой окказионального слова как объекта лексикографического описания: проблема исходной формы окказионализма, проблема словарных дефиниций и проблема словообразовательной трактовки авторского слова.

В докладе «О словаре авторских новообразований (АН) Евгения Евтушенко» Р.Ю. Намиткова (Майкоп) отметила, что АН поэта составляют неотъемлемую часть его идиолекта, неся большую идейно-смысловую нагрузку и являясь нередко ключевыми словами художественного текста. Словарь (Р.Ю. Намиткова, И.А. Нефляшева. Слова поэта... Майкоп, 2009) позволяет проникнуть в творческую мастерскую поэта, дает возможность определить креативные возможности отдельной языковой личности. Важно, что данный словарь – один из немногих проектов, описывающих язык ныне живущих авторов.

Сообщение А.Г. Грек (Москва) было посвящено некоторым особенностям поэмы Вяч. Иванова «Младенчество» (Рим, 1913; Москва, 1918), обусловленным отношением к Пушкину: каноничностью и сакральностью для поэта-символиста самого имени *Пушкин*, его творчества в целом. Поэтическая семантика онегинской строфы, которой написана поэма Вяч. Иванова, и часть базового словаря этого сочинения отсылают не только к знаменитому роману в стихах, но и к пушкинским сказкам, поэмам, стихам.

В докладе А.В. Гик (Москва) «Части речи в рифмах М. Кузмина (по материалам Словаря рифм)» был дан анализ рифмопар, встречающихся в стихотворениях Кузмина. Основная тенденция развития рифменной структуры текста Кузмина во многом зависит от жанрового разнообразия произведений и поэтической традиции. Она совпадает с общей тенденцией использования рифм в начале XX в.: от простых и правильных (*лукавы – славы*) к сложным, неточным (*жаба – лапа, цвет – уметь*), приблизительным (*вульгарно – неблагодарна*). Среди рифменных предпочтений поэта в докладе названо активное использование в рифмопарах имен собственных, а также слов иноязычного происхождения (*Ганг – бумеранг; педант – Дант; Арарат – рад; брат – Царьрад; пустоте – Калите; Si – Дебюсси*).

В сообщении И.А. Тарасовой (Саратов) «Эволюция идиостиля Георгия Иванова» поднималась проблема лексикографической фиксации хронологической динамики стиля поэта. И.А. Тарасовой были рассмотрены количественные, семантические и тезаурусные маркеры «петербургского» и «парижского» периодов творчества Г. Иванова, а также возможность их отражения в словарной статье.

В докладе А.А. Кретьова и Е.И. Сизоненко (Воронеж) «Мир поэзии А.Т. Твардовского в зеркале словаря» была предпринята попытка выявить элементы художественной системы поэзии А.Т. Твардовского через ме-

гамаркемы – корневые слова, представляющие корнесловы, в которых частота преобладает над продуктивностью. Выявлена 41 мегамаркема. Анализ их показал центральную и смыслообразующую роль дома и семьи в поэзии А.Т. Твардовского.

В сообщении Г.А. и С.А. Чуриковых (Воронеж) «Лексикографическое описание крылатых выражений А.Т. Твардовского» была представлена концепция «Словаря крылатых выражений А.Т. Твардовского».

Особенности функционирования слова в поэтическом языке и отражения его в словаре рассматривались в докладах И.Ю. Беляковой (Москва) «Лексикографическое представление таксона “Глаза” в тезаурусе М. Цветаевой» (по материалам работы над Словарем языка Цветаевой) и Н.М. Азаровой (Москва) «История слова БЫТИЕ в новой и новейшей русской поэзии» (с использованием соответствующей статьи из «Словаря языка русской поэзии XX века»).

Завершилась работа расширенного семинара пленарным заседанием, объединившим семь выступлений.

Д.О. Добровольский (Москва) в своем докладе «Лексическая семантика в диахронии: язык художественной прозы Пушкина и современное словоупотребление» отметил, что при сравнении современного русского языка с языком пушкинской эпохи становится очевидным, что в то время как инвентарь грамматических форм остался практически неизменным, нормы словоупотребления претерпели весьма существенные изменения.

Выступление А.Л. Голованевского (Брянск) на тему «Что могут и чего не могут толковые словари» включало последовательное сравнение различных типов словарей; в частности говорилось, что толковые словари русского языка, на основе которых разрабатываются многочисленные аспектные словари, создаются на базе текстов разных стилей и жанров, но ни в одном толковом словаре не может быть отражено все семантическое богатство лексики А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока и других всемирно известных русских авторов; авторские словари могут при выяснении лексических значений учитывать если не все, то большинство контекстов, – отсюда и новые, на первый взгляд, сомнительные, значения слов.

В.К. Щербин (Белоруссия), выступивший с докладом «Лексикографический мейнстрим: система взаимовлияний между авторскими и толковыми словарями», отметил, что любая национальная лексикография сегодня имеет сложную иерархическую структуру, основные составляющие которой (теоретическая лекси-

кография, практическая лексикография и лексикография как совокупность словарей) тесно связаны между собой, поскольку в процессе подготовки и издания словаря любого типа с необходимостью реализуются различные аспекты каждой из этих составляющих.

В выступлении Н.Н. Перцовой (Москва) «Неологизмы в рукописях Велимира Хлебникова» шла речь о подготовке двух монографий: Словаря неологизмов Хлебникова по публикациям и рукописям (общим объемом примерно десять тысяч слов, около половины которых встречается только в рукописях) и комментированного издания ранних словотворческих тетрадей Хлебникова, включающего факсимильное воспроизведение тетрадей (248 л.; хранятся в РГАЛИ).

В докладе Н.А. Фатеевой (Москва) «Терминологические неологизмы как элементы индивидуальной “поэтической филологии”: попытка словарного описания» было прослежено, как с начала XX в. происходит расширение списка метаязыковых компонентов поэтического текста, в частности, за счет появления терминов-неологизмов как элементов индивидуальной «поэтической филологии». С этой точки зрения рассматривалось терминовтворчество и языкотворчество В. Хлебникова, А. Крученых, В. Каменского, И. Северянина, В. Гнедова, а также современных поэтов, работающих как в экспериментальных, так и в классических жанрах (А. Вознесенского, Г. Сапгира, С. Бирюкова, А. Альчук, поэтов-концептуалистов, А. Левина, Д. Авалиани и др.). Особое внимание в докладе было уделено также идиостилевому аспекту использования лингвопоэтических и стиховедческих терминов.

В выступлении Ю.Б. Орлицкого (Москва) «Стиховедческая терминология в словарях языка писателя» был сделан обзор основных тенденций использования русскими поэтами XVIII–XX вв. слов, соотносимых со стиховедческой терминологией, и показаны особенности фиксации таких слов в словарях языка этих поэтов.

В докладе Анны А. Зализняк (Москва) «О феномене ближней семантической эволюции: *инвалид* и *перевод* у Пушкина» феноменом «ближней семантической эволюции» было названо неправильное понимание текста, возникающее из-за того, что читатель не распознает семантический сдвиг, произошедший в слове или конструкции родного языка, и понимает их в современном ему значении.

Завершило работу расширенного семинара обсуждение докладов, в котором приняли участие как докладчики пленарных и секционных заседаний, так и слушатели.

В заключение, подводя итоги двухдневной научной встречи, выступили А.А. Кретов, А.Я. Шайкевич, В.К. Щербин, Н.В. Перцов и Л.Л. Шестакова.

А.Я. Шайкевич отметил как положительный момент то, что в ходе работы семинара произошел выход за пределы собственно авторской лексикографии. Представленные доклады показали, что проходящая в последнее время компьютеризация словарного дела начала приносить результаты. Ряд докладов строился на материале Национального корпуса русского языка. Можно предположить, что Корпус станет инструментом, который позволит ставить и решать принципиально новые задачи, в частности задачу создания исторического словаря нового времени, необходимость которого доказывают приводившиеся в докладах примеры того, как усложняет работу над авторскими словарями расхождение языка изучаемого писателя и современного языка.

Проведенный семинар, как подчеркнул В.К. Щербин, подвел черту под полувековым развитием авторской лексикографии в России, отправной точкой которого стало издание

«Словаря языка Пушкина», показав, что структура этого научного направления резко усложнилась, успешно развивается теория русской авторской лексикографии (см. монографию Л.Л. Шестаковой «Русская авторская лексикография: Теория, история, современность». М., 2011), но даже на богатом фоне созданного за последние 50 лет «Словаря языка Пушкина» не утратил своего фундаментального и даже эпохального характера.

Н.В. Перцов напомнил слушателям слова Велимира Хлебникова о том, что нет времени, а есть пространство, в котором настоящее объединено с прошедшим и будущим, отметив, что прошедшая научная встреча позволила это прочувствовать.

Л.Л. Шестакова поблагодарила руководство Института русского языка им. В.В. Виноградова, поддержавшее идею семинара и оказавшее большую помощь в его проведении. Она выразила общее мнение участников семинара о необходимости повторения в будущем подобных встреч для обсуждения актуальных проблем авторской лексикографии.

А.В. Гик, А.С. Кулева

Сведения об авторах:

Анна Владимировна Гик
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
annagik@yandex.ru

Анна Сергеевна Кулева
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
an_kuleva@mail.ru

XLIII Виноградовские чтения в МГУ

11 января 2012 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова прошли XLIII Виноградовские чтения. Тема чтений – «Вклад В.В. Виноградова в отечественную филологическую методологию» – собрала исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода. Программу составили 10 докладов, посвященных науковедческой, системно-грамматической, текстовой (объяснительной и статистико-аналитической) и литературоведческой проблематике.

Открылись чтения кратким сообщением Н.К. Ониненко (Москва). Она рассказала о разысканиях краеведов Зарайска, которым удалось найти документы, свидетельствующие о реальной дате рождения В.В. Виноградова – 16

октября 1894 года (т. е. 28 октября по новому стилю)¹.

Первым в научной программе чтений прозвучал доклад П.Б. Паршина (Москва) «Функциональная типология лингвистов и место в ней академика В.В. Виноградова». Выступавший напомнил слушателям об опытах типологии ученых в отечественной лингвистике (это характерологическая типология В.М. Алпатова и краткая гносеологическая типология Т.М. Николаевой) и предложил функционально-ролевую классификацию лингвистов, в которой наука рассматривается как

¹ Подробно см. в: Г.А. Золотова, Н.К. Ониненко, Е.Н. Никитина. Научная история Виноградовских чтений в МГУ 1999–2011 гг. // ВЯ. 2012. № 2.

сложное предприятие, производящее и продвигающее специфический продукт – научное знание. П.Б. Паршин исходил из идеи о том, что традиционное представление об истории лингвистики как исключительно «истории лингвистических учений» недостаточно, и показал, что ученые могут оставаться в истории науки в самых разнообразных ролях. Пониманием науки как особого производства было предопределено использование в докладе «маркетинговой метафоры» и соответствующей терминологии. В многоуровневой классификации были выделены базовые роли ученых: «креаторы», «дескриптивисты-каталогизаторы», «снабженцы» (поставщики новых данных), «интерпретаторы», «учителя – трансляторы традиции», «внешние контрибуторы (субподрядчики)», «раскрученные маргиналы». Академик В.В. Виноградов был каталогизатором-грамматистом, системным интегратором и интерпретатором, генератором отдельных идей, учителем – транслятором традиции и «человеком интерфейса»; эффективное соединение нескольких ролей в личности одного ученого может являться доказательством его вклада в историю науки.

Доклад А.А. Кибрика (Москва) «Специфика и происхождение русской референциальной системы» был посвящен русскому персональному дейксису. В центре внимания оказались редуцированные референциальные показатели – местоимения в субъектной позиции и личные аффиксы в глаголе. По соотношению этих двух показателей были выделены следующие референциальные системы: (1) референция преимущественно посредством личных окончаний глагола – архаичная система древних индоевропейских языков (например, старославянского), которая сохраняется в южно- и западнославянских языках, а также в ряде романских языков; (2) референция посредством свободных субъектных местоимений (современные германские языки): личные окончания в некоторых из этих языков еще сохраняются, но утратили самостоятельную референциальную функцию; (3) референция посредством и личных окончаний, и местоимений. В русском языке, как и в восточнославянских языках в целом, примерно в 2/3 случаев используются субъектные местоимения, а в 1/3 случаев глагольные аффиксы являются единственными носителями референциальной функции. Русская система получила в докладе характеристику как «система германского типа с сильным архаичным акцентом». Она с типологической точки зрения является «одной из наиболее сложных и запутанных» и дополнительно осложнена тем,

что личные окончания представлены лишь в настоящем/будущем времени. Причиной формирования такой специфической референциальной системы, по мнению докладчика, стало падение маркированных по лицу связок и расширение сферы употребления субъектных местоимений в прошедшем времени – в нейтральных условиях, в отсутствие противительного контекста. Докладчик подкрепил свою точку зрения, сославшись на данные А.А. Зализняка о том, что процесс экспансии субъектных местоимений в прошедшем времени начался раньше, чем в настоящем. Следы этого процесса можно видеть и в современном русском языке: по данным корпусного анализа, в современных текстах субъектные местоимения присутствуют значительно чаще в клаузах с предикатом прошедшего времени. Помимо внутренних факторов, следует учитывать и возможное влияние на формирование русской референциальной системы со стороны германских, финно-угорских и тюркских языков.

Три выступления в программе чтений были посвящены неопределенно-личным предложениям.

Е.В. Падучева (Москва) в докладе «Грамматическая семантика лица в неопределенно-личном и обобщенно-личном предложении» обратилась к классическому виноградовскому анализу начала «Пиковой дамы». Как развитие мысли В.В. Виноградова о важности порядка слов при интерпретации «неопределенно-личных предложений» можно рассматривать предложенный Еленой Викторовной критерий для отграничения неопределенно-личных предложений от неполных. Так, в примере *В Двине купались – ночью* (Ю. Казаков. Северный дневник), который в «Русской грамматике» 1980 г. охарактеризован как неопределенно-личное предложение, бесподлежащее сказуемое в теме указывает на то, что данное предложение является неполным, а не неопределенно-личным. Дополнительно об этом свидетельствует контекст – упомянутое *мы*. Решая вопрос о соотношенности неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений, Е.В. Падучева высказала мнение, что к неопределенно-личным естественно отнести все односоставные предложения, в которых сказуемое имеет форму 3 лица множественного числа, хотя одни НЛП выражают частное суждение с неопределенным субъектом (*У меня украли паспорт*), а другие – общее (*Победителей не судят*). Напротив, обобщенно-личные предложения не образуют формально единого класса. В докладе использовалось понятие «третьеличный нуль» (И.А. Мельчук, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев) и было введено понятие «иллокутивный нуль» – аналог илло-

кутивного местоимения в обобщающем значении. Иллокутивный нуль (с обобщенно-личной семантикой) противопоставлен «эгоцентрическому нулю» (аналогу местоимения 1 лица единственного числа), который всегда остается конкретно-референтным².

Е.Н. Никитина (Москва) в докладе «Неопределенно-личные предложения и грамматика индивидуальности» обратила внимание слушателей на то, что у В.В. Виноградова для интерпретации бессубъектных предложений в начале пушкинской повести предлагаются три грамматических параметра: порядок слов, фразовый акцент на наречии *незаметно* и отсутствие указания на субъект «при переходе к новой повествовательной теме». Если первые два параметра являлись для В.В. Виноградова свидетельством включенности повествователя в мир своих героев, то аргументом в пользу включенности повествователя в состав субъектов действия, т. е. в пользу «почти» рождения «образа – мы», является только третий параметр – соединение двух кореферентных предикатов *играли* и *сели ужинать*. В докладе прием нанизывания бессубъектных предикатов множественного числа был проинтерпретирован как средство, приводящее в действие грамматический механизм анафоры, которая индивидуализирует, конкретизирует «нулевой» субъект. Была показана ограниченность взаимодействия деепричастий (воплощающих грамматику индивидуальности) с неопределенно-личными предложениями, которое становится возможным лишь в условиях контекстной индивидуализации субъекта. Средствами индивидуализации субъекта, кроме анафоры и катафоры в рамках текстового фрагмента, могут, в частности, стать (1) инклюзивность *Я* (*На рогожке сидя, о соболях не рассуждают*), (2) предикативное взаимодействие совершенных деепричастий с нулем объекта, который занимает тематическую позицию и находится в фокусе эмпатии (*Мясо, приготовив, заворачивают в фольгу*).

В докладе М.Ю. Сидоровой (Москва) «Неопределенно-личность в прозе А.П. Чехова» на примере таких произведений, как «На подводе», «В родном углу», «Невеста» и др., обсуждалась роль неопределенно-личных конструкций в поэтике Чехова. С позиций коммуникативно-функциональной грамматики было показано, что неопределенно-личные предложения могут выступать средством выражения «отчужденности» между внутритекстовыми субъектами и «интимизации» отношений меж-

ду читателем и изображаемыми событиями. Особое внимание было уделено неопределенно-личным интродуктивным фрагментам в художественной прозе, что позволило показать роль неопределенно-личного предложения как художественного приема и его роль как типового обозначения ситуации. В докладе также проводилась мысль о важности учета регистра – информативного или репродуктивного, а в репродуктивном – зрительного или слухового канала при рассмотрении этого типа предложений.

В докладе М.В. Всеволодовой (Москва) «Категория словосочетания и роль словосочетания в предложении и высказывании» с точки зрения прикладного направления функционально-коммуникативной лингводидактической концепции описания русского языка рассматривалась категория словосочетания, в которую включались и сочинительные структуры, и так называемые фразеологизмы (коллокации) типа *дать совет, говорить громким голосом* и др. (в них грамматически главное слово словосочетания является семантически служебным). Последний тип конструкций был назван в докладе дескрипциями, которые представляют собой достаточно развернутую и хорошо категоризованную систему. Логическим развитием широкого понимания словосочетания стало предложение докладчика считать такие варианты расположения слов, как инвертированный словопорядок (*прочитал книгу интересную*), дистактное расположение (*Я вчера книгу прочитал интересную*), отношения предикативности (*Книгу я вчера прочитал интересную*), не разрушением словосочетания, а проявлением его свойства участвовать в организации линейно-интонационной структуры предложения, вплоть до формирования определенных моделей предложения типа *Книгу продали, Книг на столе одна/две/пять*. Для интерпретации этого свойства словосочетаний докладчик использовала идею трех парадигм: парадигма «словоформы», парадигма «слова» и коммуникативная парадигма.

Анализ русских глагольных форм на -л в связи с понятиями аориста и перфекта был предложен в докладе Ю.П. Князева (Великий Новгород) «Перфектное значение и перфект в русской грамматической традиции». В обращении к этой проблематике можно видеть продолжение виноградовских грамматических традиций. В докладе обсуждались личные и причастные глагольные формы прошедшего времени, которые получают в лингвистике интерпретацию в связи с «идеей перфектности». Докладчик доказывал мысль, что применительно к русским спрягаемым формам прошедшего времени противопоставле-

² Подробно см.: Е.В. Падучева. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // ВЯ. 2012. № 1.

ние перфекта и результата нерелевантно. Напротив, причастные формы на *-и-*, *-т-* могут участвовать в организации претерита, перфекта, результата и статива. При разграничении указанных значений следует учитывать (1) наличие/отсутствие формы *был*, (2) порядок слов, (3) характер временных распространителей (дейктические/недейктические обстоятельства времени), (4) возможность/невозможность итеративной интерпретации. Также шла речь о понятиях «перфектность» и «общезначительное» значение несов.в. на примере экспериментальных предложений.

С.С. Сай (Санкт-Петербург) выступил с докладом «О двух подходах к семантике русских возвратных глаголов», в котором были охарактеризованы и разделены на два направления лингвистические работы, посвященные возвратным глаголам. Это семантическое (логическое, традиционная классификация по лексико-грамматическим разрядам) и деривационное (словообразовательное) направления. В рамках первого подхода, который господствовал в русистике XIX века, глаголы классифицируются по их собственным семантическим свойствам (например, глаголы *ссориться* и *целоваться* относят в класс «взаимно-возвратных»). В подавляющем большинстве современных исследований (начиная с А.В. Исаченко и Н.А. Янко-Триницкой) преобладающим стал «деривационный» подход, при котором, например, *целоваться* и *ссориться* должны быть разведены по разным классам, так как производящие их глаголы предполагают разный количественный состав и семантику актантов, ср.: *целовать (кого)* и *ссорить (кого с кем)*. По мнению докладчика, современное описание возвратных глаголов должно учитывать оба указанных подхода. Эта традиция и существует в русской грамматике. В своей книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» В.В. Виноградов поступает именно так: особое внимание уделяет случаям, когда с позиций производности не удастся классифицировать все разнообразие наблюдаемых фактов. В.В. Виноградов отмечал обогащение регулярного грамматического в семантике возвратного глагола за счет индивидуальных семантических приращений. В качестве доказательного материала С.С. Сай рассматривал речевые ошибки, диахронические изменения и др.

О.В. Кукушкина (Москва), выступив с докладом «Особенности употребления служебных слов как признак авторского стиля (от Пушкина до Бунина)», познакомила слушателей с проектом, разрабатываемым в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (филологический факультет МГУ), посвященным решению проблем ма-

шинного распознавания текста, установления авторства. Исследование представляло собой количественный анализ «служебных слов» в текстах русской литературы (всего 13 авторов). Анализировались предлоги, союзы, частицы, вводные слова (всего 1 000 словарных единиц, которые и выступили в качестве параметров). Методика компьютерного анализа в рамках проекта состоит в том, что с применением количественных методов устанавливаются средние, не индивидуализирующие стиль значения (порог), а затем относительно порога оценивается употребимость языковых единиц у каждого из авторов. В результате была получена характеристика стиля каждого из авторов по каждому из 1 000 параметров. По совокупности параметров самым узнаваемым для машины автором оказался Чернышевский, а по частным параметрам получены такие результаты: высокая частотность союза *потому что* отличает Лермонтова и Толстого, частицы *уже* – Гоголя, предлогов *к*, *с* – Толстого. Самыми «нейтральными» с точки зрения суммы параметров оказались тексты Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Чехова.

Доклад И.А. Емельина (Москва), посвященный анализу основных форм светового контраста в лирических текстах Пушкина-романтика, продолжил виноградовские методологические традиции в исследовании пушкинской поэзии. Докладчик на примере пушкинской лирики первой половины 1820-х гг. («Погасло дневное светило...», «Редет облаков летучая гряда...», «Земля и море», «К Овидию», «В твою светлицу, друг мой нежный...», «Один, один остался я...», «Ночь», «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...», «Аквилон») показал, что экспрессия романтического контраста света и тьмы может иметь разные источники. Экспрессивные эффекты, обусловленные категориями света/тьмы, могут возникать за счет изображения объективированных явлений физического мира, а также за счет включения в поэтический мир ментальных форм (воспоминание и мечта). Эффект стремительного умаления света отражает общую динамику развития лирической эмоции, создавая атмосферу особой напряженности. Романтический контраст в поэзии Пушкина, который зиждется на индивидуально-неповторимой внутренней обусловленности, строится на противопоставлении таких традиционных для романтизма понятий и категорий, как день и ночь, луч звезды и вершины черных скал, блеск молний и мрачные небеса, голос возлюбленной и горящая свеча, реальное и ирреальное, определенное и неопределимое, конкретное и абстрактное.

Виноградовские чтения 2012 г. убедительно показали, что интерес к личности акаде-

мика В.В. Виноградова и к его научному наследию, актуальность его научного метода, проявившегося в совмещении новаторства и традиций, во внимании к языковому факту и в теоретичности, становятся основанием для

встреч представителей разных научных школ, для продуктивного диалога между разными направлениями в современной отечественной русистике и типологии.

Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина

Сведения об авторах:

Надежда Константиновна Онипенко
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
onipenko_n@mail.ru

Елена Николаевна Никитина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
yelenon@mail.ru